

ФРЕДРИК БРАУН

СМЕРТЬ
ТОЖЕ
ОШИБАЕТСЯ...

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

**СМЕРТЬ
ТОЖЕ
ОШИБАЕТСЯ...**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Серия «Чай, кофе и убийства»

Fredric Brown
THE DEAD RINGER

Перевод с английского *М. Прокопьевой*

Серийное оформление *В. Воронина*

Оформление обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Scott Meredith Literary Agency.

Браун, Фредрик.

Б87 Смерть тоже ошибается... : [роман] / Фредрик Браун ; [пер. с англ. М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102870-1

Странствующий по Америке цирк шапито преследует проклятие — вереница странных путающих событий кажется бесконечной.

Все началось с убийства никому не известного лилипута, обнаженное тело которого было обнаружено на территории цирка. Дальше — больше; его смерть стала лишь первым звеном в цепочке таинственных убийств и крайне подозрительных «несчастных случаев». И самое странное обстоятельство — то, что убийца, похоже, подбирает своих жертв... по размеру.

Не в силах больше стоять в стороне, к расследованию подключаются бывший частный сыщик, а ныне — владелец собственного аттракциона в цирке Эмброуз Хантер и его юный племянник Эд...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102870-1

© Fredric Brown, 1949
© Перевод. М. Прокопьева, 2017
© Издание на русском языке,
AST Publishers, 2017

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭД ХАНТЕР — ненавидит убийства, но они постоянно случаются рядом с ним.

ЭМ ХАНТЕР — дядя Эда, бывший частный сыщик, ныне владелец киоска в цирке шапито, где они оба работают.

РИТА ВАЙМАН — сексапильная блондинка, притягивающая неприятности; работает в стрип-шоу.

АРМИН ВАЙСС — капитан полиции в Эвансвилле, штат Индиана. Выглядит как тупой коп.

ХОУГИ — читает лекции по сексуальному воспитанию в цирке шапито.

ЛОН СТАФФОЛД — лилипут, которого никто не знал, пока его не убили.

ФЛО ЧЕРВИНСКИ — держит меблированные комнаты в Цинциннати.

ЭСТЕЛЬ БЕК — тоже работает в стрип-шоу, но менее красива и опасна, чем Рита.

ЛИ КЭРИ — фокусник, поклонник джаза.

БУКЕР Т. БРЕНТ — семилетний вундеркинд, отбивающий чечетку; прозвище Джигабу.

Глава первая

Ничто в этот день не предвещало убийства. Был он унылый и серый, но теплый, и в цирке собралась приличная толпа. Мы неплохо выступили. Было пятнадцатое августа, четвертый день нашего пребывания в Эвансвилле, штат Индиана.

Около половины седьмого — мы как раз начали готовиться к вечернему представлению — полил дождь. Обычно для цирка шапито это катастрофа, но на сей раз никто особенно не расстроился. Вот уже несколько недель, пока мы колесили по южному Огайо и Кентукки, стояла отличная погода, мы работали каждый день и не могли пожаловаться на заработок. Для разнообразия вполне можно было один вечер устроить себе отдых.

Дядя Эм только открыл наш киоск с призовой игрой, и тут в сумерках упали первые крупные капли. Он запрокинул голову и посмотрел на небо. Несколько капель попали ему на лицо и, поблескивая, повисли там. Дядя снова закрыл киоск и широко улыбнулся.

— Ну, Эд, — сказал он, — похоже, у нас выходной.

— Может, дождь скоро закончится, — предположил я.

— Думаю, зарядил на всю ночь. Еще и ветер поднимется. Давай-ка веревкой привяжем.

Мы убрали бейсбольные мячи, деревянные бутылки из-под молока, две полки с призами и достали непромокаемые плащи. Я надел шляпу. Со своей дядя Эм вообще никогда не расстается, разве что когда спит. У него мягкая черная шляпа с широкими опущенными полями вроде той, которую носит Тень, но на этом сходство моего дядюшки с Тенью заканчивается: он низкорослый, весьма упитанный, у него веселое круглое лицо и не слишком аккуратные каштановые усы.

Мы достали веревку и привязали боковые стены нашего киоска к каркасу двойным рыбацким узлом. Дождь усилился. Повсюду на аллее работники цирка делали то же самое и снимали афиши. Мы также привязали палатку, в которой спали, к будке с нашим аттракционом.

К этому времени дождь поутих, превратившись в мелкую морось, но дядя Эм утверждал, что это он так нас дурачит.

— Сегодня открывать не будем. Наверное, я схожу в Джи-топ. Почему бы тебе не сгонять в город, посмотреть кино?

— Я останусь здесь, — ответил я. — Хочу поиграть на тромбоне, к тому же у меня есть журнал с детективами.

Дядя кивнул и ушел, а я вернулся в палатку, включил свет и достал свой отличный тромбон, который дядя подарил мне, когда в прошлом году после смерти отца я устроился работать в цирк.

Этот тромбон до сих пор вызывал у меня восторг. Некоторое время я просто сидел, держа его в руках и наслаждаясь соприкосновением с ним. У него была легкая, как перышко, кулиса, которая двигалась так, что не ощущалось ни трения, ни веса. Я полировал его позолоченное покрытие, словно драгоценность. Инструмент приятно было просто держать в руках и смотреть на него.

Посидев так, я начал играть гаммы, а потом сыграл несколько мелодий по памяти. Неплохо. Но когда я взял высокие ноты, они у меня не получились, и, наверное, это звучало ужасно. Позади послышался смех, и я обернулся. В палатку просунулась голова Хоуги, а потом, широко улыбаясь, вошел и он сам. С его ярко-желтого непромокаемого плаща стекали капли дождя. Хоуги был такой огромный, что, казалось, занимал собой половину палатки, и ему пришлось слегка наклонить голову, чтобы не задеть шляпой полотняный потолок.

— Эд, я думал, тут кого-то режут, — сказал он. — Заглянул, чтобы проверить.

Я улыбнулся:

— Ты только что вернулся, Хоуги?

— Пару минут назад. Все готово к переезду в Саут-Бенд на следующей неделе. Там и место хорошее.

Несколько дней в неделю он подрабатывал антрепренером, поскольку наш штатный антрепренер уволился. Обычно Хоуги выступал в интермедии с лекциями по сексуальному воспитанию, но в большинстве городов его номер вызвал бурное негодование, и устроители ярмарки решили отказаться от таких рода лекций до конца сезона.

— Как твоя шимпанзе, Хоуги? — спросил я.

Он помрачнел:

— Все еще болеет. Я сразу заглянул в трейлер, посмотреть, как она. А где Эм? Играет?

Я кивнул, и Хоуги вышел из палатки. Дождь снова усилился, отбивая равномерную дробь по полотняной крыше у меня над головой. Послышались раскаты грома. От этого низкого, далекого грохота почему-то становилось страшно. Вроде и знаешь, что это всего лишь тучи ударяются друг о друга, но звук напоминал рычание какого-то зверя, огромного и страшного, которого нельзя опознать по голосу, но он казался большим и смертоносным, хотя и находился далеко.

Я надел дождевик и зашагал по аллее. Дождь стучал по моей шляпе, как по барабану, и земля на территории цирка начала превращаться в раскисшую грязь. К счастью, наклонная поверхность поможет избежать образования глубоких луж, а с грязью справятся опилки.

Я пересек аллею и направился к зеленому фургону, расположенному за шатром шоу уродов. В фургоне горел свет, и когда я постучал, Ли Кэри пригласил меня войти. Он улыбнулся и произнес:

— Можешь послушать граммофон. Правда, я сейчас ухожу.

— Есть новые пластинки?

— Альбом Джимми Дорси. Хорошая музыка.

Он надел непромокаемый плащ и вышел, а я включил портативный граммофон и поставил альбом Дорси. Действительно, хорошая музыка. Но в небе грохотало все громче, и я не мог сосредоточиться на музыке. Да ну ее, решил я и снова направился на улицу.

Дождь лил как из ведра. Я поспешил обратно к нашему киоску и обнаружил там дядю Эма, который стоял под козырьком фургона с попкорном и следил за нашей палаткой. Поднялся ветер, но не очень сильный.

Мы немного поговорили с ним, а когда дождь и ветер слегка поутихли, дядюшка Эм вернулся в Джи-топ. Если кто не в курсе, Джи-топ — палатка, где циркачи играют в карты между собой, в своем кругу. Чужакам — то есть людям со стороны — сюда вход заказан, это дело чисто семейное.

Я пошел с дядей, немного понаблюдал, как он играет в рамми, но задерживаться там не стал.

После нескольких партий я вернулся в палатку, в которой мы спали. Под дождевик залилась вода, я разделся и принялся вытираться полотенцем. Пока я этим занимался, неожиданно погас свет. Причем не только у нас в палатке, но на всей территории цирка. Выглянув на улицу, я увидел, что везде царит кромешная тьма.

Выругавшись, я на ощупь отыскал спички и зажег карбидную лампу, которую мы использовали только в чрезвычайных ситуациях. Я как раз переодевался в сухие трусы, когда в палатку вошел дядя Эм.

— С тобой все в порядке, сынок? — спросил он.

— Да, — кивнул я. — Что случилось?

— Молния ударила в какие-то провода и подожарила дизельный генератор. Сегодня его не починят — вся обмотка сгорела. Гроза закончилась, но напоследок выстрелила по нам.

Когда он ушел, я достал журнал с детективными историями и попробовал почитать. Но меня все сильнее клонило в сон. Снова начался легкий дождик, который то прекращался, то моросил. Сквозь тихий стук дождя я слышал, как бьют часы, а затем далекий свисток поезда. Тихо шипела карбидная лампа, мягко гудел дождь, скучный рассказ все больше усыплял меня... и в конце концов уснул.

Мне кажется, выстрела я не слышал. Если и слышал, то его звук затерялся в снах, которые мне снились, а это я плохо помню.

Меня разбудил голос дяди Эма.

— Эд! — позвал он с порога. — С тобой все нормально?

Я сел на койке.

— Ну да... А что?

— Только что раздался выстрел. Я подумал, может...

Он не договорил. Видимо, дядя решил, что я взял ружье тридцать второго калибра, которое он хранил в сундуке, и оно случайно выстрелило.

Дядя зашел в палатку, за его спиной возник огромный силуэт. Это был Хоуги. Он наклонил голову, чтобы не задеть головой потолок.

— Говорят, стреляли где-то возле шатра сайд-шоу. Ты идешь туда, Эм?

Видимо, именно туда дядя Эм и отправился, поскольку я вдруг остался в палатке один. Все еще пребывая в полусне, я опустил ноги на пол и натянул сапоги. Снаружи доносилось множество голосов и чавкающий звук шагов по раскисшей земле. Дождя больше не было слышно.

Я быстро накинул дождевик прямо на голое тело. Это было неприятно, на коже он казался холодным и липким. На ходу застегивая плащ, я выскочил на улицу, обогнул наш киоск и выбрался на аллею. Все еще моросил мелкий дождик.

Я влился в поток людей, двигавшихся в направлении шатра сайд-шоу. У многих в руках были фонарики. Конечно, я не удосужился захватить свой фонарик, поскольку спросонья не сообразил, что на аллее темно, хоть глаз выколи. Но, следуя за остальными, умудрился дойти до шатра сайд-шоу и даже ни обо что не споткнуться.

Забор, окружавший шатер, я нашел довольно легко — просто в него врезался. Я перелез через забор, на ощупь отыскал дорогу к полотну, умудрившись не запутаться, и пролез под боковой стеной.

Внутри было светло. Неровные танцующие лучи примерно двадцати фонариков заливали помещение тусклым светом. Но одно место, в самом центре, было освещено очень ярко.

Вокруг толпилось много людей. Мне не было видно, что они там рассматривают. Приблизившись к плотному кольцу, окружавшему это место, я встал на цыпочки и вытянул шею, пытаюсь заглянуть поверх голов.

В этот момент стоявший передо мной человек отошел, и я разглядел то, что лежало в траве. Лучше бы я этого не видел.

На траве, лицом вниз, лежал ребенок, совсем голый. Судя по всему, мальчик, лет шести-восьми. У него была очень бледная кожа и коротко подстриженные темные волосы.

Из спины у него торчала рукоятка ножа. Тяжелая. Нож напоминал один из тех метательных ножей, которыми пользовался в своем выступлении Австралия. Мальчик был мне не знаком. По крайней мере со спины я его не узнал.

Сзади напирали другие люди, некоторые из них взволнованно обсуждали происшествие. Напротив меня Папаша Дженни опустился на колени и приложил руку к плечу мальчика.

— Мертвее не бывает, — произнес он. — Совсем холодный.

Он быстро отнял руку. Кто-то сказал: «Господи Иисусе!», и это прозвучало вполне искренне.

— Не трогайте его, — проговорил кто-то третий. — Не передвигайте тело!

Еще упомянули копов, выругались.

Я попятился и вышел из кольца людей. Неподалеку стояла другая группа, поменьше, и там я заметил дядю Эма и Хоуги. Они собрались вокруг кого-то, кто сидел на краю платформы уродов. Человек всхлипывал с таким надрывом, будто вот-вот готов был впасть в истерику. Судя по звуку, это была девушка. До смерти перепуганная девушка.

Мне и самому было не по себе. Конечно, я не испугался, как та девушка, но меня слегка мутило.

Я отошел к выходу и прислонился к рекламной сцене, гадая, кто, черт возьми, мог прирезать мальчишку и зачем. Пытался определить, что это за мальчишка, но не мог. Странно, ведь в цирке было много детей, и я полагал, что знаю их всех, если и не по имени, то хотя бы в лицо.

Среди цирковых детей мне особенно нравился один мальчишка такого возраста и комплекции, паренек по прозвищу Джигабу, который танцевал чечетку в шоу. В свои семь лет Джигабу чувствовал ритм ногами лучше, чем Крупа руками. Но этот ребенок с мертвенно-белой кожей был не Джигабу. Исполнитель чечетки был черный, как уголь.

И все же, подумал я, мальчишка, который лежит там, наверняка из цирка, а не из города. Городской ребенок мог оказаться возле палатки интермедии в столь поздний час, но уж никак не без одежды. А вот для циркового ребенка это было не так уж странно. Многие работники нашего цирка в жару спят голышом. Ребенок тоже мог, однако...

Через минуту-другую тошнота прошла, и хотя во рту все еще ощущался неприятный привкус — в прямом и переносном смысле, с обедом я пока расставаться не собирался.

Я услышал, что меня зовет дядя Эм, крикнул ему в ответ: «Да» и собрался вернуться в шатер, когда дядя Эм, Хоуги и девушка вышли мне навстречу. Девушка шла между ними, они обнимали ее за плечи. Она была в длинном непромокаемом плаще зеленого цвета, зеленом берете и заляпанных грязью тапочках на высоком каблуке. На плаще и обнаженных ногах тоже виднелись обильные следы грязи. Девушка слегка наклонялась вперед, закрыв лицо руками, и все еще тихонько всхлипывала.

Дядя Эм тихо разговаривал с ней.

— Рита, — сказал он, — ты знакома с моим племянником Эдом? Его зовут Эд Хантер, такая же фамилия, как у меня. Послушай, он хороший парень. Покатайтесь с ним по городу, пока тебе не станет лучше. Пусть он на время увезет тебя отсюда.

Девушка перестала плакать и опустила руки. Теперь я узнал ее. Это была одна из новых девушек в стрип-шоу, которая поступила на работу к нам в цирк в Луисвилле и выступала всего неделю. Я видел ее пару раз. Я вспомнил, что она симпатичная, хотя сейчас, когда все лицо у нее распухло от слез, а на щеках виднелась грязные потеки, о ней трудно было такое сказать.

— Привет, Эд, — промолвила она и попыталась улыбнуться.

Я забыл о неприятном чувстве в животе и во рту и улыбнулся в ответ. Мне пришло в голову, что, возможно, убитый мальчишка приходится ей братом или еще каким-нибудь родственником. Но уж точно не сыном — она была не намного старше меня, а то и вообще ровесница. У нее никак не могло быть ребенка такого возраста. На вид ей можно было дать не более восемнадцати лет.

Дядя Эм оставил ее с Хоуги и приблизился ко мне. Взяв меня за руку, он наклонился, чтобы другие не слышали его слов, и тихо произнес:

— Это она обнаружила мальчишку, Эд. Споткнулась о труп в темноте, когда шла через шатер. Наверное, в нужник. Она чуть с ума не сошла. Послушай, отвези ее...

— Кто этот парень, дядя Эм? — спросил я. — Ты его знаешь?

— Нет, но забудь об этом. Слушай, я хочу пока тут покрутиться, и Хоуги тоже. Он даст тебе ключи от машины. Она стоит перед его трейлером, но не прицеплена. Покатай девочку, отвлеки ее от случившегося. — Он улыбнулся и на мгновение стал похож на веселого сатира. — Помоги ей сосредоточиться на чем-то другом. Может, тебе что-нибудь придет в голову.

— Конечно, — согласился я. — Но... ведь она обнаружила тело... разве копы не придут в ярость, узнав, что ее нет на месте?

Дядя раздраженно покачал головой:

— Мы обо всем позаботимся. Если копы начнут ее допрашивать в таком состоянии, у нее начнется настоящая истерика. Так что пусть ждут. Черт подери, я бы сказал, что это я нашел труп, да только слишком много народу слышало выстрел...

— Дядя Эм! — Я совсем забыл о выстреле, пока он о нем не напомнил. — Ведь мальчишку зарезали. Что же это был за выстрел?

— Пистолет Риты. Маленький, с перламутровой рукояткой, он лежал у нее в кармане плаща. Она взяла его с собой, потому что боится ходить в темноте, когда все ярмарочные огни погасли. Не привыкла еще к балагану. Она держала руку в кармане, на пистолете, и он выстрелил, когда она в темноте споткнулась о мальчишку.

— Рита не пострадала?

— Даже порохового ожога не получила. Пуля ушла в землю перед ней, пока она падала. Продырявила карман, но больше ничего. А теперь прекрати задавать дурацкие вопросы и убирайся отсюда!

Я повернулся, и Хоуги вручил мне ключи от машины.

— Готова, Рита? — спросил я.

— Да, Эдди, идем. — Ее голос все еще дрожал, но уже не так сильно.

Дождь сменился легким туманом, который затягивал лобовое стекло, едва лишь проворные «дворники» успевали стереть предыдущий слой. По краям, за пределами досягаемости «дворников», лобовое стекло стало непроницаемым, словно матовое. Заднее и боковые стекла старенького седана были в таком же состоянии. Мы оказались в маленьком прямоугольном

мирке, принадлежавшем только нам, отгороженном от влаги и темноты, царивших снаружи. Все это мы могли наблюдать только через полукружия, создаваемые «дворниками» на лобовом стекле.

Рядом со мной сидела красивая девушка, но в тот момент это не имело значения, поскольку я должен был полностью сосредоточиться на сверкающей полоске дороги впереди, на которой постоянно возникали неожиданные повороты. Все мое внимание было направлено на то, чтобы следить за этой извивающейся асфальтовой полосой и удерживать на ней машину.

Но вскоре я с удивлением подумал: куда я так спешу? Убрав ногу с педали, снизил скорость и улыбнулся сидевшей рядом девушке. Она ответила мне тем же.

— А я-то никак не могла понять, куда ты так торопишься, — произнесла Рита.

Она придвинулась ближе, и я слегка приобнял ее. Это казалось совершенно естественным. В любом случае было приятно.

Автомобиль съехал на обочину дороги и остановился. «Дворники» перестали работать, и мы оказались полностью отрезаны от внешнего мира в нашей маленькой прямоугольной вселенной в салоне. Я повернулся и посмотрел на Риту. Она была очень красивая, даже сейчас, когда дождь смыл с лица весь макияж. У нее были голубые, слегка затуманенные глаза. Ее спокойный взгляд встретился с моим.

— Давай не будем, Эдди, — промолвила она.

— Ладно, — кивнул я. — Буду вести себя хорошо.

— Потому что... ты мне нравишься, Эдди.

Я рассмеялся:

— Веская причина!

— И я хочу, чтобы ты продолжал мне нравиться. Может, это звучит глупо, но... И пожалуйста, Эдди, перестань на меня смотреть. Я знаю, что вся в грязи и выгляжу ужасно.

— Я бы так не сказал, — заверил я. — Ну... не совсем так...

— Все равно не смотри.

— Хорошо, — произнес я и, наклонившись вперед, выключил огонек на приборной панели. — Теперь я ничего не вижу. Довольна?

— Только не вздумай пустить в ход систему Брайля... Прости, Эдди.

— За что?

— Я говорю вульгарно. Наверное, я чувствую потребность защищаться с тех пор, как неделю назад стала работать в цирке. Все мужчины-циркачи такие... сволочи.

— Не все. Например, мой дядя и Хоуги...

— Я не про Хоуги. Он мне вроде как дядя. Не родной, но он знал моих родителей, а Мардж дружила с моей матерью. Это он устроил меня на работу в цирк. И вообще, они с Мардж так помешаны друг на друге, что никому и в голову не придет подозревать Хоуги в том, что он начнет подкатывать к другой женщине.

— Да, мне тоже нравится Мардж.

— А твой дядя... Я с ним до сегодняшней ночи не виделась. Кто он и чем занимается?

— Эмброуз Хантер, — ответил я. — Но зови его просто Эм, а то отшлепает. Он, в общем-то, лучший человек на свете.

— Мне хотелось бы познакомиться с ним.

— Познакомишься. Есть и другие хорошие парни. Например, Ли Кэри, фокусник из сайд-шоу. Тебе нравится свинг?

— Конечно.

— У Кэри есть граммофон и отличные пластинки. Как-нибудь сходим послушаем. И он тебе понравится. Гарантирую, что Кэри не будет к тебе клеиться.

— Почему?

— Ну, потому что...

— Хочешь сказать, если он и стал бы к кому-то клеиться, то это был бы ты?

— Этого он тоже не стал бы делать, — ответил я. — Не стал бы, потому что... Черт возьми, давай забудем об этом. Ты почти правильно угадала. Но он хороший парень и наверняка тебе понравится.

— Значит, как-нибудь послушаем его пластинки. Но другие циркачи, которых я встречала...

— По-моему, ты их неправильно поняла, Рита. В разъездном цирке, разумеется, не такие нравственные ценности, как в пресвитерианской церкви в Библейском поясе¹[1]. Но если ты окажешься в затруднительном положении, большинство циркачей отдадут тебе свою последнюю рубашку — и совсем не потому, что чего-то ждут взамен.

— Ну-у... может, ты и прав.

— Конечно, прав. Видимо, твое знакомство с ними началось не совсем удачно, вот ты их и осуждаешь. Чтобы поладить с ними, ты должна научиться смотреть на вещи с их точки зрения. Они... если можно так выразиться, по-честному нечестные.

— Хочешь сказать, они не дают дуракам равные шансы?

— Я не совсем это имел в виду, но...

— Я в это верю, Эдди. Когда-нибудь я найду себе дурака. Богатого. Не собираюсь всю жизнь быть бедной. Я выросла в нищете, и с меня хватило.

Рита говорила серьезно. В ее голосе прозвучала злость.

— Думаешь, я охотница за чужими деньгами? — спросила она. — Что ж, так и есть.

— Ничего страшного. Ты охотница за чужими деньгами. Не переживай так по этому поводу. Положи голову мне на плечо и расслабься.

Она тихо засмеялась, а потом опустила голову мне на плечо.

— Ты забавный, Эдди. Ты мне нравишься. Жаль, что ты не богат, а то я бы за тебя взялась. Но ты ведь не богат?

— У меня есть девятнадцать долларов и тромбон, — усмехнулся я. — На мой взгляд, я богач. Ах да, еще у меня есть один приличный костюм, но я сейчас не в нем, а жаль, потому что становится холодно. А у меня под дождевиком ничего, кроме трусов. Я спал, когда возникла вся эта заваруха.

— Я тоже. То есть я легла спать, потом проснулась, потому что мне нужно было в... Как вы, циркачи, это называете?

— Нужник, — ответил я. — Послушай, давай не будем о том, что произошло. Я должен отвлечь тебя.

— Со мной уже все в порядке, Эдди, не волнуйся. Просто у меня там... началась небольшая истерика. А теперь я уже могу спокойно говорить об этом.

— Тогда, может, тебе даже станет лучше, если мы побеседуем. Ты всегда носишь с собой пистолет в туалет?

— Конечно, нет! Не говори глупостей. Я взяла его, потому что погас свет, а я не могла найти фонарь. Я боюсь темноты, Эдди. То есть боюсь находиться в темноте одна. Сейчас мне не страшно. Обычно я не сплю в цирке. У меня есть комната в отеле в центре города. Но сегодня Дарлин попросила меня остаться.

— Дарлин? Это такая с рыжими волосами?

— Да. Ее парень уехал из города на пару дней, а ей сегодня было нехорошо, вот она и попросила меня переночевать у них в фургоне. Я проснулась час назад и не смогла найти фонарь, но не хотела будить Дарлин. Но я знала, где Уолтер хранит пистолет — видела раньше, когда Дарлин открывала ящик. Вот я его и взяла.

Рита снова слегка задрожала, наверное, потому, что мысленно вернулась к случившемуся. Я обнял ее крепче и произнес:

— Не думай об этом, Рита.

— Да говорю же, Эдди, я уже пришла в себя. Просто мне холодно. У меня под плащом надето не больше, чем у тебя, и я замерзаю.

— Хорошая картина получится, если мимо проедет полиция и арестует нас за парковку в неправильном месте. Кроме того, полиция, наверное, уже приехала в цирк. Копы начнут злиться, что тебя так долго нет. Может, вернемся?

— Давай.

— Ты уверена, что с тобой все хорошо и ты готова разбираться с последствиями?

— Да, Эдди. Поцелуй меня. Один раз, по-настоящему. А потом поедем назад.

¹ Регион на юго-востоке США, где широко распространен протестантизм. — *Здесь и далее примеч. переводчика*

Я поцеловал ее, один раз, по-настоящему. Было очень приятно. Я почувствовал легкую встряску. Ничего подобного не ожидал.

— Ты уверена, что нам нужно возвращаться? — прошептал я.

— Да, Эдди. Прошу тебя.

— Ладно. Но может быть, когда-нибудь?

— Может быть, когда-нибудь.

Я повернул ключ в замке зажигания, нажал на стартер, и «дворники» снова заскользили по лобовому стеклу, вперед-назад, словно пьяный метроном. Я и сам чувствовал себя немного навеселе.

И мне снова пришлось сосредоточиться на том, чтобы не слететь с сияющей полосы дороги, так что на обратном пути мы вообще не разговаривали.

Глава вторая

Территория цирка светилась огоньками. Генератор пока не починили, но циркачи где-то откопали масляные и карбидные лампы и развесили их в особо важных местах. Все это выглядело как-то странно — в том смысле, что пространство между пятнами света казалось еще темнее и страшнее.

В фургоне Хоуги горел свет. Когда я припарковался, оттуда вышел дядюшка Эм. Он открыл дверцу автомобиля и произнес:

— Здорово, детки! Как луна?

— Ярко светит, — ответил я.

— Мне уже лучше, — сказала Рита. — Все хорошо, Эм?

— Чудесно. Приехала полиция и взяла ситуацию под контроль, если можно так выразиться. Они устроились в шатре шоу уродов. Просили тебя зайти к ним, но только для того, чтобы ты ответила на несколько стандартных вопросов.

— Может, мне пойти с ней, дядя Эм? — спросил я.

— Не лезь в это дело, Эд. Я объяснил им, что мы отправили Риту покататься по городу, но не стал говорить, с кем. Так что ты можешь просто по-тихому скрыться у себя в палатке.

Эта идея мне понравилась, потому что я промок до нитки. Внутри дождевик был таким же мокрым, как и снаружи, да еще и противно прилипал к телу.

— Большое тебе спасибо, Эд, — промолвила Рита. — До завтра.

Она подала мне руку, и я улыбнулся:

— Не за что. До завтра. — И проводил ее взглядом до шатра шоу уродов.

Я немного постоял, дрожа от холода, а затем ушел в нашу палатку, где вытерся полотенцем, бросил на койку пару одеял и забрался под них.

Очень хотелось спать, но когда вошел дядя Эм и начал раздеваться, я сказал: «Привет», — чтобы дать ему знать, что не сплю.

— Тебе понравилась Рита? — спросил он.

— Ну... она ничего...

— Что-то не слышу энтузиазма. Или я ошибаюсь? В любом случае не влюбляйся в нее слишком сильно. Она из тех, кто охотится за деньгами.

— Рита мне так и сказала. Говорит, будь я богат, она бы за меня взялась.

Дядя Эм медленно покачал головой:

— Это опасно, малыш. Когда с тобой говорят честно, это опасно.

По его голосу трудно было понять, серьезно он говорит или шутит.

— Значит, не опасны только те девушки, которые врут?

— Опасны, но по-другому.

Дядя Эм встал и погасил карбидную лампу. Койка скрипнула под тяжестью его тела.

— А кем был тот мальчишка? — спросил я.

— Какой мальчишка?

— Которого убили, разумеется. Он из цирка?

— Черт возьми! — воскликнул дядя Эм. — Я и забыл, что тебя тут не было. Это не ребенок, Эд. Убили лилипута.

Я резко сел на постели. Лилипут! Это могло означать лишь одно. В цирке работал только один лилипут.

— То есть это Майор? — уточнил я.

— Нет. Убитого никто не знает. Этот лилипут не из цирка, Эд. Никто здесь его прежде не видел.

Сначала я подумал, что дядя шутит. Это казалось абсурдным. Лилипута, который не работал в цирке, нашли с ножом в спине и без одежды в шатре шоу уродов! И никто из циркачей даже не знал, что этот лилипут здесь. Безумие! Но я понял, что дядя Эм не стал бы шутить на подобную тему.

— А где его одежда? — спросил я. — Ее нашли?

— Нет.

- Но что, черт возьми...
- Нас с тобой это не касается, Эд! Пусть копы об этом беспокоятся.
- Ладно, — кивнул я, снова улегся и вскоре заснул.

На следующее утро я встал рано. Не знаю, что заставило меня проснуться, а потом я начал размышлять о разных проблемах и больше не смог заснуть. Дядя Эм всегда говорит, что думать вредно, это одно из его любимых изречений. Мысли опаснее, чем выпивка, но безобиднее, чем марихуана. Где-то посередине. Конечно, это он не всерьез.

Я надел свой лучший костюм, сам не знаю зачем. Дядя Эм еще спал.

Снаружи небо было затянуто серыми облаками, но дождь закончился. Несмотря на раннее утро, было жарко и душно. Ни малейшего дуновения ветерка. Полотно шатров висело неподвижно, словно было выточено из серого камня того же цвета, что и небо. Я стоял на влажной траве перед палаткой и недоумевал, какого черта вылез из постели в такую рань. Наверное, чтобы не думать.

Я подвернул брюки, чтобы не вывалить их в грязь, и вышел на аллею. Возле карусели несколько человек сбрасывали в грязь опилки с грузовика. Кроме них, никого не было.

Я добрался до конца аллеи, где стоял фургон Хоуги. Я знал, что обычно Мардж встает рано. Самому себе я мог честно признаться, что хотел увидеться с ней только для того, чтобы поговорить о Рите.

Однако в фургоне Хоуги было темно — никаких признаков жизни. За поворотом в трейлере Уолтера и Дарлин дело обстояло так же. Но я не рассчитывал, что Рита уже проснулась. Наверное, она легла гораздо позднее меня.

Я вышел обратно на аллею. Хотелось пошлепать по лужам, но я не стал этого делать. Я обогнул бассейн с вышкой для прыжков в воду. Задрав голову, посмотрел вверх и содрогнулся при одной мысли, что можно подняться туда и прыгнуть с такой высоты в резервуар глубиной четыре с половиной фута. Сам-то я, конечно, никогда и не помышлял оттуда прыгать, но иногда мне это снилось.

На аллее я увидел незнакомого человека перед шатром шоу уродов. Он сидел на краю рекламной сцены и курил сигарету. Это был здоровяк с глуповатым выражением лица. Он был похож на копа. Подойдя достаточно близко, чтобы рассмотреть его ботинки, я решил, что, скорее всего, он действительно полицейский. Но я подумал, что поговорить даже с тупым копом все-таки лучше, чем вообще ни с кем; разумеется, если он захочет разговаривать.

— Привет, — произнес я.

— Привет, — ответил он.

Мне понравилось, как он это сказал: в его тоне не было ни чрезмерного интереса, ни особого энтузиазма, просто обычное дружелюбие, поэтому я остановился.

— Полицейский? — уточнил я.

— Как видишь, — кивнул он. — Стараюсь одеваться так, чтобы соответствовать образу. Порадовать дураков.

Все пошло даже лучше, чем я ожидал. Я присел на рекламную сцену и спросил:

— Как дела?

— Паршиво, — вздохнул он. — Помощи от этих чертовых циркачей не дождешься. Ты что, тоже циркач?

— Да. Говорят, убитый был лилипутом. Кто он такой?

— Мы не знаем. Пораскинь мозгами. Его никто не знает. Никто никогда его раньше не видел и даже не слышал о нем. Черт подери! У нас на руках мертвый урод в чем мать родила, а о нем никто и слухом не слыхивал. Так, во всяком случае, они утверждают.

Он бросил сигарету в мокрую траву, достал смятую пачку, вытащил новую сигарету и щелкнул зажигалкой, пламя которой подскочило вверх на четыре дюйма.

— Звучит, конечно, глупо, — заметил я. — Но я проработал в цирке весь сезон. У нас здесь только один лилипут.

— Вот-вот, все так говорят. А ты где находился, когда началась эта катавасия? Что-то не припомню, чтобы я видел тебя прошлой ночью. Или все-таки видел?

— Я спал, — ответил я. — Рано лег. Даже выстрела не слышал, но дядя разбудил меня, когда зашел в палатку, чтобы...

— Подожди! Сделаем все официально, сэкономим время. — Он достал из кармана блокнот и карандаш и приготовился задавать вопросы. — Имя?

— Эд Хантер, — произнес я. — Девятнадцать... почти двадцать лет. Работаю в цирке чуть менее года. Живу с дядей, Эмброузом Хантером. У него свой киоск с призовой игрой.

— Да-да, помню его. Невысокого роста, полноватый?

— И умный. Это он.

— То есть вы оба ночуете прямо в цирке, в палатке за киоском?

— Ага, — ответил я и рассказал ему, как проснулся и отправился в шатер сайд-шоу вслед за дядей Эмом прямо в дождевике поверх трусов и как увидел труп.

Потом пришлось немного приврать, потому что если дядя Эм не сообщил полиции, что я возил Риту кататься, то и я не мог в этом признаться. Я сказал, что вернулся в палатку и лег спать до приезда полиции.

Мне показалось, будто он посмотрел на меня как-то странно.

— И ты спал всю ночь?

— Естественно.

— Давно проснулся?

— Не очень. Минут пятнадцать-двадцать назад.

— С кем ты говорил с тех пор, как проснулся?

— Ни с одной живой душой, — заверил я.

Полицейский положил блокнот обратно в карман и окинул меня долгим взглядом, который мне не понравился. Затем опустил голову и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Черт возьми! — И снова посмотрел на меня. — Вы, циркачи, не любите копов, правда?

Вопрос застал меня врасплох.

— Многие, наверное, не любят, — пробормотал я.

— Почему?

— Они... мы... считаем, что закон направлен против нас, потому что полиция арестовывает наши лучшие киоски в большинстве городов, где мы выступаем, и...

— Разве мы мешаем честным, законопослушным и достойным людям?

— Ну...

— Сам подумай: во что превратится передвижной цирк, если ему позволить делать все что вздумается и никому не будет до этого дела? Ваши игры типа «брось монетку», которые и так граничат с азартными, превратятся в мошенничество типа игры «в скорлупки» или «три карты», а это сплошное воровство, ведь там все так подтасовано, что с таким же успехом вы могли бы отбирать у дураков деньги под дулом пистолета. Ваши куч-шоу превратятся в откровенный стриптиз, да на задах еще поставите палаточки для клиентов, которые захотят поближе познакомиться после...

— С чего, — перебил я, — вы взяли, что в цирке работают шлюхи? Это не так.

— Потому что закон не позволяет... — Он помолчал. — Ну, не смотри на меня так. Я не имел в виду тех девушек, которые работают у вас сейчас. По крайней мере, не всех. Я хотел сказать, что цирк стал бы нанимать шлюшек, которые бы всем давали. А киоски с сахарной ватой торговали бы травкой, а не воздушным сахаром, а эти ваши сайд-шоу... Черт побери, давай не будем об этом.

— Если в цирке творятся вещи, которые нарушают закон, то только потому, что народу нравится на это глазеть. Вашим же горожанам.

Коп вздохнул:

— Эд, если бы большинство горожан хотели поучаствовать в азартных играх и поглазеть на всякие непристойности, все это творилось бы в городе. Никому не пришлось бы идти за этим в цирк. — Он окинул меня угрюмым взглядом. — Значит, копы вам не по душе, вот вы и врете им напропалую.

— Что вы хотите сказать?

— Вчера ты лег спать до нашего приезда, верно? И утром ни с кем и словом не обмолвился? Но ты и без меня знал, что убитый — лилипут, а не ребенок. Каким образом? Никто этого не знал, пока мы не приехали и не перевернули тело.

— Вот черт! — скривившись, пробурчал я. Меня тошнило от собственной тупости. — Я проснулся, когда дядя Эм ложился спать. Он мне и рассказал.

— Ясно, — кивнул коп, как будто поверив мне. Он сдвинул шляпу назад. — Ты не знал убитого лилипута?

— Нет, — ответил я. Выражение его лица изменилось, и я поспешно добавил: — Не нужно злиться. Лица его я не видел, но я все равно уверен, что не знаю его. Причина проста: я не знаю ни одного лилипута, кроме Майора Моута, а дядя Эм сказал, что это не Майор.

— Хорошо, Эд. Но мне нужно, чтобы ты посмотрел фото, которое мы сделали вчера ночью. Просто для протокола. — Коп вынул из кармана фотографию и протянул ее мне.

Я взял и посмотрел на нее. Такую картинку на стену не повесишь. На ней было изображено маленькое сморщенное мертвое лицо с открытыми, уставившимися в никуда глазами. Судя по его выражению, лилипут понимал, что нож вот-вот вонзится ему в спину. Фото сделали там же, где он лежал, разве что перевернули лицом вверх. Трава у него под головой была примята. Я вернул полицейскому фотографию.

— Нет, — произнес я. — Я его не знаю. Никогда прежде не видел.

— Тогда последний вопрос, Эд. Ты не заметил вчера ночью ничего необычного? Чего-нибудь, что выходило бы за рамки обыденного?

— Ничего, кроме того, что молния подожарила генератор. Подобное случается не каждую ночь.

— Да, это мы знаем. Хорошо, Эд, спасибо.

Коп как будто отпустил меня, но я не собирался уходить. Собственно, мне и некуда было идти.

— Вы что, пробыли здесь всю ночь? Вы когда-нибудь спите?

— Иногда. Не напоминай мне об этом, а то начну зевать. А ведь я еще даже не начал делать мир безопасным для лилипутов. Во сколько открывается ваша жральня?

— Обычно часов в десять.

Он достал большие карманные часы из золота и посмотрел на них.

— Что ж, до этого я доживу. А может, и дальше буду жить, если мне в яичницу не подсыпят мышьяк. Как думаешь?

— Это они могут, — усмехнулся я. — У одного из поваров две судимости. Ладно, до встречи.

Я направился к воротам. Разговоры о завтраке навели меня на мысль, что я и сам не прочь поесть, но ждать до десяти часов не хотелось. На остановке, всего в одном квартале от цирка, стоял автобус. Я сел в него и поехал в город.

В автобусе я придумал кое-какие достойные ответы на те неприятные замечания, которые коп отпустил по поводу цирка. Хорошие ответы всегда приходят в голову, когда уже слишком поздно. И еще я кое-что понял: неважно, был ли он прав насчет цирка или нет, но тупым копом он не был. И плохим парнем тоже.

Сойдя с автобуса в центре города, я заметил, что Эвансвилл вовсе не так мал, как я предполагал. Не Чикаго, конечно, и не такой большой, как Луисвилл, но все-таки не деревня. Я позавтракал в кафетерии, почистил обувь, на которой все еще виднелись следы вчерашней грязи, а затем прогулялся по центральной улице, осматриваясь. На часах было всего одиннадцать, кинотеатры еще не открылись. Оставалось только бесцельно слоняться по городу, разглядывая витрины музыкальных магазинов, галантерейных лавок, даже магазинов с нижним бельем.

Хотелось выкинуть из головы неприятные мысли, но не получалось. Даже нижнее белье не могло отвлечь меня от того, о чем я старался не думать: лица мертвого лилипута. Вскоре я сказал себе: ладно, значит, подумай об этом и забудь. Это тебя не касается, ты его даже не знал. В конце концов, купи газету и почитай об убийстве, если тебе станет легче. Ведь именно это ты и собирался сделать, не так ли?

Я купил газету. Там действительно все было написано под заголовком: «В ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ».

Я зашел в холл отеля и, усевшись в кресло, прочитал репортаж, из которого не узнал ничего нового, кроме имен детективов, ведущих расследование. Начальника полиции звали Гарри Стратфорд, а капитана детективов — Армин Вайсс. Видимо, кого-то это могло заинтересовать.

Статья сопровождалась двумя снимками, маленьким и большим, соединенными друг с другом под углом сорок пять градусов. Маленький изображал мертвого лилипута на траве —

голову и плечи, — это была та же фотография, которую мне показал полицейский в цирке. На большом снимке был изображен неровно освещенный изнутри шатер шоу уродов. Фото сделали после того, как убрали труп, но место отметили крестом. Шатер был снят изнутри, и на фото можно было разглядеть пустые сцены, траву, полотно и шесты — больше ничего. В том смысле, что людей там не было. То ли полиция к тому времени велела очистить шатер, то ли циркачи сами ушли, когда фотограф стал снимать.

Я снова посмотрел на заголовок: «В ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ». Казалось, все так просто. Где еще, по логике, можно обнаружить убитого лилипута? Только это было неправильно: не хватало одного слова. Должно было быть так: «В ЧУЖОМ ЦИРКЕ УБИТ ЛИЛИПУТ».

Одно-единственное слово перевело это дело из области обыденного в область абсурда.

Я задумался над тем, каково это — быть лилипутом. Самому себе ты лилипутом не кажешься. Это все остальные — великаны. И каждый достаточно велик, чтобы схватить тебя и раздавить. Или воткнуть нож в спину...

Я вспомнил, как выглядело его мертвое лицо, и снова подумал: он знал, что сейчас в него вонзится нож. Но не закричал — по крайней мере, никто этого не слышал. Может, какой-нибудь исполин вдвое выше и вчетверо тяжелее его схватил несчастного, зажал рот рукой и...

Не хотелось об этом думать. Чтобы отвлечься, я прочитал остальные статьи в газете. На заправочной станции произошло ограбление, еще где-то — кража со взломом. Все это казалось довольно скучным.

За сотню миль отсюда, в Луисвилле, произошло похищение. Семилетнего сына Джеймса Р. Порли, главы компании «Порли косметикс», выкрали из постели, оставив на подушке записку с требованием выкупа в пятьдесят тысяч. На мой взгляд, это почти такое же мерзкое преступление, как убийство. И — как и в случае с убийством лилипута — кто-то выбирал жертву слабее себя.

В Калькутте прошли уличные беспорядки. Кандидат, не прошедший в законодательные органы штата Иллинойс, подал в суд по поводу подтасовки результатов выборов.

Я сделал то, что следовало бы сделать с самого начала: пролистал страницы до раздела с комиксами. А потом посмотрел анонсы кино. Интересно, будет ли еще дождь? Если будет, можно и в кино сходить, раз я уже в городе. Если нет, надо бы вернуться в цирк и помочь дяде Эму.

Я встал, подошел к окну холла и посмотрел на улицу. По кусочку неба, видневшемуся между двумя зданиями напротив, понять что-либо было невозможно. Небо было цвета старого металла, как и утром. Ни единой тучи, сплошная серость. Может, дождь будет идти весь месяц, а может, до конца лета не прольется ни капли.

Черт, подумал я, ощущая тревогу. Я хотел чем-нибудь заняться, но не знал, чем именно. Иногда накатывает такое настроение, когда просто не понимаешь, куда себя девать, все кажется бессмысленным. Я одновременно хотел и не хотел возвращаться в цирк.

Я повернулся и посмотрел на часы над регистрационной стойкой, чтобы проверить, наступил ли уже полдень. Оставалась еще четверть часа. Возле стойки я заметил девушку, которая о чем-то говорила с клерком и протягивала ему ключ. Такую, как она, вряд ли можно было встретить в Эвансвилле — по крайней мере, если судить по ее виду со спины. Девушка выглядела на миллион долларов золотом. Волосы до плеч, стриженные под пажа, были именно такого цвета. Платье из розовато-лилового шелка облегало изгибы ее тела, как купальники на девушках с картин Джорджа Петти. Она была так же далека от этого мира, как соло на трубе в исполнении Луи Армстронга.

Я сразу забыл о погоде и виде из окна и с нетерпением ждал, когда девушка повернется, чтобы посмотреть, так ли она хороша спереди, как сзади.

Не то чтобы у меня были на ее счет какие-то намерения: я-то лишь начинающий циркач с восемнадцатью баксами в кармане — и это все мое состояние, — но даже если не брать в расчет деньги, я в любом случае не на ее уровне. Ну, вы понимаете, о чем я.

Скажем так: холл отеля выглядел вполне прилично — хорошая мебель, неплохая отделка, — пока не появилась она, и контраст с ней превратил это место в жалкую ночлежку. Со мной она сотворила то же самое: до встречи с ней я был неплохо одетым симпатичным парнем, но рядом с ней я бы почувствовал себя школьником, который вышел на улицу в той же одежде, в которой спал. В общем, вот о чем я думал, а потом девушка обернулась, и я все понял. Спереди она

выглядела именно так, как я и ожидал, неожиданным оказалось только одно: я ее узнал. Это была Рита.

Не знаю, так ли это, но, по-моему, я раскрыл рот от изумления. Так я себя чувствовал. Она направилась к выходу, потом заметила меня и улыбнулась. Немного сменив направление, подошла ко мне и произнесла:

— Привет, Эдди!

По крайней мере ее голос не изменился с прошлой ночи.

Я что-то промямлил в ответ.

— Как ты узнал, где я живу, Эдди?

— Я не знал, — ответил я. — Зашел сюда, чтобы переждать дождь, только вот дождя не было. Послушай, может, я куплю тебе выпить или что-нибудь еще?

Рита на секунду задумалась:

— Давай позавтракаем? Ты уже ел?

— Нет.

Мы взяли кофе с пончиками в кофейне в холле отеля. Я поглядывал на Риту, все еще не веря своим глазам. Неужели пятна грязи на обуви и лодыжках, бесформенный дождевик и заправленные под берет волосы могут настолько изменить человека? Пока мы пили кофе, она спросила:

— Эдди, полиция что-нибудь выяснила о прошлой ночи?

Я покачал головой:

— Судя по репортажу в газете, нет. Даже личность убитого не установили.

— Но ведь это не так сложно. Вряд ли вокруг очень много лилипутов, верно?

Когда-то я обсуждал жизнь лилипутов с Майором Моутом, поэтому сейчас был готов ответить на вопрос Риты.

— В Соединенных Штатах их тысячи две, — сообщил я. — В смысле, настоящих лилипутов. Еще есть тысяч пятьдесят карликов.

— А в чем разница, Эдди? Лилипуты ниже ростом, чем карлики?

— Ну... наверное, большинство действительно ниже, но разница не в этом. У лилипута идеальные пропорции. У карлика почти такая же большая голова, как у человека обычного роста, и тело — в смысле, торс, — у них длинное. Но у них очень короткие руки и ноги.

— Ясно. Значит, шоу-бизнесом занимаются только лилипуты?

— Как правило, да. Ни одно сайд-шоу не выставит карлика вместо лилипута. Но в некоторых цирках карлики работают клоунами. И в труппах лилипутов, например в водевиле или на больших цирковых аренах, карлик может выступать как комедиант и для контраста с лилипутами. Иногда из карликов получают неплохие клоуны.

— Можно мне еще кофе, Эдди?

— Думаю, это мне по средствам. Вчера я сказал тебе, что у меня есть девятнадцать долларов. У меня еще осталось восемнадцать из них.

— Эдди! Ты тратил деньги на других женщин?

— Пока нет. А если мы ограничимся кофе, эта сумма растянется надолго.

— Значит, ограничимся кофе. А иногда еще и пончиком. Никак не могу в это поверить, Эдди.

— Во что? В пончик?

— В то, насколько по-иному ты выглядишь в приличной одежде по сравнению с прошлой ночью.

Я не выдержал и, откинувшись на спинку стула, расхохотался. Конечно, пришлось объяснить, чем вызвано мое веселье, и Рита тоже засмеялась. Она была очень красива, когда смеялась, даже сам смех был красивым. Странно, но вчера я даже не заметил, какой у нее приятный голос.

— Остаток ночи ты провела не с Дарлин? — спросил я.

Она покачала головой:

— С ней, но здесь, в отеле, а не в фургоне. После того как копы меня допросили, я увидела, что Дарлин встала и оделась. Нам обоим не хотелось там оставаться. Мы поехали в город и переночевали у меня в номере в отеле. Но Дарлин отправилась в цирк рано утром, потому что рассчитывала, что сегодня вернется ее муж.

После второй чашки кофе Рита посмотрела на часы.

— Пора возвращаться в цирк, — сказала она. — То есть мне пора. Но сначала у меня кое-какие дела в банке. Это по соседству. Подождешь меня здесь? Если тебе тоже нужно в цирк...

— Нужно. Конечно, подожду.

Кофе уже практически лился у меня из ушей, учитывая, что за час до этого во время первого завтрака я тоже выпил две чашки, но пока я ждал Риту, заказал себе еще одну чашку.

Вскоре мы поехали в цирк на автобусе. Рита заявила, что мы должны беречь мои восемнадцать долларов, и не позволила взять такси.

Глава третья

Когда я вернулся, дядя Эм уже встал и оделся. Он где-то достал опилки и теперь разбрасывал их на земле перед нашей будкой.

— Здорово, парень! — воскликнул он. — В город ездил?

— Ага. Рано проснулся и больше не мог спать. Как тебе погода?

— Может, слегка поморосит. Но работа будет, посетители явятся из города взглянуть на место, отмеченное крестом.

— Значит, ты видел газету?

— Нет. Но я помню уроки географии в школе: место всегда отмечено крестом, а полиция гадает почему.

— Они все еще гадают.

— Если уж ты выбрался в город, почему не остался, чтобы посмотреть кино?

— Я случайно столкнулся с Ритой. Она возвращалась в цирк, вот я и поехал вместе с ней.

— Ясно, — кивнул дядя Эм и внимательно посмотрел на меня. — Осторожнее, парень.

— Ты меня ни о чем таком не предупреждал вчера, когда велел покатать ее на авто. — Я широко улыбнулся. — Так или иначе, мне ничто не угрожает. Она на меня дважды не посмотрит.

— Хватит и одного раза, если она посмотрит, как надо. Не следует себя недооценивать, Эд. Может, ты и не красавец, но внешность у тебя романтическая. Скоро тебе придется отгонять от себя женщин бейсбольной битой.

— Ага, — сказал я. — А больше ничего нового?

Он понял, о чем я, и ответил:

— Не особо. Некоторое время назад заходил Вайсс.

— Вайсс?

— Армин Вайсс, капитан детективов или кто там он у них. Я так понял, он говорил с тобой сегодня утром.

Я кивнул.

— Очень дотошный малый, — продолжил дядя Эм. — Хотел знать, не спал ли ты, когда я ложился вчера ночью. Я сказал, что не спал. Что ты натворил, проговорился о чем-то, чего не должен был знать?

— Именно, — подтвердил я. — Я знал, что убитый — лилипут, хотя объяснил, что отправился спать до того, как приехали копы, и ни с кем утром не разговаривал.

— Я так и подумал. Из тебя бы вышел тот еще преступник.

— Ладно, останусь честным человеком. Между прочим, Вайсс всех нас, циркачей, считает мошенниками.

Дядя Эм усмехнулся и снова принялся разбрасывать опилки.

— Помочь тебе? — спросил я.

— Не в этой одежде.

Я переоделся, но к тому времени, как я вернулся, дядя уже закончил работу и сидел возле стойки, жонглируя тремя бейсбольными мячами, образуя в воздухе маленький аккуратный круг. Я тоже попробовал, но большую часть времени потратил на то, чтобы подбирать их.

— Парень, — произнес дядя Эм после того, как я в десятый раз уронил мяч. — Жонглер из тебя никудышный. Брось ты это занятие.

— Кем же мне стать?

— Может быть, тромбонистом?

— Нет, — возразил я. — У меня нет таланта. Я могу вызубрить отдельные номера, если приложу достаточно усилий, но не умею импровизировать, как настоящие трубачи. Допустим, если кто-нибудь другой за рулем, я могу поехать кататься, но сам рулить не могу.

— Многие музыканты не могут, но на жизнь, однако, зарабатывают.

— Я бы не хотел быть одним из них. Играть-то я продолжу, но не желаю зарабатывать этим на жизнь. Пусть это доставляет мне удовольствие.

Дядя Эм кивнул, и вскоре я опять спросил, на что я, по его мнению, гожусь.

— Может, ты годишься на то, чтобы быть Эдом Хантером. Тебе это никогда не приходило в голову?

Я задумался.

— На этом денег не заработаешь, — заявил я.

Он перестал жонглировать мячами и посмотрел на меня:

— Тебе нужны деньги, Эд? Дела у нас идут неплохо. Я могу тебе немного дать. Сколько ты хочешь? Пятьдесят? Сотню?

Я покачал головой:

— У меня пока есть. Слушай, дядя Эм, ты уверен, что я тебе в ближайшее время не нужен? Я бы сходил погулять.

— Иди.

Я обошел кругом, минуя ворота, где уже появилось несколько человек, пока не очень много. Казалось, вот-вот хлынет дождь. Вспомнил полицейского Армина Вайсса и его не слишком лестные замечания по поводу цирка. При нашем утреннем разговоре они вызвали у меня раздражение. Я разглядывал аттракционы, мимо которых шагал. Что ж, насчет многих из них Вайсс был почти прав. Взять хотя бы игровой тир, попавшийся мне на пути. Спад Рейнолдс брал двадцать пять центов за три выстрела — с довольно близкого расстояния — из винтовки по бубновой карте. Если попадешь по всем бубнам, получаешь приз. Большой приз, который ты сам выбираешь из множества ярких вещиц в киоске. Но никто еще не попал по всем бубнам и не взял приза. В теории это, наверное, было возможно, но на практике — нет. Казалось, это легко — в том-то и трюк, — но даже самый меткий в стране стрелок мог бы добиться этого только с Божьей помощью.

Я вынужден был признать, что в данном случае Вайсс прав. Да и во многих других тоже. Игра, где нужно бросать монетки, чтобы они попали на дрейфующую в воде тарелку, пробковое ружье, с помощью которого надо было опрокинуть пачку сигарет с полки. Все они были рассчитаны на то, чтобы облапошить дурака.

Но наша с дядей игра была не так плоха. Прежде всего, мы не предлагали дорогие призы, какие невозможно выиграть. Примерно один человек из двадцати пяти мог сбить все три молочные бутылки тремя мячами и выиграть пупса, который обошелся нам в четырнадцать центов.

Это верно, но ведь он, черт побери, расставался со своими десятью центами ради того, чтобы получить удовольствие от попытки, покрасоваться перед своей подружкой или другими парнями, насладиться самим процессом броска — сильного и прямого. Этот проклятый пупс ничего для него не значил, кроме символа, так что это не было азартной игрой. Опять же тут требовалась сноровка, хотя удача тоже не помешала бы.

Я миновал киоск гадалки, выставку зародышей, вертушку, конечную станцию паровозика и танцевальное шоу. Когда я добрался до шоу уродов, Гарри Штульц, зазывала, как раз начал свою рекламную работу. Публики пока было мало, в основном дети, но почти через каждое предложение он делал паузу, чтобы постучать по большому барабану. Постепенно собиралось все больше людей.

Я обошел толпу, намереваясь идти дальше, но стоило мне поравняться с дальним концом рекламной платформы, как кто-то сказал:

— Привет, Эд!

Я обернулся. Это был тот самый коп, Армин Вайсс. Он все еще — или снова — сидел на краю рекламной платформы. Я приблизился к нему и поинтересовался:

— Вы что, вообще никогда не спите?

Он рассмеялся:

— Может, сегодня посплю. Продержусь до конца дня с помощью чашки-другой кофе.

— Но что вы делаете?

— Сажу и жду, пока в меня ударит молния. Как вчера в генератор. Если так и было в действительности.

— То есть... этого не было?

— Это как раз в списке моих дел. Поговорить с электриком, который чинил генератор. Как только вернусь в город. Как тебе Эвансвилл?

— Симпатичный городок.

— Мы прилагаем немало усилий, чтобы он таким и оставался. — Вайсс достал сигареты и предложил мне одну. Мы закурили. — Эд, — сказал он, — моя жена — лучшая повариха на сорок миль вокруг. Ты любишь клецки?

— Ну... не знаю...

— Значит, ты никогда не ел хорошие клецки, иначе не сомневался бы. Моя жена делает их такими воздушными, что они едва ли не взлетают с тарелки. А подливкой, которую она готовит, очень удобно удерживать их на месте. Готов поспорить, раньше ты ел только недоваренные клецки.

— Видимо, — согласился я.

Вайсс печально покачал головой:

— Куда катится мир! Слушай, Эд, сегодня пятница, а у нас каждую пятницу на ужин тушеное мясо с клецками. Мы тут недалеко живем, пешком дойти можно. Хочешь с нами поужинать?

— Мистер Вайсс, я ничего не знаю про лилипута или про убийство. Тем, что вы можете от меня услышать, не расплатишься даже за подливку, не говоря уж о тушеном мясе и клецках. Честное слово.

Он улыбнулся:

— Я это знаю, Эд. По крайней мере, мне так кажется. Но есть и другие причины. Прежде всего, ты и Эм — единственные люди здесь, кто не относится ко мне так, будто я распространяю какую-нибудь заразу. И потом, Эм сказал, ты играешь на тромбоне. Я подумал, ты захватишь его, и мы вместе немного пошумим. У меня есть труба, в молодости я играл в оркестре, таланты жены больше проявляются в области кулинарии, нежели музыки, но и она играет на пианино.

— Ладно, — кивнул я. — Надеюсь, у вас нет на мой счет никаких задних мыслей?

— Конечно, есть, сынок, но не задние. Ты знаешь здешний народ и как тут все устроено. Ты можешь рассказать мне, кто есть кто, снабдить меня кое-какими сведениями и дать за что ухватиться. Тем самым окажешь мне немалую помощь.

— Ну...

— Вот и прекрасно. Адрес: двадцать два — шестнадцать, Арлингтон, всего в шести-семи кварталах отсюда в сторону города. Мы ужинаем в шесть часов, и моя жена рассердится, если опоздаешь. И не забудь тромбон.

— Хорошо.

Вайсс соскользнул с края платформы, попрощался и побрел в сторону главных ворот. Я смотрел ему вслед и сам себе удивлялся: зачем я согласился на его предложение? Мне вовсе не хотелось оказаться замешанным в эту историю. Это ведь не мое дело.

За мной кто-то наблюдал. Я чувствовал это затылком. Обернувшись, я увидел у входа Скитса Гири, хозяина шоу уродов, который, улыбаясь, смотрел на меня. В его ухмылке было что-то неприятное. Впрочем, и лицо у него было неприятное. Скитс похож на карикатуру «жучка»² на скачках. Но, насколько мне было известно, по отношению ко мне он не таил никаких злых намерений.

Сунув руки в карманы, я подошел к нему и сказал:

— Привет, Скитс!

Недобрая гримаса сползла с его лица, сменившись кислой миной.

— Слушай, Эд, — произнес он. — Ради твоего же блага. Если будешь подлизываться к копам, добра не жди.

— Черт возьми, и что, я теперь в черном списке?

Мимо нас проходили люди. Зазывала вконец разошелся и страстно завлекал толпу. Зашли почти все взрослые посетители, толкавшиеся возле рекламной платформы.

Я отошел от Скитса и присоединился к толпе. В шатре было нечто новенькое, я сразу заметил. Это была деревянная ограда, которая охватывала площадь примерно в пять-шесть квадратных футов. Вокруг нее собрался народ. Я приблизился. Ограда окружала поросшее травой место, где прошлой ночью лежал труп. Труп убрали, но остался силуэт тела, который полиция обычно рисует

² Человек, добывающий и продающий сведения о лошадях перед скачками.

мелом, прежде чем передвинуть его. Сейчас контуры тела были выложены веревкой, потому что мелом на траве не порисуешь. В центре обозначенного силуэта, там, где предположительно находилось сердце жертвы, лежал нож со следами засохшей крови на лезвии. Конечно, это было не настоящее орудие убийства — тот нож наверняка забрала полиция. Но это тоже был один из метательных ножей Австралии. Уж не знаю, откуда Скитс взял кровь, но вряд ли он использовал для подобной цели свою собственную.

Несколько человек толкались рядом со мной возле ограждения, и я отодвинулся. Меня охватила злость. Наверное, это было видно по моему лицу, когда я подошел к Скитсу. Говорить мне не хотелось. Ни слова, черт возьми! Я просто положил руку ему на грудь и с силой толкнул его. Скитс повалился назад через канатное ограждение. Я стоял на месте и ждал, пока он поднимется, надеясь, что он как-нибудь ответит. У меня чесались руки.

Однако он молча медленно поднялся с земли и лишь посмотрел на меня. Его глаза напоминали маленькие мраморные шарики. Скитс отвернулся и зашагал обратно.

Как только злость схлынула, я сообразил, что мне не следовало этого делать. А поскольку он не стал давать сдачи, я почувствовал себя в какой-то глупой и немного опасной ситуации.

Я постучал в дверь фургона Хоуги, и он пригласил меня войти. Они с Мардж сидели друг против друга в закутке для завтрака, оборудованном в фургоне. Компания, проектировавшая фургон, не приняла Хоуги в расчет: он занимал почти весь закуток, и было видно, что ему там неудобно.

— Привет, Эд, — улыбнувшись, промолвил он. — Бери стул, усаживайся. Только говори потише.

Он сделал знак, и я увидел, что там на койке спит Рита. Она сняла лиловое платье, чтобы не помять его, и лежала в одной комбинации кремового цвета. Контуры ее тела под комбинацией были такими изящными, что у меня перехватило дыхание.

— Хочешь кофе, Эд? — спросила Мардж.

Кофе мне совсем не хотелось, но я, тем не менее, согласился, достал из буфета чашку с ложкой и придвинул стул к краю стола, за которым они завтракали. Отсюда я не видел койку и кремовую комбинацию, но это даже к лучшему.

Мардж налила кофе. Ее глаза казались очень усталыми, и я впервые заметил, что в черных волосах у нее пробивается седина. Она еще не уложила волосы и была без макияжа. Судя по всему, Мардж прочитала мои мысли.

— Не смотри на меня, Эд, — попросила она. — Я знаю, что выгляжу ужасно.

— Не так уж и ужасно, — заверил я, и она улыбнулась.

— В любом случае не сравнивай меня с Ангелочком.

— Ангелочком?

— С Ритой. Так ее называет мой муж. Вот почему я никогда не беспокоюсь на его счет.

— Ясно.

Хоуги усмехнулся:

— Как хорошо иметь доверчивую жену. Мне бы даже убийство с рук сошло.

Конечно, он сказал это в шутку, однако слово «убийство» вызвало неприятные ассоциации. Я заметил, что Мардж бросила на него негодующий взгляд. Решив, что сейчас она начнет кричать на мужа, я постарался сменить тему и спросил:

— А стрип-шоу сегодня будет?

— Мори говорил, что начнет после трех, если к тому времени не пойдет дождь. Мы должны разбудить Риту в три часа. Бедняжка вчера не очень-то выпалась. Что там на улице, Эд? Будет дождь?

Я пожал плечами:

— Не знаю, но дядя Эм считает, что дождя не будет, а у него обычно хорошо получается предсказывать погоду. Как Съюзи?

Хоуги печально покачал головой:

— Не очень. Похоже, я все-таки совершил невыгодную покупку. Обезьянка-то оказалась больная.

— Пустил на ветер сто пятьдесят баксов! — воскликнула Мардж. — На эти деньги я могла бы купить кучу одежды, ведь сезон почти закончился...

Хоуги всплеснул руками:

— Ну, может, мы и потеряли полторы сотни да еще кое-что потратили на всякую мудреную еду и лекарства, но если мне удастся вылечить ее, мы будем при деньгах. Знаешь, Эд, сколько она будет стоить?

— Сколько же?

— Пять сотен, без проблем. Неплохая прибыль, верно? Но у меня на ее счет другие планы. Буду дрессировать обезьяну всю зиму, и если повезет, за пятьсот долларов не купишь даже часть такой обезьяны. В следующем сезоне я отвезу ее в большой цирк, и мы разбогатеем.

— Ты продашь Сьюзи или поедешь с ней?

— Я не большой любитель передвижного цирка, Эд. Мне подавай настоящий цирк. Я уже составил программу выступления шимпанзе, от которой у всех глаза на лоб полезут. Новый метод, и обезьяну обучить легче, чем по обычной системе.

— Вы показывали Сьюзи ветеринару? — спросил я.

Хоуги вздохнул.

— Эд, разве ты не знаешь, что Кларенс сам ветеринар? — спросила Мардж.

Я не сразу сообразил, кто такой Кларенс, поскольку чуть ли не впервые слышал, чтобы Хоуги называли другим именем.

— Seriously?

— Если почувствуешь недомогание, Эд, обращайся. Я получил образование. Хочешь, покажу диплом? Он где-то здесь. Только вместо того, чтобы открыть практику, я пошел в цирк. Там познакомился с Мардж, выучил то, что знаю о шимпанзе. И о собаках. С кошачьими никогда особенно не ладил.

— То есть ты работал в цирке ветеринаром? Или дрессировщиком? — поинтересовался я.

— И тем и другим. Даже выступал с собаками.

— Вот откуда у него такие познания в области секса, теперь с лекциями выступает в сайд-шоу, — произнесла Мардж. — Только на самом деле он рассказывает не о женщинах, а о сучках.

— Я в этом не признаюсь, — заметил Хоуги.

Я встал и направился в переднюю часть фургона, где Хоуги соорудил деревянную клетку размером примерно три фута от стены до стены. Наклонился и заглянул внутрь между досочками. Посреди клетки на куче соломы спала, свернувшись калачиком, обезьяна Сьюзи. По крайней мере я очень надеялся, что она спит: Сьюзи лежала неподвижно, будто мертвая. Но в темноте клетки я разглядел слабое движение ее груди, по которому понял, что она еще дышит.

— Тише, Эд, — сказал Хоуги, — не разбуди ее.

Я выпрямился и услышал скрип кроватных пружин. Обернувшись, я увидел Риту, зевая и потягиваясь, она сидела на краю кровати.

— Привет, Эдди, — сонно пробормотала она. — Отвернись-ка опять, я надену платье.

Я повернулся к деревянной клетке, но теперь мои мысли уже не были заняты Сьюзи.

К трем часам выглянуло солнце. Я проводил Риту до шатра стрип-шоу, а потом направился в наш киоск, чтобы узнать, не нужна ли дяде Эму моя помощь. Дела у него шли хорошо, насколько это вообще возможно днем. Увидев меня, дядя обрадовался, поскольку проголодался, но не хотел сворачивать киоск. Пока он бегал в столовую, я взял работу на себя.

Когда он вернулся, я рассказал ему, что капитан Вайсс пригласил меня на ужин и поиграть дуэтом. Дядя Эм рассмеялся:

— Значит, капитан играет на духовых инструментах! Знаешь, а ведь он и впрямь выказал немалый интерес, когда я сообщил ему, что ты играешь на тромбоне. Только я не понял, почему. Конечно, Эд, отдохни вечером. Я попрошу Мардж помочь мне, для разнообразия. Нам тут не помешает немного сексапильности.

— Мардж?

— Ну да, почему бы и нет? Она всегда рада заработать пару лишних баксов. Думаю, Хоуги жадничает, не слишком охотно тратится на наряды.

— Мардж так Мардж, ничего не имею против, — сказал я.

Я вспомнил еще кое-что и сообщил дяде о своей стычке со Скитсом Гири возле сайд-шоу.

Сначала дядя Эм улыбнулся, но потом вдруг посерьезнел и произнес:

— Малыш, ты следи за этим своим ирландским темпераментом. Конечно, гнусно так наживаться на убийстве, но не тебе судить о поведении Скитса — во всяком случае, до тех пор, пока он тебе не мешает жить. И даже если не нравится, что он вытворяет, не следует это демонстрировать, толкать его через канат.

— Просто в тот момент мне это показалось хорошей идеей, — сказал я. — Наверное, я повел себя как болван.

— Да. Только, черт подери, жаль, я этого не видел. Итак, господа, подходите. Сбейте бутылки и выиграйте милого пупса...

Я околачивался в цирке почти до половины шестого. Затем переоделся, сел в трамвай и отправился по адресу, который дал мне Вайсс.

Дом полицейского оказался симпатичным коттеджем на большом участке, расположенном на приличном расстоянии от улицы и окруженном деревьями. Оказавшись в таком месте, циркач начинает гадать, не попался ли он сам на чью-нибудь удочку. Дверь открыл Вайсс.

— Привет, парень! — воскликнул он. — Ма, это Эд Хантер!

Ма была из тех хрупких женщин, которые напоминают птичек. На вид ей было лет сорок, а Вайссу немногим больше. Повертевшись минутку возле меня, Ма ушла в кухню.

Вайсс не шутил насчет трубы. Он достал ее и расставил на пианино ноты какого-то легкого дуэта. Я собрал тромбон, настроился, и мы стали играть вместе. Не скажу, что это был уровень Карнеги-Холла, но в целом получилось неплохо. Музыка была, конечно, избитая, но, как ни странно, банальность в собственном исполнении раздражает гораздо меньше. Пьеска была написана для двух труб, так что я оказался не в самом выигрышном положении: мне приходилось «читать» скрипичный ключ вместо басового и играть его на октаву ниже, чтобы он соответствовал диапазону тромбона. Но мы оба играли в си-бемоль, так что транспонировать не надо было. Ма заглядывала в комнату и выражала восхищение нашей игрой, будто действительно так думала.

Потом она позвала нас в кухню ужинать. Это была просторная кухня, и мне понравилось, что Ма, в отличие от большинства людей, не стала извиняться за то, что накрыла на стол здесь. Мне кажется, есть нужно именно в кухне. Там еда становится гораздо вкуснее.

По крайней мере, так было сейчас. В обещаниях Вайсса не звучало ни капли преувеличения. Вроде самая простая пища: мясо, картофель и клецки с подливкой, — но вкус неземной. С такой подливкой даже опилки хорошо бы пошли, а ведь мы ели не опилки.

Я так наелся, что пришлось отказаться от десерта — пирога с начинкой. Вайсс обозвал меня слабаком и умял два куска, а ведь он и всего остального побольше моего съел.

Ма Вайсс не позволила нам помочь ей с посудой, даже вытереть не дала. Мы с копом сели пить кофе, закурили и принялись обсуждать что угодно, только не то, о чем, как я предполагал, он захочет со мной поговорить. До сих пор Вайсс даже не упомянул об убийстве.

Он спросил, не хочу ли я еще сыграть, но я отказался — слишком объелся, чтобы дудеть, и он признался, что и сам чувствует нечто подобное.

Вайсс достал из холодильника пару бутылок пива, открыл их, и мы продолжили говорить обо всем, но не об убийстве. Я не выдержал первым. Спросил, установили ли они личность убитого лилипута.

— Нет, — ответил Вайсс. — Вот в чем главная трудность, Эд. Мы даже не можем начать настоящее расследование, пока не выясним его личность. Но ничего, установим.

— Как?

— При помощи огласки. Если в Эвансвилле обнаружен мертвый лилипут, значит, где-то в другом месте лилипут пропал. Мы сделаем так, что историю напечатают в «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс», а она достаточно любопытна, чтобы появиться в газетах. И очень скоро кто-нибудь обнаружит подходящую пропажу лилипута, и у нас будет с чего начать. Сейчас эта история расходуется по вечерним газетам по всей стране, и я не удивлюсь, если с минуты на минуту мне позвонят из участка.

— А может, лучше обратиться в «Вэрайети» и «Билборд»? Мало циркачей и людей, имеющих отношение к шоу-бизнесу, читают местные ежедневные газеты.

— Конечно. Мы пишем в «Вэрайети» и «Билборд». Но они выходят не каждый день, в отличие от газет, и если мы будем ждать результатов от них, это займет больше времени. А цирк тем временем уедет. В общем, я возлагаю надежды на ежедневные газеты. А когда мы выясним, кто он такой, сможем связать его с кем-нибудь у вас в цирке.

— Или с кем-нибудь в Эвансвилле, — сказал я, — кто не имеет отношения к цирку.

Вайсс покачал головой:

— Не пройдет, Эд. Не хочу сказать, что у нас в Эвансвилле нет убийц. Но это преступление они не совершали. Прежде всего, взгляни на нож. Он принадлежал вашему метателю ножей, лежал у него в сундуке под сценой, на которой он выступает, всего в дюжине ярдов от того места, где мы нашли тело лилипута. Из сундука его достал работник цирка. Циркач наверняка знал, где Австралия хранит ножи. Обыкновенный горожанин этого не знал.

— Может, это был вор, пробравшийся в шатер, чтобы что-нибудь украсть, — произнес я. — Нашел сундук с ножами и...

Меня перебил тихий смешок Вайсса:

— А потом достал из кармана голого лилипута и зарезал его. Черт возьми, Эд, связь с цирком явно существует. И никуда от этого не денешься.

— Вы говорили с электриком, который чинил генератор? — спросил я.

— Кто здесь кого допрашивает, Эд? Да, я с ним виделся. Виной всему действительно удар молнии. Убийца воспользовался темнотой, но не он ее устроил. Эд, тебе бы пойти в детективы. Любопытства тебе не занимать.

— Правда?

— А разве нет? Не станешь же ты отрицать, что тебе не меньше моего интересно узнать, что случилось вчера ночью. Только мне за мое любопытство платят, а тебе нет. Еще пива?

Не дожидаясь ответа, Вайсс взял две бутылки. Я не стал отказываться.

— Эд, — сказал он, — я действительно намеревался тебя немного допросить, когда приглашал на ужин. Но я все обдумал и решил, что толку от этого не будет. До тех пор пока у меня не появится какая-нибудь зацепка, и личность лилипута не будет установлена, я не понимаю, какие вопросы задавать, а ты не знаешь, что мне сообщить. Позднее я, вероятно, допрошу тебя. Но пока я только хочу попросить тебя кое о чем. Будь начеку. Просто отмечай все необычное, что видишь или слышишь в цирке, все, что может хотя бы отдаленно быть связанным с убийством. И держи меня в курсе. Хорошо?

— Ну... наверное.

— Вижу, тебе не по душе моя просьба. А жаль. Ты ведь не любишь убийства?

— Кто же их любит?

— Преступники. Я не совсем точно выразился. Скажем так, убийство для них предпочтительнее, чем кое-какие другие занятия. Возьмем, к примеру, наемного киллера, который убивает человека за пятьсот баксов. Он не получает никакого удовольствия от того, что нажимает на спусковой крючок, если, конечно, он не полный псих, но ему хочется иметь пятьсот баксов. Без них, того и гляди, придется устроиться на работу и ходить туда. — Вайсс вылил в стакан остаток пива из второй бутылки и выпил. — Убийство, совершенное психопатом, может быть совершенно иным, но наш убийца — не психопат, Эд, — добавил он.

— Откуда вы знаете?

— Я почти уверен, что это так. Слишком уж странное преступление. Не тот стиль...

Я кивнул. Это было не очень логичное обоснование, но я чувствовал, что Вайсс прав.

— То есть вы хотите, чтобы я был вашим шпионом в стане врага, — произнес я. — Мне это не нравится.

— Ты правильно выразился, — кивнул он. — Если признать, что цирк — это стан врага. Если ты признаешь, что он до такой степени враждует с законом и порядком, что поощряет хладнокровное убийство. Если ты на стороне убийцы только потому, что он из цирка. Тебе так кажется, Эд?

— Вы меня поймали, — усмехнулся я.

— Что ж, обдумай мое предложение и дай мне знать. Я не стану настаивать. И будь осторожен.

— Осторожен?

— Я имею в виду, не задавай лишних вопросов. Это может быть опасно. Те, кто совершает убийство, не любят тех, кто об этом расспрашивает. Кроме твоего дяди, никто не знает, что ты сегодня был здесь?

— Нет, — ответил я. — Ладно, я все обдумую. Но скорее всего, я ничего не услышу и не увижу. — Я допил пиво и встал. — Мне пора. Хочу еще немного помочь дяде Эму.

Вайсс не стал возражать и уговаривать меня остаться. С торжественным видом пожал мне руку, а потом в комнату вошла миссис Вайсс, вытирая руки о фартук. Она тоже пожала мне руку, и я, сам не зная почему, почувствовал смущение.

— Не позволяй ему ни в чем себя убедить, Эд, — сказала мисс Вайсс.

— Хорошо, — пообещал я.

На обратном пути я решил, что и впрямь не позволю. То есть я не собирался специально что-либо предпринимать и ставить себя под удар. Ведь просто заниматься своими делами и быть на стороне убийцы — не одно и то же.

В воздухе клубился легкий туман, обрисовывая все лампы на площадке кругами, похожими на нимб. В тумане колесо обозрения казалось гигантским. Он приглушал звуки, и все выглядело каким-то нереальным.

Я стоял на тротуаре снаружи и смотрел на входные ворота — большие, яркие и веселые, словно ворота в рай, расположенные футах сорока от улицы. Я слышал визг плетки, стук большого барабана, призывающего посмотреть шоу, и тысячи голосов, которые, сливавшись воедино, образовывали какой-то странный незнакомый звук. Мне казалось, будто раньше я никогда не видел передвижного цирка и не слышал этого звука.

Мимо меня проходили люди. К воротам стекалась толпа. Невзирая на туман и вероятность дождя, народу собралось больше, чем обычно по вечерам в субботу или воскресенье. И публика, судя по всему, неплохая, не из прижимистых. Между большой аудиторией и хорошей аудиторией есть разница: сейчас было и то и другое.

Я зашагал к воротам, но потом, передумав, обошел их с внешней стороны по направлению к нашей палатке, чтобы спрятать тромбон. Мне не хотелось идти с ним по аллее, чтобы кто-нибудь, заметив инструмент, начал гадать, где я на нем играл.

Затем я нырнул в нашу будку сбоку. Если так делать, можно получить бейсбольным мячом в глаз, но мне повезло. Киоском управляли дядя Эм и Мардж Хоугланд, и они неплохо зарабатывали.

— Фильм, наверное, рано закончился, Эд? — спросил дядя Эм, давая мне понять, как он объяснил Мардж мое отсутствие.

— Я не стал досматривать до конца, — подыграв ему, ответил я. — Мне не понравилось.

Дядя Эм отвел меня в угол будки, откуда Мардж не могла нас услышать, и прошептал:

— Иди-ка ты отсюда, Эд. Я пообещал Мардж долю сегодняшней прибыли, а если ты останешься, она решит, что больше мне тут не нужна, и уйдет. Так что еще поиграй где-нибудь, ладно?

— Конечно, но...

— Никаких «но». Слушай, Мардж не помешают деньги. У Хоуги в последнее время дела идут неважно. Он и проигрывать стал. На этой неделе продул пятьдесят баксов в блек-джек, а вчера — еще шестьдесят в рамми, и...

— И ты их выиграл?

— Да, я выиграл те шестьдесят. Так что пусть Мардж получит часть из них назад на булавки. Давай, иди отсюда.

— Ладно, ладно, не дави на меня.

— Да я так, подтолкнул чуть-чуть. Вот тебе десять центов, купи себе хот-дог. — Он сунул что-то в нагрудный кармана моего пиджака, но я был уверен, что это не десять центов, а пять долларов.

— Спасибо, — сказал я. — Значит, не возражаешь, если я пойду?

Дядя Эм усмехнулся и толкнул меня так, что мне пришлось быстро перелезть через низкий прилавок перед будкой, чтобы не споткнуться о него.

Я влился в толпу, курсировавшую по аллее. Народу было еще больше. Следуя за толпой, я оказался в плотной пробке перед шатром сайд-шоу. Там я попросту застрял. Никто не двигался ни

вперед, ни назад. Странно, ведь на сцене не происходило ничего интересного. Там сидел на одном из двух стульев только Скитс Гири. Он повернулся спиной к толпе и нахально сдвинул шляпу на затылок. Но две будки справа от сцены продавали билеты в бешеном темпе, а ведь тут не было даже грайнд-шоу. Кто-то пихнул меня локтем в бок. Я повернул голову и увидел очень толстую тетку. Она была с меня ростом и раза в три тяжелее.

— Извиняюсь, мистер, — с легкой одышкой произнесла она. — Господи, ну и толпища!

Сзади нас толкали ближе к будкам с билетами.

— Что происходит? — спросил я. — Я не видел рекламы. Откуда такая толпа?

Она посмотрела на меня так, словно я сошел с ума:

— Ну как же, ведь именно там убили лилипута! Разве вы не читали газету?

— Да, но...

— Кто-то сказал, цену подняли вдвое. Вы не в курсе? Что ж, если и так, наверное, оно того стоит. У них есть нож, которым его зарезали, и моя сестра говорит, на нем еще видна кровь, а там обозначено место, где нашли труп, и все такое. Можно получить кувшин крови, но это за дополнительную плату.

Я повернулся и, расталкивая посетителей, выбрался из толпы. Пошел к киоску, где продавали лимонад, и купил стаканчик, чтобы запить неприятный вкус во рту. Стоя там, я достал из кармана купюру, которую дал мне дядя Эм, и положил ее в кошелек вместе с оставшимися у меня деньгами. Это была не пятерка, а двадцатка. Я понял, что и у дяди Эма, видимо, неплохо идут дела, и на мгновение от этой мысли мне стало противно, но потом я подумал: разве он виноват в том, что вчерашнее убийство приносит больше денег? Глупо было бы закрывать киоск или прогонять зрителей только потому, что сегодня их больше, чем обычно. Ведь, в отличие от Скитса, дядя специально ничего не предпринимает, чтобы нажиться на случившейся трагедии.

Допив лимонад, я прогулялся по аллее и свернул с нее, чтобы не идти мимо нашего аттракциона. Машинист паровозика накричал на меня, когда я пошел через пути, но, узнав меня, дружески помахал рукой.

Некоторое время я смотрел на рекламную сцену перед шатром, где началось танцевальное шоу, наслаждаясь быстрым шафлом, который Джигабу — семилетний танцор-вундеркинд — исполнил для затравки. Он был очень хорош.

Когда Джигабу закончил танец и вернулся в шатер, я двинулся дальше. Повсюду толпился народ. Даже зал игровых автоматов собрал неплохую прибыль. Зарабатывали все — даже я, если считать двадцатку, которую сунул мне дядя Эм.

С такой толпой цирк будет работать до часу или двух ночи и грести доллары лопатой. И это вечером рабочего дня, когда вот-вот мог хлынуть дождь и мы должны были бы закрыться.

Я подумал, что если лилипута убил кто-то из наших, эта смерть была нам на руку.

Глава четвертая

Перед шатром стрип-шоу собралась большая толпа. На рекламной сцене стояли четыре девушки в халатиках, среди них была Рита. Возле микрофона надрывался зазывала, Чарли Уилер, один из стариков с луженой глоткой, работавших еще до появления системы местного оповещения, и он никак не мог взять в толк, что при наличии микрофона для усиления громкости ему не обязательно вещать в полный голос.

У Риты на лице было слишком много косметики, как, впрочем, и у остальных моделей. Среди прочих девушек она была самой красивой и молодой. Я попытался встретиться с ней взглядом, но ничего не получилось. Чарли дошел до кульминации, жестом велел девушкам возвращаться в шатер, включил музыку и приступил к сбору денег. Судя по тому, сколько народу набилось внутрь, заработал он сегодня прилично.

Я остался снаружи. Мне очень хотелось зайти, но в то же время я отчасти радовался, что не могу этого сделать. Когда я только начинал работать в цирке, дядя Эм просветил меня на сей счет. Забавно, конечно, но со временем понимаешь, почему существует подобный запрет, практически табу.

Я вот что хочу сказать: если ты работаешь в цирке, то не ходишь смотреть на девочек. Модели согласны позировать практически в чем мать родила перед тупыми зрителями, перед дураками, которых они и за людей-то не держат. В этом нет ничего личного. Но если кто-то, знакомый с девушками, зайдет взглянуть, это уже считается непристойным. Это такой же вуайеризм, как подсматривать в окно фургона или через фрамугу в номер отеля. Конечно, глупо, но если вдуматься, в этом есть определенный смысл.

Я двинулся прочь, размышляя, не пригласить ли мне Риту на свидание после шоу. Но черт подери, у меня нет машины. Вот если бы Хоуги опять предложил мне свою, было бы здорово. Просить мне не хотелось, но вдруг он сам предложит?

У него в фургоне горел свет. Если постучаться, он наверняка крикнет, чтобы я зашел, но я почему-то колебался. Просто у меня возникло ощущение, что не надо этого делать. Но я сказал себе, что все это чушь, постучал в дверь, он крикнул, и я вошел.

С тех пор как я был здесь днем, Мардж немного прибралась в фургоне. Повсюду царил идеальный порядок, вот только Хоуги был не в порядке. Он сидел там же, где и раньше, между столом и сиденьем сбоку от него. Но теперь вместо кофе перед ним на столе стояла опустошенная на три четверти бутылка виски. Я никогда не видел Хоуги таким пьяным. Это означало, что он все еще себя контролирует, но о его состоянии красноречиво свидетельствовали осунувшееся лицо и мутный взгляд.

— Садись, Эд, — предложил Хоуги. — Бери стакан, выпьем.

Он говорил четко, но явно прилагал для этого немалые усилия. Пить мне не особенно хотелось, но стакан я взял.

— Немного, — произнес я, когда Хоуги начал наливать. — Один глоток.

В его понимании глоток занимал половину стакана, не менее трех-четырёх унций.

— За Сьюзи, — сказал я и отхлебнул виски.

Хоуги тоже выпил и засопел, соглашаясь с тостом. Потом молча уставился на меня из-под полуприкрытых век. Мне почему-то пришла в голову мысль, что, не зная я его, то непременно испугался бы. А так ли уж хорошо я его знал? Например, что он пьет в одиночестве?

Вскоре молчание начало меня тяготить. Я выпил еще и спросил:

— Как она, Хоуги? Ну... в смысле... Сьюзи.

— Боюсь, она умрет, Эд. Что ж, черт возьми, я сделал все, что мог.

— Жаль.

— Дело ведь не только в деньгах. Я не жалею о потере ста пятидесяти баксов, я знал, что шансы никудышные, когда покупал ее. Понимал, что именно поэтому она мне так дешево досталась. Но я, черт побери, к ней привязался!

Я приподнялся — хотел посмотреть, как там Сьюзи. Но Хоуги сказал:

— Не тревожь ее, Эд. Я дал ей снотворное, оно только начинает действовать.

— Конечно, — кивнул я и снова сел, размышляя, как мне свести разговор к машине.

Я сделал последний глоток и покончил со своей порцией. Виски обжег все внутри и на вкус был отвратительным, но гордость не позволяла мне бежать за «прицепом»³. Когда ко мне вернулся голос, я спросил:

— Рита придет сюда после конца шоу?

— У нее свидание.

— Что?

Хоуги посмотрел на меня и усмехнулся. Взял бутылку и налил мне еще, прежде чем я заметил, что он делает.

— Ты когда-нибудь слышал мои лекции по сексу, Эд? — спросил он. — Если их не отменяют в Саут-Бенде на следующей неделе, приходи, узнаешь, что с тобой творится... Черт возьми, извини, Эд! Я не хотел над тобой подшучивать. Я пьян. Не обращай на меня внимания. Но у Риты действительно сегодня свидание с каким-то бездельником. С банкиром из Эвансвилла.

— Ясно, — протянул я.

Я вспомнил, что в городе Рита заходила в банк. Но тогда я думал, что у нее там дела. Веки Хоуги снова отяжелели.

— Лучше выбрось Риту из головы, Эд, — посоветовал он. — У этой девочки большое будущее. Она умеет отличить доллар от бумажки. Но не пойми меня превратно, Эд, она хорошая девчонка. Я знал ее, когда она еще носила косички, а это было не так давно. Ей, наверное, лет восемнадцать или девятнадцать. Но она быстро поумнела. Жизнь-то у нее была нелегкая.

— Да? — сказал я только для того, чтобы он продолжил разговор. Не знаю, почему мне этого хотелось.

— Мать Риты умерла, когда ей было двенадцать, лет шесть-семь назад. Ее отец, Хауи Вайман, мой хороший друг и отличный парень, когда трезв, но такое случается нечасто. Рита терпела, пока ей не стукнуло пятнадцать, а потом сбежала из дома — если, конечно, ее жизнь со стариком Хауи можно назвать домом.

— Чем же она занималась?

— Чем придется. Работала профессиональной танцевальной партнершей в клубе, выступала в бурлеске, пока там не прознали, что она несовершеннолетняя — она даже в шестнадцать могла сойти за двадцатилетнюю. Вскоре заболела и угодила в больницу, а несколько недель назад увидела мое имя в «Билборде» и написала мне через журнал. Вот как она здесь очутилась.

— Ясно.

— Но надолго Рита здесь не задержится. Слишком много у нее амбиций, чтобы оставаться в цирке. Ее ждет большой успех.

— Банкир из Эвансвилла — не самый большой успех.

— Да, но он может оказаться шагом в нужном направлении. В любом случае, Эд...

— Ладно, не нужно рисовать мне диаграмму. Я могу понять намек, когда его вбивают в меня бейсбольной битой.

— Выпьешь еще стаканчик?

На сей раз я не стал отказываться, но забыл сказать, чтобы он наливал поменьше, и Хоуги налил полный стакан.

— Меня это, черт возьми, не касается, Эд, — продолжил он. — Ты хороший парень, и я хотел избавить тебя от...

— Забудь, Хоуги! Слушай, я вовсе не влюблен в Риту и не собираюсь влюбляться. Она отличная девчонка и просто нравится мне.

Я поднял стакан, и мы выпили. На сей раз я выпил слишком много, и пришлось запить водой. Хоуги рассмеялся и произнес:

— Я все забываю, Эд, что ты не так много пил в своей жизни. Лучше на этом остановиться, а не то Эм с меня шкуру спустит.

Я проглотил воду, глубоко вдохнул и решил, что виски все же останется на месте и я не взорвусь изнутри.

³ Спиртное, которым запивают другой алкогольный напиток

— Наверное, мне не стоит допивать, — улыбнулся я. — Спасибо, конечно, но мне так кажется. — Я выпил еще воды и поставил стакан на место. — Я пойду, Хоуги. До завтра.

Когда я выходил, он бросил мне вслед:

— Держись подальше от деревьев!

Я выбрался на аллею и, споткнувшись о кол, ухитрился ободрать лодыжку. Но это, скорее всего, из-за темноты, а не из-за виски. Однако я начал ощущать действие алкоголя. Ведь выпил-то я приблизительно шесть или семь обычных порций. Я старался идти осторожно и сосредоточился на том, чтобы передвигаться по прямой линии и не шататься. Если я следил за собой, то вполне мог контролировать свое физическое состояние. А вот морально мне было паршиво. Хотя... что удивительного в том, что у Риты свидание с парнем из города? Она достаточно откровенно все объяснила мне в ночь, когда мы познакомились. Но я все равно чувствовал себя так, словно мне дали в зубы.

Я направился к фургону Ли Кэри возле шатра шоу уродов. В фургоне было темно, и с минуту я раздумывал, можно ли мне зайти и послушать граммофон. Кэри говорил, я могу заходить в любое время. И тут я услышал его голос у себя за спиной:

— Привет, Эд. Господи, ну и ночка! Заходи.

Он только что выскользнул через боковую стенку шатра в перерыве между выступлениями. Я поднялся в фургон, и он следом за мной.

— Хорошая выручка? — поинтересовался я.

— Ну и толпа! — воскликнул он, вытирая мокрый от пота лоб. — Скитс с ума сходит, никак не может выпроводить народ, чтобы впустить новых зрителей. Мы даем представление через каждые десять минут, и до сцены идти минуту. У меня всего восемь минут на отдых — и мне нужно выпить.

Кэри направился в кухоньку в углу фургона и крикнул оттуда:

— Включи музыку, Эд! Мне нужно подзарядиться.

— Что ты хочешь?

— Что-нибудь погорячее.

Я поставил «Болотный огонь» из альбома Дорси. Услышав звуки «Болотного огня», Кэри удовлетворенно произнес:

— Молодец!

Он вернулся с двумя стаканами в руках. Мне не следовало больше пить, но я не успел ему об этом сказать, а теперь неудобно было отказаться. А наливал он столько же, сколько Хоуги. Я поблагодарил его и поставил свой стакан на стол возле граммофона.

— Цирк катится к чертям, Кэри, — промолвил я. — Все пьют из стаканов, а не из горла. Даже Хоуги.

— Я могу себе позволить стакан. Сегодня я при деньгах, это надо отметить, Эд. Знаешь, сколько карточных фокусов я провернул? Почти два гросса, по пятьдесят центов за штуку вместо двадцати пяти.

— Отлично.

Кэри опрокинул выпивку и не заметил, что я отставил свой стакан.

— Слушай, Эд, — сказал Кэри, — ты нормально себя чувствуешь?

— Конечно.

— Глаза у тебя какие-то странные. Может, мне кажется? — Он взглянул на часы: — Осталось четыре минуты. Успею посидеть. — Он едва не рухнул на стул.

«Болотный огонь» закончился, и я достал другую пластинку.

Я взял стакан и сделал глоток виски. Когда я поставил его обратно, то чуть не пролил виски, потому что под стаканом оказался какой-то маленький предмет, лежавший на столе возле граммофона. Я отодвинул стакан и взял эту крошечную штучку. Это был один из кубиков для игры в кости из прозрачного красного пластика, размером не более четверти дюйма. Я поискал второй из пары, но его там не было.

Кэри видел, как я подобрал кубик, и объяснил:

— Один из пары, с которой я выполнял карманный трюк со стаканчиком и игральными костями. Второй кубик я потерял, а без него фокус не получится. Возьми себе, если хочешь, или выброси.

Не знаю, зачем он мне понадобился, но я сказал «спасибо» и положил кубик в карман жилета. Пластинка закончилась. Кэри встал и потянулся.

— Назад в окопы, — вздохнул он. — Оставайся и слушай музыку, если хочешь. Может, я зайду разок-другой в перерывах. Кстати, можешь еще выпить.

— Спасибо, — кивнул я. — Передавай привет Скитсу.

Он вышел, а я просмотрел десяток альбомов и выбрал пластинку Гарри Джеймса, раннего Гарри Джеймса. «Блюз Мемфиса», «Сонная девчонка» и все такое. Я прослушал только несколько из них и заметил, что мой стакан пуст. У меня возникло желание снова наполнить его из бутылки в кухне, но я сообразил, что лучше не надо, а то не смогу ходить по прямой.

Я еще послушал музыку и почувствовал легкое головокружение. Этого было достаточно, чтобы я начал гадать, каково это — напиться по-настоящему. Несколько раз я был близок к этому состоянию, но никогда не переходил границу. Стоит или не стоит? Я достал из кармана маленький красный кубик. Решил, что подброшу его и, если выпадет маленькое число — один, два или три, — пить не стану. Если выпадет большое — четыре, пять или шесть, — выпью. Зажав кубик в кулаке, я потряс рукой, но слабо сжал пальцы, и маленький кубик выскочил из них. Описав в воздухе дугу, он со стуком упал на линолеум посередине комнаты. Я видел, как кубик упал, но не заметил, куда он откатился.

Я выругался и выключил граммофон. Опустился на пол и стал заглядывать под стоявшие в комнате вещи. Наконец я увидел кубик далеко под столом, и чтобы дотянуться до него, мне пришлось практически лечь на пол. Только убрав его обратно в карман, я вспомнил, что так и не посмотрел, какое выпало число.

Ну и черт с ним! Я отнес стакан обратно в кухню и плеснул себе виски, но не так много, как раньше. А поскольку рядом никого не было, я налил стакан воды, чтобы запить алкоголь.

Я послушал еще несколько пластинок и растянул эту порцию надолго. Головокружение не усилилось. Мне показалось, будто я даже чувствую себя как-то трезвее. Наверное, подумал я, я могу пить, как джентльмен, но все равно лучше не перебарывать.

Очень хотелось, чтобы Ли Кэри вернулся, но его не было. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить. Теперь-то я знаю, что виной тому была выпивка, но я чувствовал, что мне есть что сказать. Например, о женщинах. Но Кэри так и не пришел. Я глотнул виски, закрыл фургон и направился на аллею.

Похоже, дела в цирке пошли хуже. Поток толпы поредел, не считая посетителей у рекламной сцены сайд-шоу, куда уже никто не зазывал, потому что зрителей и так было больше, чем нужно. В обычный вечер мы бы уже начали закрываться. Через часок, а может и быстрее, все закончится.

Туман густел. Все вокруг по-прежнему выглядело призрачным, окруженным нимбами и казалось столь странным и удивительным, что мне хотелось непременно с кем-нибудь об этом поговорить.

Карусель и паровозик уже перестали работать. Это аттракционы для детей, поэтому они закрываются раньше всех. Я прислонился к будке, где продавались билеты на карусель, и постарался проанализировать ситуацию. То есть подумать обо всем, что касается Риты. Я хотел ее увидеть. А почему бы и нет? Черт возьми, она такая же стерва, как и остальные. То, что Рита честно признается, что ей нужны только деньги, не делает ее лучше других, ведь так? И если она идет на свидание с кем-то другим, почему бы мне не посмотреть шоу? Это должно все изменить.

Я сделал длинный крюк вокруг аллеи, чтобы не идти мимо киоска дяди Эма. В стрип-шоу начиналось последнее на сегодня выступление. Рита была на рекламной сцене вместе с другими девушками. Из-под халата виднелись ее стройные, белые, обнаженные лодыжки. Она не заметила меня в толпе. Чарли Уилер махнул рукой девушкам, делая знак, что пора заходить в шатер, и начал рекламировать последнее шоу вечера. Все было на уровне. Они не собирались снова выходить и зазывать посетителей. Я понял это, потому что Чарли отсоединил микрофон чуть ли не раньше, чем перестал орать.

Я дождался, пока он уйдет, чтобы он меня не заметил, а потом последовал за последними зрителями. Кассира я не узнал и понадеялся, что и он меня не знает. Я положил на полочку полдоллара, взял билет и шагнул в шатер.

Внутри царил полумрак. Стульев не было. Зрители — и я — стояли возле каната, натянутого на шесть футов перед сценой с черным бархатным занавесом. За сценой кто-то завел граммофон,

подключенный к внутренней радиосистеме. Это была типичная чувственная, томная музыка, которая обычно сопровождает шоу девочек. Это продолжалось минуту, видимо, для создания соответствующего настроения. Затем занавес поднялся. Там были две девушки, но Риты среди них не оказалось. В сцене была заложена какая-то идея, я уже не помню, какая. Вряд ли кого-то в тускло освещенном шатре могла интересовать какая бы то ни было идея. Девушки были в украшенных блестками трусиках-танга и прозрачных марлевых бюстгалтерах, разрешенных законом. У них действительно были красивые тела. На просмотр отводилось секунд пятнадцать, а потом черный занавес опустился.

Зазвучала музыка «Мой ангел», и занавес снова поднялся. На подиуме находилась одна Рита. Наверное, она изображала ангела. Рита стояла лицом к зрителям, протянув к ним руки, и какая-то мерцающая ткань, напоминающая крылья, падала на ее обнаженные белые руки, доходя до пояса трусиков, к которым крепилась с обеих сторон.

Тело Риты было очень белым и таким красивым, что от этого зрелища перехватывало дыхание. По крайней мере, у меня перехватило. Вместо бюстгалтера на ней был кусок белого тюля, завязанный на шее и свисавший почти до талии. Он был почти полностью прозрачным. Такие идеальные полушария груди иногда можно было наблюдать у античных статуй в музее, но не стоило рассчитывать или надеяться увидеть их где-то еще.

Рита слегка запрокинула голову. Казалось, она смотрит мне прямо в лицо. Но ведь в полумраке, да еще при включенных нижних софитах, она не могла заметить меня. Занавес опустился. Я стоял, крепко сжав кулаки, даже пальцам стало больно. Повернувшись, я протиснулся между мужчинами, и быстро вышел из шатра.

На аллее я в нерешительности замер, не зная, куда пойти, и через минуту направился обратно к фургону Кэри. Отметил, что все еще могу идти по прямой, не спотыкаясь.

В фургоне по-прежнему было темно. Я сел на ступеньку, решив подождать: вдруг Кэри вернется. Голова больше не кружилась, но в ней царил хаос. И я знал, что вовсе не трезв, потому что мне хотелось плакать. Или побить кого-нибудь. Или и то и другое. А не мог ли Хоуги солгать мне? Не знаю, зачем ему это, но все-таки соврал? А если у Риты сегодня нет никакого свидания? Почему я должен верить ему на слово? Я просидел возле фургона Кэри минут десять, а то и больше. Рита, наверное, уже оделась и вот-вот выйдет из шатра. Я встал и поспешил обратно на аллею.

Из раздевалки, прямо у входа, доносились женские голоса. Я услышал голос Риты. Я постоял снаружи, дожидаясь появления девушек. Первой вышла Дарлин, потом еще одна девушка, которую я не знал. Через минуту появилась Рита. Я сделал шаг вперед и заговорил, но успел произнести только: «Ри...», как вдруг она со всей силы ударила меня по лицу. Это была не пощечина, а настоящий удар. Я чуть не потерял равновесие и даже зашатался. Было так больно, что аж в ушах зазвенело. И пока я там стоял, не в силах пошевелиться от изумления, Рита обогнула палатку и вышла на аллею. Из шатра вышла еще одна девушка.

— Привет, Эд, — произнесла она, и я узнал Эстель, девушку, которую я видел раньше и более-менее знал.

Эстель выступала в цирке большую часть сезона. Это была маленькая брюнетка со смуглой кожей и стройной миниатюрной фигурой. Симпатичная, немного грубоватая внешне, но приятная, всего на год-два старше меня.

— Привет, — сказал я.

— Эдди, неужели я слышала звук пощечины? — спросила она и тихонько засмеялась, увидев выражение моего лица. Но это был дружеский смех, не вредный. В нем звучал юмор, а не злоба.

Эстель подошла поближе и промолвила:

— Не трать понапрасну силы, Эдди. У нее свидание с туго набитым кошельком. Настоящий банкир.

Значит, Хоуги не врал, подумал я и удивился, с чего я вообще подозревал — или надеялся, — что он врет.

— А вот я свободна, — продолжила Эстель. — Купишь мне выпить, Эдди?

А почему бы и нет? У меня при себе тридцать пять баксов. Почему бы не прогуляться с Эстель?

Я взял ее за руку, и мы двинулись по аллее в сторону главных ворот. Теперь, когда цирк закрывался, все направлялись туда. Проходя мимо киоска дяди Эма, я увидел, что он уже закрыт.

Я окончательно протрезвел, или мне так казалось. В ушах слегка звенело, но звон казался каким-то размытым и приглушенным, как и прочие звуки. Мы вышли через ворота и остановились на тротуаре. Я огляделся по сторонам в поисках такси, но, не увидев ни одной машины, вопросительно посмотрел на Эстель.

— Через квартал отсюда есть закусочная, — сказала она. — Неплохая. Сходим туда, пропустим по стаканчику, а потом вызовем такси, когда народ схлынет, хорошо?

— Отлично, — кивнул я.

В закусочной мы сели за столик рядом друг с другом и заказали виски с содовой и льдом. Говорила в основном Эстель, но этого хватало на двоих. Виски с содовой после всего того количества неразбавленного алкоголя, которое я выпил в цирке, показался мне слабым. Я подумал, что пил неразбавленный когда-то давным-давно.

Я вызвал такси по телефону и, возвращаясь к столику, бросил пятицентовик в музыкальный автомат. Спросил Эстель, не хочет ли она, пока мы ждем такси, еще выпить. Она покачала головой.

— Давай выпьем в центре, Эдди. В моем отеле есть хороший бар. Выпьем там. — Она не прибавила «сначала», но придвинулась ко мне поближе.

«Классная девчонка, — подумал я. — Будет здорово».

Наблюдая за дверью, я медленно потягивал виски с содовой и все больше трезвел. Наконец появился таксист, мы кивнули ему и пошли за ним на улицу. Снаружи все по-прежнему выглядело призрачным и таинственным. Возле машины я взял Эстель за руку и, прежде чем она села, произнес:

— Слушай, Эстель, наверное, будет лучше, если я просто отправлю тебя домой на такси. Я... уже выпил с Хоуги и Кэри, и эта последняя порция... боюсь, меня стошнит. Мне жаль, но...

— Ничего страшного, Эдди, — улыбнулась она. — Незачем лгать мамочке. Ты слишком перенервничал из-за этой блондиночки. Может, мне тоже обидеться и врезать тебе... Может, мне... ох, забудь!

— Мне жаль, — повторил я. — Наверное, я немного свихнулся.

— Конечно. Не переживай, все в порядке. Спасибо за выпивку, и я даже не настолько зла, чтобы самой оплатить такси. Ты его вызвал, тебе и платить. Давай!

Я подтолкнул ее в машину. Потом расплатился с водителем и смотрел, как задние фары автомобиля растворяются в тумане. Какой же я идиот! На мгновение мелькнула мысль вернуться в закусочную и выпить. Но что это даст? Больше я не опьянею, хотя и не возражал бы. Я уже миновал эту стадию и догадывался, что если выпью еще, меня просто начнет тошнить. Только этого не хватало для идеального вечера.

Я вернулся в цирк. Дяди Эма в палатке не было. Я знал, что он играет в карты в шатре с азартными играми. Я был этому рад и быстро лег в постель.

Когда дядя Эм вернулся, я еще не спал, но притворился спящим. В кои-то веки — едва ли не впервые в жизни, — мне не хотелось с ним разговаривать.

Глава пятая

На следующий день я проснулся почти в полдень. Лил дождь. Дяди Эма не было. Во рту ощущался неприятный привкус. Я выпил немного воды из термоса, и от этого стало не так противно. Дядя Эм вернулся, когда я одевался. Присев на край койки, он молча наблюдал за мной.

— Как ты себя чувствуешь, малыш? — наконец спросил он.

— Нормально, — ответил я.

— А что с другим парнем?

— С каким парнем? — удивился я.

— С тем, что дал тебе в морду. Физиономия-то немного опухла. Думаю, тебе не помешает бекон.

— Что?

— С яйцами и картофелем, для внутреннего применения. Тогда ты сразу почувствуешь себя лучше, и я смогу задать тебе надлежащую трепку. Ну как, готов?

Мы пошли в жральню, и после еды мне стало намного лучше. Я откинулся на спинку стула и ждал, когда дядя Эм начнет задавать вопросы. Но он молчал, и я заговорил первый:

— Откуда ты узнал? От Хоуги или Кэри?

— Я с ними не виделся. Но когда я вчера вернулся, в палатке стоял дух как на перегонном заводе. Однако выглядишь ты нормально, Эд. Физиономия с одной стороны немного опухла, но почти не заметно. Кто тебя напоил?

— Я сам виноват, — сказал я. — Хоуги угостил меня выпивкой, потом — Кэри, не зная, что я уже слегка набрался. А затем парень по имени Эд Хантер дал мне последние несколько порций. — Я подождал, не станет ли дядя ругать меня, но он промолчал, поэтому я спросил: — Есть какие-нибудь новости?

— Например?

— Ну... какие угодно.

— К этому многое можно отнести, — ответил дядя Эм. — Мы переезжаем сегодня, а не завтра.

— В субботу вечером? Но мы ведь не успеем обустроиться в Саут-Бенде, чтобы открыться в воскресенье?

— Здесь мы все равно ничего больше не соберем. Судя по прогнозу погоды, дождь будет лить как минимум три дня. Так что уезжаем на день раньше, ничего не потеряв. В Саут-Бенде сухо. А если сегодня вечером все еще будет сильный дождь, мы отправимся в путь пораньше и подготовим все в Саут-Бенде к полудню.

— А как же убийство? Полиция позволит нам уехать раньше?

— А что им даст один день? Они же не могут задержать весь цирк. Кстати, сегодня утром я видел твоего приятеля, копа Вайсса. Они с Мори обсуждали переезд. Вайсс говорит, у них ничего нового, личность пока не установили. Но тебя он хвалил, сказал, ты хорошо играешь на тромбоне. Как я понял, ты Вайссам очень понравился.

— Он хороший, — произнес я. — Хоть и коп.

— Вот еще что. Мардж говорит, Рита уехала в Индианаполис.

Видимо, у меня на лице ничего не отразилось.

— Вчера вечером, перед самым закрытием, она получила телеграмму, — продолжил дядя Эм. — Ее отца сбил грузовик. Состояние у него тяжелое, он хочет ее видеть.

— Ясно.

Перед самым закрытием... Вот что было у нее на уме, когда она позировала на сцене и заметила, как я пялюсь на нее. Значит, Рита не ходила на свидание с банкиром. Разумеется, ей пришлось отменить его. Не знаю, почему я этому радовался. Я-то уж точно все себе только испортил. В моих рассуждениях не было никакой логики: как можно радоваться чему-то, что не является для тебя хорошей новостью? Тем не менее почувствовал некое воодушевление.

Дождь лил не переставая. В субботу больше ничего особенного не произошло. Ближе к вечеру начался настоящий ливень, посетителей в цирке не было, никто не пришел, даже чтобы

посмотреть, где нашли труп, и взглянуть на нож, который послужил орудием убийства. Мы свернули шатры и собрали вещи.

До Саут-Бенда путь не близкий, так что мы решили не трястись на грузовиках. Дядя Эм взял нам билеты в спальный вагон на ночной поезд. До полуночи мы смотрели кино, потом выпили пива, чтобы убить оставшееся время, а вскоре сели на поезд.

Я ворочался на полке и никак не мог заснуть. Думал о Рите и по-прежнему радовался, что ей пришлось пропустить свидание. Глупо, конечно. В том смысле, что если она охотится за деньгами, у нее будет еще предостаточно шансов, так какое имеет значение, что она упустила именно этот. А если она его не упустила? Вдруг рассказала историю про телеграмму для того, чтобы задержаться? Может, она проводит с банкиром выходные? Кто-нибудь вообще видел эту телеграмму?

Стук колес мешал мне спать. Я попытался убедить себя, что мне безразлично, сидит Рита возле умирающего отца или спит с тем проклятым банкиром. Даже если раньше я и мог на что-то надеяться, то теперь она меня ненавидит. Никакие логические умозаключения не помогли мне заснуть. Если в них вообще была какая-то логика.

Однако в конце концов я все-таки заснул, потому что меня разбудила тишина, наступившая, когда поезд остановился. Я посмотрел на светящийся циферблат наручных часов — было пять утра. До Саут-Бенда ехать еще пару часов. Мне стало интересно, где мы, я выглянул в окно и увидел большую станцию, скорее всего город.

Внезапно меня осенило, где мы остановились. Индианаполис. Я совсем забыл, что из Эвансвилла мы поедем через Индианаполис. Саут-Бенд находится на севере штата.

Индианаполис! Мне пришла в голову дикая, безумная идея: сойти с поезда. Я бы позднее все объяснил дяде Эму. Денег при себе у меня достаточно, я мог бы по дороге догнать его, и он вряд ли бы возражал. Я схватил брюки, которые лежали в сетке для одежды, и начал их натягивать. Но в этот момент поезд, дернувшись, тронулся с места. Я сразу сообразил, насколько это была дурацкая идея.

Но она так основательно разбудила меня, что я больше не пытался снова заснуть, даже не стал ложиться. Я оделся и прошел в хвост состава. Усевшись там, долго смотрел, как пути тянутся из настоящего в прошлое. Мы удалялись от Индианаполиса. Наверное, я никогда больше не увижу Риту.

...В Саут-Бенде было пасмурно, но без дождя. До площадки мы добрались прежде, чем туда приехали грузовики, и какое-то время ждали их. На площадке было сухо, и уже было размечено, что куда ставить.

Грузовики прибыли часов в десять, мы распаковали наши вещи и начали размещаться. Пока ставили жилую палатку, к нам подошел Мори.

— Мы приехали на день раньше, но к полудню или к вечеру все равно появятся посетители, — сказал он. — Я проплатил рекламу на местном радио и заранее дал объявление в воскресную газету. Так что люди знают, что мы здесь. Только, черт возьми, тут, кажется, тоже скоро польет.

Я поинтересовался, нет ли новостей от Риты, и сразу понял, что задаю глупый вопрос. Она бы не стала так быстро писать или телеграфировать.

— Кто? — переспросил Мори. — А, шикарная блондинка. Нет пока.

Я знал, что выставляю себя идиотом, но хотел знать правду, поэтому произнес:

— Телеграмма, которую она получила... Ее доставили в цирк или... как?

Мори недоуменно посмотрел на меня, однако ответил:

— Нет, по телефону продиктовали. Девушка-курьер записала, и я отнес ее Рите.

Когда Мори ушел, дядя Эм бросил на меня внимательный взгляд и почесал в затылке, но не стал ни о чем спрашивать.

Вечером все еще было пасмурно, но мы неплохо заработали. Понедельник прошел примерно так же.

Во вторник во второй половине дня начался дождь. До этого времени мы работали, причем неплохо. Я как раз опускал переднее полотно, как вдруг кто-то сказал:

— Привет, Эд. Привет, Эм.

Это был Армин Вайсс, коп из Эвансвилла.

— Мне надо сначала кое с кем поговорить, — проговорил он. — Вы будете здесь?

— Конечно, — кивнул дядя Эм. — Мы будем у себя в палатке, за будкой.

— Значит, увидимся через пару минут. Личность лилипута установлена.

Закрыв киоск, мы с дядей ушли в палатку. Вайсс явился через полчаса. Сел на койку и смотрел, как я убираю трембон, который только что отполировал и втер немного свежего масла в раздвижное колено.

— Лон Стаффорд, — сообщил Вайсс. — Лилипута звали Лон Стаффорд. Раньше слышали это имя?

Он посмотрел на нас, переводя взгляд с одного на другого, и мы покачали головой, давая понять, что это имя нам ни о чем не говорит.

— Он жил в Цинциннати, — продолжил Вайсс. — Ему было тридцать шесть лет. Жил в меблированных комнатах на Уайн-стрит и держал газетный киоск в центре города. По утрам продавал «Инкуайерер», а днем — «Таймс-стар» и «Пост». Когда-то работал в цирке, но это было давно. Лет шесть-восемь назад, в основном на Западном побережье. В водевиле тоже выступал. Насколько мне удалось выяснить, он никогда не ездил с цирком на Восток или Средний запад.

— Кто заявил о его исчезновении? — спросил дядя Эм.

— Квартирная хозяйка. В прошлом она сама работала в цирке, выступала в бурлеске. Короче, она читает «Билборд», там-то и узнала об убийстве. Если в регулярных газетах что-то и было об этом, то она не заметила. Вот почему мы не сразу получили ответ, а только после того, как вышел «Билборд». Она дала полиции Цинциннати описание. Подходит.

— А она не знает, кто мог его убить и почему?

Вайсс пожал плечами:

— Если и знает, то местной полиции не сообщила. Я еду в Цинциннати, чтобы поговорить с ней. Конечно, пришлось сделать крюк по пути из Эвансвилла, но я хотел посмотреть, не отреагирует ли тут кто-нибудь на имя Лон Стаффорд, чтобы ехать не с пустыми руками. Пока ничего.

Он поднялся с койки, повернулся и посмотрел на меня:

— Ну, что-нибудь выяснил, Эд?

Я покачал головой.

— Интересно получается, — сказал он. — Стаффорд покинул Цинциннати дней десять назад. Объявился на вашей ярмарочной площадке в Эвансвилле в виде трупа в ночь с четверга на пятницу, пять дней назад. Где он находился предыдущие пять дней между этими двумя событиями? Если бы мы это знали, было бы, за что ухватиться.

— Выпьете стаканчик? — предложил дядя Эм.

— Что ж... один не повредит. До Цинциннати точно выветрится. Отсюда чертовски далеко ехать.

Дядя Эм достал алюминиевые чашки от термоса, которые использовал в игре с мячами, и бутылку. Налил в три чашки, мне, как обычно, поменьше. Когда мы выпили, Вайсс сказал:

— Он продал газетный киоск, выручил за него двести баксов. Значит, по возвращении не собирался снова торговать газетами. Но ведь можно было просто сдать его в аренду. Он явно намеревался вернуться в город. Комнату оставил за собой и заплатил за две недели вперед. Рассчитывал, что за это время вернется в город. Намекнул, что может вернуться с большей суммой денег, чем у него когда-либо было. Откуда они появятся, объяснять не стал.

— Копы в Цинциннати неплохо для вас поработали, — заметил дядя Эм.

— Не от них я получил эти сведения. Прошлой ночью я говорил с квартирной хозяйкой по телефону. Ее зовут миссис Червински, вдова. По телефону у нее очень приятный голос.

Дядя Эм улыбнулся. Тогда я не понял, почему.

— Еще по глоточку? — спросил он.

— Нет, мне пора. Слушай, Эд, я на машине, а вы все равно не сможете работать под дождем. Хочешь поехать со мной?

Я покачал головой.

— Нет, спасибо. У меня кое-какие дела.

— Ладно, Эд. Держись подальше от неприятностей. И слушай внимательно.

— Хорошо, — кивнул я.

Когда он ушел, я с удивлением подумал: с чего вдруг я отказался с ним ехать?

Вечером в столовке я увидел Чарли Уилера, зазывалу стрип-шоу. Я сел рядом с ним и небрежным тоном спросил:

— От Риты есть известия?

Он покачал головой.

— А с какой радости? — Он откусил кусок сэндвича и пробурчал с набитым ртом: — Черт возьми, она не вернется.

— Откуда ты знаешь?

— Так мне кажется. Но я почти уверен. Слушай, Эд...

— Что?

— Для твоего же блага, забудь ты эту дурную блондинку. Ты хочешь с ней закрутить, но почти все остальные в цирке хотят того же. А ее интересует только «капуста». Никто из здешних не имеет таких денег, которые удовлетворяют ее. Могу подкинуть тебе одну идею, Эд. В следующем городе к сайд-шоу присоединится татуированная дама. Это что-то! Оставишь свет включенным, и если не спится, можно лежать и рассматривать картинки.

— Конечно, — кивнул я. — Непременно подумаю об этом, Чарли.

На следующий день, в среду, дождь продолжался. Дядя Эм отправил меня в город, где я посмотрел три фильма. Днем в четверг слегка прояснилось, но дел у нас было мало. В четверг вечером опять заморосило. Мы не стали даже открываться, хотя некоторые киоски работали за бесценно. Я попробовал поупражняться на тромбоне, но никак не мог сосредоточиться.

— Ради всего святого, Эд! — воскликнул дядя Эм.

— Да. Сам знаю, что паршиво. Сейчас я его уберу.

— Да я не о тромбоне, а о тебе! Что, черт возьми, с тобой творится? Или ты не хочешь о ней говорить?

— Не хочу.

Он прекрасно знал, что меня грызет. Врать ему было бесполезно, но я слишком запутался, чтобы сказать правду.

— Малыш, не люблю смотреть, как скотина страдает, — промолвил дядя. — Послушай, кошелек у нас полон. Почему бы тебе не надеть свой костюм, в котором ты похож на чертову кинозвезду, взять у меня двадцатку, пойти надраться, упасть в грязь и испортить костюм?

— В прошлый раз я не падал в грязь.

— Слишком мало выпил.

— Я не хочу напиваться. Какая мне от этого польза?

Он вздохнул:

— Этого я и боялся. Думал, сумею отделаться двадцаткой. Ладно, вот тебе столик. Хватит?

Дядя Эм не шутил. Он достал деньги и принялся отсчитывать купюры, складывая их в кучу у меня на койке. Десятки, пятерки и пара двадцаток — пока не дошло до сотни.

— Ну как, хватит?

— На что?

— Сам знаешь, на что, — буркнул дядя. — Выясни, что да как, и наконец разберись с данным делом. Главное, приведи себя в порядок. Поздно вечером отходит поезд, на который ты еще успеешь.

— Думаешь, мне стоит поехать в Индианаполис?

Он усмехнулся:

— Нет, черт подери, на Марс! На ракету пересядешь в Патагонии.

Дядя встал и вышел, оставив деньги на койке возле меня.

Я смотрел на них, затем взял и спрятал их к себе в бумажник. Вместе с теми, что у меня оставались, получилось сто двадцать два доллара. Никогда в жизни у меня не было столько денег наличными. Я почувствовал себя богачом. Я стал медленно одеваться, а потом заторопился, поняв, что не знаю, во сколько точно отходит вечерний поезд. Вдруг я его пропущу! А еще я подумал, что не известно, как долго меня не будет и во что я ввязываюсь, и потому положил в чемодан пару лишних рубашек и носков.

Дядя Эм отправился в шатер для игр. Ему не понравится, если я приду туда прощаться, поэтому я написал записку: «Большое спасибо. Буду держать тебя в курсе» и приколот ее к его подушке.

Я вышел с площадки, ни с кем не заговорив. Я так торопился, что остановил проезжавшее мимо ворот такси и поехал на нем на вокзал. Когда я туда прибыл, выяснилось, что до отхода поезда в Индианаполис еще два часа.

В поезде я все обдумал. К делу можно подступиться с трех сторон: проверить больницы, газеты или обратиться в полицию. Если в прошлую пятницу действительно произошел несчастный случай, при котором пострадал человек по имени Вайман, я мог узнать об этом из одного из этих трех источников. И полиция значилась в моем списке на последнем месте — слишком многое придется там объяснять.

Когда я сошел с поезда, было почти два часа ночи. Газетный киоск на вокзале еще работал, но все местные газеты оказались распроданы. Я разменял доллар на пятицентовики и направился к телефонной будке. В справочнике не оказалось никакого Говарда Ваймана. В общем, я и не рассчитывал найти его там. Если, как рассказывал Хоуги, Вайман вдовец и пьянчуга, возможно, у него нет собственного дома и зарегистрированного на его имя номера телефона. Скорее всего, он делит с кем-то квартиру или обретается в отеле.

В городе было удручающе много больниц, но прежде чем устроиться на ночлег, мне хотелось хоть что-то предпринять, и я начал с того, что позвонил в больницу «Скорой помощи». Это был самый вероятный вариант.

— У нас никто не зарегистрирован под фамилией Вайман, — сообщила сотрудница.

— Может, уже выписался? — предположил я. — Он должен был поступить в прошлую пятницу после автомобильной аварии. Если вам не трудно...

— Секундочку, пожалуйста.

Я ждал, пока вновь не услышал ее голос.

— Да, — сказала она. — Говард Вайман поступил в пятницу вечером. В воскресенье его перевели в частную больницу, называется «Сосновая поляна».

— Спасибо. Это значит... что кто-то устроил для него частную госпитализацию?

— Видимо. Мы занимаемся пациентами в критическом состоянии и нуждающимися. Как только пациента можно перевозить, мы рекомендуем перевод в другую больницу, если возможно.

— Перевозку организовала его дочь? — спросил я.

Девушка помедлила. Я быстро добавил:

— Я ее друг из другого города. Не знаю, как с ней связаться, кроме как через отца.

Она решила, что я безобиден, и сказала:

— Согласно карточке, все устроила Рита Вайман. Степень родства не указана. Ее адрес тоже не указан. Она могла оставить его в больнице «Сосновая поляна».

— Спасибо, — произнес я. — Большое спасибо.

У меня оставалось еще девятнадцать пятицентовиков. Я сократил их количество до восемнадцати, позвонив в больницу «Сосновая поляна». Мне сообщили, что Говард Вайман находится в стабильном состоянии. Больше я ничего от них не добился, кроме того, что навестить больного можно от двух до четырех пополудни. Если у них и был адрес Риты, они предпочли сохранить его в тайне.

Что ж, в результате двух звонков, сделанных в два часа ночи, мне удалось выяснить больше, чем я рассчитывал. Я решил, что продолжу поиски днем. В крайнем случае застану Риту завтра в больнице во время посещения. Если она приехала сюда исключительно за этим, то, конечно же, навещает отца каждый день.

Я поселился в клоповнике через дорогу от станции и лег спать, попросив разбудить меня в десять утра. Позавтракав, сходил в редакцию утренней газеты и достал воскресный выпуск. Я тщательно изучал его, пока не нашел то, что требовалось: один абзац на странице местных новостей.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ГРУЗОВИКОМ

Говард Вайман, 53, У.-Эмори-ст., 430, получил серьезные увечья в пятницу вечером около восьми часов, когда на пересечении Эмори и Блейн-стрит

его сбил грузовик. Пострадавший доставлен в больницу "Скорой помощи". Водитель грузовика задержан не был.

Я взял такси и поехал к дому 430 по Уэст-Эмори-стрит. Это оказалось трехэтажное кирпичное здание с меблированными комнатами в дешевом районе. В окне гостиной на первом этаже висело объявление: «Свободных номеров нет». Дверь в холл не была заперта, и я прошел по коридору и постучался в комнату, в которой висело объявление. Мне открыла женщина, я снял шляпу и произнес:

— Я слышал, мистер Вайман в больнице. Не могли бы вы сообщить мне, как он?

— Весь в синяках, наверное, — ответила она. — Поначалу было не ясно, что с ним, но, думаю, выживет. Скажите им, он вернется, но никто точно не знает когда.

— Кому сказать?

— Строительной компании. Вы же оттуда? Он там работает.

— Нет, я просто его друг.

Женщина не поверила. В глазах у нее мелькнуло подозрение.

— Что-то не похоже, — заявила она.

— Вообще-то, — улыбнулся я, — я друг Риты. Его дочери.

Она кивнула.

— Она заходила сюда. По-моему, это было в воскресенье. Заплатила за комнату, чтобы та осталась за ним. Хорошая девчонка, эта Рита. — Я почувствовал себя практически членом семьи. Женщина открыла дверь шире и отошла в сторону. — Прошу.

Я шагнул в неопрятную комнату, в которой увидел незастеленную кровать, плиту, раковину, полную оставшейся с завтрака немытой посуды, и стол, накрытый клеенкой. Женщина проковыляла по комнате и села за стол. Я присел на стул возле двери, хотел бросить шляпу на кровать, но не стал. Не на эту кровать. Положил шляпу себе на колени и спросил:

— Не могли бы вы сказать мне, где остановилась Рита?

Женщина снова посмотрела на меня с подозрением:

— Я думала, вы ее друг.

— Так и есть. Я из цирка. Она вам говорила, что выступала в цирке шапито?

— Да.

— Рита уехала в спешке, получив сообщение об отце, и не знала, где остановится. Я... мне нужно было в Индианаполис по делам, вот я и решил, что разыщу ее через адрес отца.

— Ясно. Извините, но она не говорила, где остановилась, только упомянула отель, значит, живет в каком-то из них. Но я думаю, вы можете связаться с Ритой через больницу «Сосновая поляна». Туда перевезли ее старика.

— Большое вам спасибо.

Больше мне тут ничего не светило, и я поспешил убраться восвояси.

В холле гостиницы, где остановился я сам, просмотрел указанные в телефонном справочнике отели. Их было слишком много, чтобы все их обзванивать, если только у меня не останется иного выхода. К тому же уже наступил полдень, так что проще было дожждаться, когда больница откроется для посещения.

Я приехал туда без четверти два. «Сосновая поляна» была симпатичной на вид больницей, но я никак не мог понять, чем объясняется ее название: поблизости не было ни одной сосны, да, впрочем, и расти им было негде: трехэтажное здание выходило прямо на улицу. Я прислонился к дереву на углу улицы наискосок от больницы и стал следить за входом. Их было два, и я мог наблюдать за обоими. Решил подождать до трех часов. Если к тому времени Рита не появится, сам навещу Ваймана, а если это ничего не даст, попробую снова получить адрес Риты в регистратуре больницы, на сей раз лично, а не по телефону.

Но мне не пришлось этим заниматься. В два часа возле входа притормозило такси, из которого вышла Рита. Я пересек улицу, пока она расплачивалась с водителем. Рита обернулась и увидела меня.

— Привет, Рита, — произнес я.

Если она и удивилась, то никак этого не выказала.

— Привет, Эд! — небрежно бросила она, словно мы заранее договаривались о встрече.

— Как твой отец?

— Так себе, Эдди. Помимо сотрясения мозга, у него еще и внутренние повреждения, которые не сразу выявили. Вчера его прооперировали. Врачам кажется, что все прошло успешно, но они не уверены. Не знаю, смогу ли сегодня повидать его. После операции прошло мало времени.

— Рита, мне так жаль...

Но она не слушала. Взяла меня за руку и промолвила:

— Пойдем, Эдди. Узнаем, что и как.

Мы поднялись по ступенькам и вошли в вестибюль. Рита приблизилась к стойке регистратуры, чтобы поговорить с медсестрой. Я ждал ее. Через минуту она вернулась и сообщила:

— Ему немного лучше. Но он сейчас спит, и доктор сказал, что до завтра его беспокоить нельзя. Так что пойдем отсюда. — Она опять взяла меня за руку.

— Хорошо, — кивнул я. — Но куда ты так торопишься?

— Такси ждет. Я сказала водителю, что не уверена, увижу ли отца, и он обещал пару минут подождать, на случай, если я сразу выйду.

Такси было на месте. В машине я обнял Риту. Она прижалась ко мне и спросила:

— Зачем ты приехал, Эдди?

— Ты знаешь, зачем.

— Лучше бы не знала. Черт бы тебя побрал, Эдди!

Я тихо засмеялся:

— Ничего более воодушевляющего ты мне до сих пор не говорила. Поругай меня еще. — Я обнял ее покрепче. — Ты меня совсем не любишь, Рита? Совсем?

— Что такое любовь?

— То, что со мной творится.

Она отстранилась и внимательно посмотрела на меня:

— Может, тебе просто хочется поразвлечься, Эдди?

— И это тоже, — признался я. — Одно другому не мешает. Полагаю, может быть либо то, либо другое, но от сочетания мне сейчас паршиво.

— Мне... тоже паршиво. Эдди, мне не нужна любовь. Мне нужны деньги, много денег. Я хочу миллион долларов, а у тебя его нет и никогда в жизни не будет. Для этого ты слишком хороший.

— Неужели хороший парень не может заработать миллион?

Рита восприняла мои слова серьезно:

— Не... не такой тип хорошего парня, как ты, Эдди. Скажи честно, ты можешь вообразить себя миллионером?

— Нет. Наверное, ты права, я не тот тип. Но если бы у тебя был миллион долларов, ты бы знала, что с ним делать?

— Еще бы! — Она тихо рассмеялась. — Большой дом, платья, драгоценности, меха...

— А мне в этом доме нашлось бы место?

— Вряд ли бы это понравилось моему мужу. Но я могла бы снять где-нибудь для тебя квартиру и платить аренду, Эдди. И два-три раза в неделю...

— Восемь раз в неделю! — перебил я. — Каждый день, а по воскресеньям дважды.

— Если муж позволит... Ты думаешь, я шучу, Эдди?

— Если нет, то лучше замолчи.

— А ты заставь меня.

Я заставил, очень хорошо заставил и почувствовал этот поцелуй аж в кончиках пальцев ног. Ничего подобного со мной прежде не случалось. Когда мы перестали целоваться, у меня голова закружилась. Такси подъезжало ко входу в отель Риты.

Она повела меня через холл в гриль-бар. Мы сели за столик.

— Ты голоден, Эдди? — спросила Рита.

— Мне не еда нужна.

— Веди себя прилично. Вон официантка. Я голодная как волк, с утра ничего не ела.

Она заказала себе обед, а я довольствовался куском пирога и кофе.

Когда официантка ушла, Рита нахмурилась и с неодобрением — не притворным, а самым настоящим — посмотрела на меня.

— Зачем ты той ночью явился на стрип-шоу, Эдди? — спросила она.

— Я знаю, что не следовало этого делать, — ответил я. — Но... я напился и был страшно зол. Хоуги рассказал мне, что у тебя свидание с кем-то в городе, и я... просто не мог этого вынести. Мне было наплевать, кто что подумает, пока я не оказался в шатре и не увидел тебя, и... черт возьми, все так запуталось. Ну... ты меня здорово потом отделала на улице, и я получил по заслугам.

— Ладно, Эдди. Только больше никогда так не поступай, не важно, вернусь я в шоу или нет. — Она улыбнулась. — Особенно если в нем участвует эта дамочка, Эстель. Ты ей вроде как нравишься. Она к тебе уже подкатывала?

— Нет.

— Все еще впереди. Что ж...

— Ты же вернешься в цирк, Рита?

— Я пока не решила, Эдди. Не нравится мне выставлять себя напоказ.

— Мне тоже. То есть не нравится, что ты выставляешь себя напоказ. Разве ты не можешь заняться чем-нибудь другим в цирке?

— Например, танцевать в куч-шоу?

— Черт возьми, ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать!

— Да, но тебе лучше с этим смириться, Эдди. Природа создала меня шоу-герл, или танцовщицей, или кем-то подобным. Тело есть, ума нет.

— Сколько будет два плюс два?

— Пять. Вот видишь, Эдди?

— Хорошо, — усмехнулся я. — Я умываю руки.

Официантка принесла наш заказ. Я потягивал кофе и смотрел, как Рита ест. Она даже ела красиво. Я был, наверное, самым везучим парнем в мире. В данный момент немного боялся, что спугну удачу, если стану выяснять, насколько мне повезло. Я молчал, пока она не доела. Потом спросил:

— А теперь куда?

— На вокзал, Эдди. Ты едешь обратно.

— Обратно? Но я только что приехал! Я могу остаться примерно на неделю. Во всяком случае, до тех пор, пока не прояснится ситуация с твоим отцом. Он, надеюсь, к тому времени уже будет вне опасности, и мы вернемся вместе.

— Нет, Эдди. Ты должен уехать сегодня. Прямо сейчас. Я... тоже хочу, чтобы ты остался, но лучше тебе этого не делать. Папа очень плох, может быть, умирает, и если ты останешься, это будет выглядеть неприлично.

— Ну... мы могли бы... вести себя прилично.

— Но не стали бы. Это как если бы... порох и огонь оказались рядом и пытались вести себя прилично.

Я прекрасно понимал, что Рита права, однако продолжал спорить. Она наклонилась через стол и приложила палец к моим губам:

— Будь хорошим мальчиком и возвращайся, Эдди. И если ты это сделаешь, обещаю, что вернусь в цирк. Как можно скорее. И тогда... мы с тобой развлечемся, Эдди.

Я отвел палец Риты от своих губ и поцеловал ее теплую и влажную ладонь.

— Ладно, — кивнул я.

Мы отправились на вокзал. Поезд на Саут-Бенд отходил всего через несколько минут. У железных ворот перед путями я поцеловал Риту. Я целовал ее в третий раз, и это был наш лучший поцелуй. Затем, все еще обнимая меня, она слегка отклонилась назад и воскликнула:

— Черт бы тебя побрал, Эдди! Разве нужно ради тебя отказываться от миллиона баксов?

— Попробую примирить тебя с этой потерей.

— Уж постарайся. До свидания, Эдди...

Видимо, я забыл стереть след от губной помады. Я заметил это в зеркале, когда через несколько часов приводил себя в порядок в туалете, прежде чем сойти с поезда в Саут-Бенде. Помимо помады, у меня на лице застыла глупая, бессмысленная улыбка.

Неужели это было у меня на лице всю дорогу из Индианаполиса?

Глава шестая

Ночью в воскресенье, когда схлынул народ, мы свернули шатры. Около четырех утра двинулись в путь и на рассвете прибыли в Форт-Уэйн. Как и всегда при коротких переездах, мы с дядей Эмом ехали на грузовике.

Открытие цирка должно было состояться только вечером, но мы решили сразу все оборудовать, чтобы днем иметь возможность хорошенько выспаться. К тому моменту, как мы, падая с ног от усталости, разлеглись на койках, ярко светило солнце.

Вечером в понедельник дела шли хорошо. Именно тогда произошло второе убийство, если это можно так назвать. В том смысле, что жертвой стал не человек, а обезьяна Хоуги, Сьюзи.

В два часа ночи, примерно через час после закрытия цирка, мы с дядей Эмом, Эстель Бек и лилипутом Майором Моутом собрались в фургоне Ли Кэри. Просидели там около получаса. Мы с Кэри слушали пластинки, но завязалась такая оживленная беседа, что мы тоже включились в разговор. Кэри достал бутылку виски, и каждый пропустил по стаканчику, но никто не напился. Сам я пил очень медленно, потягивая первую порцию, чтобы не пришлось отказываться от второй.

Дядя Эм и Кэри затеяли спор о политике. Насколько я мог судить, Кэри поддерживал нынешнюю политику, а дядя Эм — нет. Вообще-то это был дурацкий спор. Пока Кэри говорил, он тренировал пальмирование⁴ карты с помощью монеты в пятьдесят центов. Монетка блестела, появляясь на кончиках его пальцев и исчезая, когда Кэри поворачивал ладонь то вверх, то вниз. Кажется, он даже не замечал, что делает.

Я слушал их с интересом. Эстель было скучно. Майор мрачно сидел на краю койки, словно огромная кукла. В дверях появилась Мардж.

— Сьюзи ушла, — сообщила она.

— Черт возьми! — воскликнул Ли Кэри. — Выбралась?

Я понял ее слова иначе, подумал, что Мардж говорит о смерти обезьяны. Этого ждали со дня на день, и мне казалось, что тяжелобольное животное уже не в состоянии двигаться. Когда я видел Сьюзи последний раз, она с трудом могла пошевелиться, лежала, словно комок обезьяньего меха, едва дыша. Трудно представить, что Сьюзи могла сбежать, даже если бы дверь клетки оставили открытой.

Но Мардж кивнула в ответ на вопрос Кэри и пояснила:

— В десять часов, когда Хоуги вернулся из Милуоки, она была на месте. Мы с ним отправились в город выпить. А когда несколько минут назад вернулись...

— А где Хоуги? — спросил дядюшка Эм.

— Разыскивает ее. Сейчас пошел в шатер шоу уродов. Мы увидели у вас свет и...

— Ну конечно, — произнес Кэри, — мы вам поможем. Может, сначала выпьешь, Мардж?

— Спасибо, Ли, но я уже и так перебрала.

Она повернулась и вышла из фургона, мы все последовали за ней. Все, кроме Майора Моута. Я бросил на него взгляд, когда шел к двери вслед за дядей Эмом. Лилипут по-прежнему неподвижно сидел на краю койки, но теперь он как-то съежился, словно пытался занимать еще меньше места. Он поднял голову, когда я остановился на пороге, и я увидел, что он чего-то боится, боится до ужаса.

— В чем дело, Майор? — спросил я. — Ты не с нами?

Он ничего не ответил. Казалось, его глаза не видят меня. Я замер, не зная, как поступить: идти со всеми или остаться и выяснить, что так напугало лилипута. Но меня позвал дядя Эм:

— Эд, ты где?

И я вышел, закрыв за собой дверь. Спускаясь по ступенькам, я услышал топот лилипута по полу фургона. Затем хлопнула внутренняя дверь фургона и раздался щелчок. Майор заперся изнутри на задвижку. Дядя Эм обернулся и бросил взгляд на закрытую дверь. Видимо, он тоже услышал щелчок запора.

— Что это с малышом? — заинтересовался он.

⁴ Скрытое утверждение украденной из игры карты в ладони.

— Перепугался до смерти, — произнес я. Кэри тоже это услышал, остановился и оглянулся. — Ли, сколько он выпил?

— Две порции, — удивленно промолвил Кэри. — Всего две.

— Ну, он маленький. Для него и двух порций достаточно.

Кэри покачал головой:

— Нет, я видел, как он пил по семь-восемь, и ничего. — Он пожал плечами. — К черту его! Будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала найдем обезьянку.

Эстель и Мардж уже нырнули под полотняную стенку большого шатра шоу уродов. Я видел, что Хоуги — или кто-то еще — включил там свет. Когда полчаса назад проходили мимо шатра к фургону Ли, свет не горел. Вслед за женщинами мы вошли в шатер. Внутри нам навстречу шел Хоуги. У него за спиной маячил, натягивая штаны, один из рабочих, Папаша Дженни. До нашего прихода он спал на одном из помостов. Хоуги держал в руке фонарик.

— Здесь ее нет, — сообщил он. — Я посмотрел за занавесами и под всеми сценами. Она бы куда-нибудь туда забралась.

— Как обезьяна вылезла из клетки? — спросил дядя Эм.

— Сломала задвижку. Черт подери, я и не думал, что у нее хватит сил.

— А должен был об этом подумать! — воскликнула Мардж. — Сам все время говорил мне, какие шимпанзе сильные. А потом ты...

— Успокойся, Мардж! — перебил дядя Эм. — Позднее задашь ему трепку, давайте сначала найдем обезьяну. Хоуги, как думаешь, далеко она могла уйти?

— Нет. Она куда-нибудь заползла. Больные животные так делают. Давайте поделимся и...

— Сьюзи могла пойти в сторону леса, — предположила Мардж.

Судя по всему, дядя Эм сразу оказался в роли главного.

— Давайте как-то организуемся для поиска, — сказал он. — Конечно, обезьяна могла уйти в лес, но мы не найдем ее там в темноте. Если она добралась до леса, то могла просто залезть на дерево и... В общем, до рассвета придется забыть про лес. Наверняка Сьюзи еще здесь, на площадке. Она очень плоха, Хоуги?

— Я уезжал, меня здесь два дня не было, — ответил он. — Но когда я видел ее в последний раз, она даже сесть не могла, не то что ходить. Перед отъездом я даже собирался избавить Сьюзи от мучений с помощью хлороформа, но Мардж...

— Разве я была не права? — возразила Мардж. — А сегодня она все-таки села и немного поела. Два банана, не считая той смеси, которую ты приготовил.

— Ладно, — произнес дядя Эм, — значит, далеко она уйти не могла. Ставлю десять к одному, что обезьяна еще на площадке. Так что...

Он поделил площадку на семь квадратов — вместе с Папашей Дженни, который оделся и присоединился к нам, нас было семеро.

— Прежде всего возьмите фонарики, — велел дядя Эм, — и осмотрите выделенную вам территорию. Встречаемся возле моего киоска через полчаса. Заглядывайте под вещи, туда, где Сьюзи могла спрятаться. И поверху не забывайте смотреть. Ей могло прийти в голову куда-нибудь залезть.

Мы начали расходиться, но дядя Эм подозвал Хоуги, и я решил задержаться.

— Хоуги, — сказал он, — вызови ты копов.

— Копов? — Хоуги выглядел так, словно решил, будто дядя Эм спятил.

— Вот именно, копов. Не будь ослом, Хоуги. Ты обезопасишь и себя, и цирк, да и обезьяну тоже. Ты ведь не хочешь, чтобы ее пристрелили, если она выберется за пределы цирка и коп увидит ее первым?

— Черт возьми, нет! Если Сьюзи настолько здорова, что смогла сбежать...

— В общем, позвони в полицию. Скажи, что обезьяна больна, она ручная и не представляет опасности, и если им кто сообщит об обезьяне на свободе, пусть позвонят тебе, вместо того чтобы психовать и расходовать свинец. Есть и другая причина. Если Сьюзи не так больна, как ты думаешь, и нанесет какой-нибудь вред, тогда...

— Черт возьми, Эм! Да она смирная, как котенок.

— Хорошо, она смирная. Но собственность попортить вполне может или случайно кого-нибудь до смерти напугает. Тебе же будет гораздо лучше, если ты сразу заявишь о ее исчезновении.

Хоуги вздохнул. Было ясно, что ему не понравилась идея о необходимости звонить копам.

— Наверное, ты прав, Эм, — произнес он. — Но Мори нет на месте, а я не могу вламываться в фургон администрации, чтобы воспользоваться телефоном. К тому же я хочу остаться на площадке на случай, если кто-нибудь найдет Сьюзи, потому что я лучше знаю, как с ней обращаться. Давай ты позвонишь?

— Я могу позвонить, — предложил я.

— Можешь, Эд? — обрадовался Хоуги. — Слушай, в такое позднее время тебе придется где-то искать телефон, так что возьми мою машину. Вот ключи.

Я взял ключи.

— Тогда забудь про территорию, которую я тебе выделил, Эд, — сказал Эм. — Придется прервать игру в рамми в шатре для азартных игр и позвать еще людей.

Я сел в автомобиль Хоуги и направился в сторону города. Найдя открытое заведение, остановился и позвонил в полицию. Парень, дежуривший на телефоне в полицейском участке, оказался туповат. Поначалу он сильно занервничал. Видимо, спутал шимпанзе с гориллой и решил, что по ни о чем не подозревающему городку Форт-Уэйн бегают Гаргантюа или Кинг-Конг.

Наконец я все объяснил ему, и он успокоился. Пообещал уведомить людей из добровольческого резерва в нашей части города, когда те позвонят из автоматов. Он хотел послать на площадку пару машин, но я его отговорил.

Когда я вернулся в цирк, поиски шли полным ходом. Кто-то включил фонари вдоль аллеи, и в большинстве шатров тоже горел свет. Казалось, поисковая группа поминутно растет, поскольку к искившим постоянно кто-то подключался.

Я побродил по площадке несколько минут в поисках дяди Эма, но не мог вспомнить, какую часть площадки он выделил себе. Его нигде не было. Я заглянул в лимонадный киоск, думая, что его наверняка забыли обыскать, а потом сел на стойку и принялся размышлять в надежде, что мне в голову придут какие-нибудь гениальные идеи. Одна из таких идей вроде уже начала оформляться, когда ко мне подошла Эстель. Махнув рукой, она сказала:

— Привет, Эдди.

— Не повезло?

— В шатре шоу девочек и в палатке для переодевания шимпанзе нет. Это был мой участок для поиска. Но я рада, что ее там не оказалось. Мне и так страшно.

— Такая большая девочка боится маленькой обезьянки?

— Если бы ты был со мной, Эдди, я бы не боялась. Слушай, а какого Сьюзи роста? Ты ее когда-нибудь видел?

— Пару раз видел. Мне как раз пришла в голову мысль, где ее искать. Хочешь пойти со мной?

Я прыгнул со стойки, и мы вместе зашагали по аллее.

— Где ты собрался ее искать, Эдди? Что ты придумал?

— Голову даю на отсечение, что никто это место не обыскивал. Фургон Хоуги. Готов поспорить, что когда Хоуги обнаружил исчезновение обезьяны, он сразу бросился искать, забыв проверить собственные шкафы, под койками и так далее. Может, Сьюзи заползла куда-нибудь прямо в фургоне.

— Боже мой, у тебя еще и мозги есть!

Мы свернули с аллеи и двинулись между шатрами к фургону Хоуги. Там было темно. Шли мы медленно, стараясь не споткнуться о веревки и торчавшие из земли колышки, я крепко держал Эстель за руку, а она прижималась ко мне. И только когда мы наконец почти добрались до фургона, я вспомнил, что у Эстель есть фонарик. Она включила его. При этом, кажется, усмехнулась, но может, мне так показалось. Возле входа в фургон я протянул руку и повернул ручку двери-гармошки. Дверь открылась, но что-то в этом было странное. В том смысле, что дверь начала открываться прежде, чем я повернул ручку, которая оказалась расшатанной. Взяв у Эстель фонарик, я осмотрел ручку и щеколду. Щеколда была сломана.

— Вот черт! — воскликнул я. — Все-таки я ошибся, Эстель. Обезьяна действительно выбралась из фургона.

Я заметил, что щеколда была хлипкой. Чтобы сломать ее, не требовалось много сил. Была ли щеколда на двери самодельной клетки Хоуги такой же хилой?

Мы вошли в фургон и включили свет. Я сразу направился в конец фургона, где содержалась обезьянка. Там все еще царил полумрак. Хоуги прикрыл лампочку с одной стороны, чтобы яркий свет не беспокоил Сьюзи. Посветив фонариком, я изучил, как запирается клетка.

С внешней стороны двери на металлическое ушко накидывалась петля, куда вставлялся висячий замок. Ни сама конструкция, ни висячий замок не были сломаны, но болты были выдавлены из дерева. Болтов было три, два из них, совсем расшатанные, все еще торчали из петли, а один и вовсе вывалился. Это были болты длиной пять восьмых дюйма, и дерево, в которое они были вкручены, выглядело достаточно прочным. Не знаю, какое дерево, но, по крайней мере, не сосна.

Чтобы таким образом выбить болты, следовало приложить немалые усилия. Человеку это не под силу, я не сомневался. Страшновато было осознавать, какой силищей обладают шимпанзе. И знать, что теперь обезьяна где-то на свободе, неважно, ручная она или нет.

Эстель прижалась ко мне. Я чувствовал ее дыхание на своей шее.

— Нашел что-нибудь, Эдди? — спросила она.

Я покачал головой и снова осмотрел клетку снаружи, потом открыл дверь и просунул туда голову. Клетка содержалась в чистоте. На полу лежала свежая солома. Единственным мусором была кожа от двух бананов, о которых упомянула Мардж.

Клетка... Может, я неправильно называю ее так. Это была не совсем клетка, а скорее решетчатая ширма из дощечек один дюйм толщиной и три в ширину, прибитая к полу и потолку фургона, за которой оставалось пространство три фута до конца фургона. Площадь пола была примерно три на семь футов. Тесновато, но ведь Хоуги говорил, что не планирует подолгу держать обезьяну взаперти, когда приступит к настоящей дрессировке, разве что по ночам.

Рассматривая место за дверью, я заметил кое-что, от чего мне полегчало. Чтобы выкрутить шурупы из замка, вовсе не требовалась сверхчеловеческая сила. Достаточно встать внутри клетки, упереться спиной в стену и толкнуть дверь ногами. Это сможет сделать любой нормальный человек, даже крепкий ребенок ростом со Сьюзи справился бы, если бы ему хватило ума таким образом использовать ноги. Что касается обезьяны, то для нее пользоваться задними лапами так же естественно, как и передними.

Я обернулся, услышав, как кто-то открывает дверь-гармошку. Это был Хоуги.

— Здорово, детки, — сказал он. — Вижу, вам пришла в голову та же мысль, что и мне. Вы уже все осмотрели?

— У меня была одна идея, Хоуги, но теперь я вижу, что Сьюзи все-таки выбралась. Вылезла из фургона. Замок на двери сломан.

— Конечно, вот почему я и не стал искать ее тут. Но... может, она вернулась? Выскочила наружу, увидела что-нибудь, что ее напугало, или просто испугалась незнакомой обстановки и вернулась обратно. Давайте удостоверимся.

Мы помогли ему осмотреть все шкафы в кухне и чулан, заглянули под мебель. Но Сьюзи так и не нашли. Хоуги предложил нам выпить, Эстель не отказалась, так что и мне тоже пришлось согласиться. Пока Хоуги наливал, я вышел на улицу с фонариком и двинулся вокруг фургона, заглянул под него и даже осмотрел крышу.

Мы выпили, и я вспомнил, что нужно вернуть Хоуги ключи от машины. Я показал ему, как, по моему мнению, Сьюзи удалось открыть дверь клетки. Он кивнул и сказал:

— Она оказалась умнее меня. Я до этого не додумался. После того как поставил замок, я пытался вытащить его снаружи, но у меня не хватило сил. — Хоуги пожал плечами. — Что ж, полчаса давно прошло. Пойдемте встретимся с Эмом и остальными.

Возле киоска собрались те семеро, кто начинал поиски, и еще как минимум человек двенадцать. Никто не нашел никаких следов Сьюзи. Мы снова разошлись и возобновили поиски, но по-прежнему безрезультатно.

В три часа ночи Хоуги выдвинул предположение, что обезьяна все-таки ушла в лес. Через пару часов начнет светать, поэтому он вообще не станет ложиться спать. Мы с дядей Эмом тоже решили не ложиться. С нами остался Ли Кэри. Эстель начала зевать, и Хоуги и Мардж отвезли ее в отель в городе.

Мы с дядей Эмом и Кэри вернулись к фургону Кэри. Дверь по-прежнему была заперта изнутри. Кэри постучал, затем крикнул, но никто не отозвался, даже когда мы стали колотить по ней со всей силы. Внутри горел свет, но через дверное окошко мы не могли разглядеть лилипута.

Я обошел вокруг фургона и через окно в другом его конце увидел, что он лежит на полу возле койки. Он лежал на спине, вытянув маленькие руки вдоль тела. У меня перехватило дыхание, на секунду я решил, будто лилипут мертв, но потом заметил, как он слегка двинул головой, будто пытался подняться, но не мог.

Я вернулся и сообщил об этом Кэри.

— Вот чертов придурок, — прошипел он. — Что ж... придется...

Фургон принадлежал Кэри, поэтому мы не стали возражать, когда он предложил выломать дверь.

Внутри пахло, как на винном заводе. На полу валялась опрокинутая бутылка виски, большая часть которого вылилась. Мы обогнули лужу, и дядя Эм склонился над Майором. Ли распахнул окна, все они были закрыты изнутри на шпингалет.

— Он просто в стельку пьян, — сказал дядя Эм и, подняв Майора с пола, положил его на койку.

— Что-то его напугало, — заметил я.

В бутылке еще оставалось немного виски, и мы поделили его между собой, а вскоре Кэри достал колоду карт, по его словам не крапленых, и мы играли в рамми по пять центов с игрока, ожидая возвращения Хоуги и Мардж. Даже если карты и действительно были чистые, Кэри все равно выиграл по баксу с каждого из нас. Помнится, сдавать он отказался.

— Ни за что, — заявил он. — При ставке в пять центов с игрока я начну еще как жульничать, просто чтобы развлечься. Если бы игра шла на реальные деньги, тогда я, может, играл бы честно.

Дядя Эм широко улыбнулся:

— Разве что играл бы с каким-нибудь простофилей.

— Это не считается игрой.

Уже светало, когда появились Хоуги и Мардж. Мардж, немного протрезвев, выглядела лучше, но у Хоуги глаза налились кровью. Я вспомнил, что он ездил в Милуоки, чтобы подготовить для цирка следующую площадку, а потом возвращался обратно. В отличие от всех остальных, вчера он, похоже, и вовсе не отдыхал. Не спал все те сорок восемь часов, что прошли с момента отъезда цирка из Саут-Бенда.

Мы подождали, пока немного рассветет, и вчетвером отправились осматривать несколько акров лесистой местности. Не слишком густой лес с невысокими деревьями, кроны которых легко просматривались, мы прочесали за два часа и были уверены, что Сьюзи там нет. К тому времени всех потянуло в сон, но еще больше хотелось есть, а столовка пока не открылась, и Хоуги отвез нас в ресторан, где мы позавтракали. Я снова позвонил в полицию и узнал, что пока сообщений о бродячей обезьяне к ним не поступало.

Мы вернулись на территорию цирка — оказалось, что и там новостей нет, а больше, судя по всему, мы ничего не могли сделать.

— Похоже, она вышла за пределы площадки, но не в лес, — сказал Хоуги. — Забралась в чей-нибудь гараж или куда-нибудь еще и, вероятно, испустила там дух. Но, черт возьми, мы же не можем обыскать весь город. Придется ждать каких-нибудь известий. В любом случае огромное вам всем спасибо.

— Теперь, при свете дня, — произнес дядя Эм, — может, нам опять осмотреть площадку? Мы наверняка что-нибудь пропустили, не разглядели в темноте.

— Мы сделали более чем достаточно, — возразил Хоуги. — Давайте лучше немного поспим.

— Ее не может быть на площадке, — сказал Кэри. Он заблуждался, но узнали мы об этом только днем.

Все стали потихоньку расходиться, и я отправился к нам в палатку. Дядя Эм подошел через несколько минут. Сил на разговоры не было, мы слишком устали. Дядя Эм уснул, как только коснулся головой подушки, а я немного повернулся в постели. Не мог заснуть от усталости.

В голове вертелись разные мысли. Что же случилось со Сьюзи? В памяти всплыла старая шутка о слабоумном парне, который сумел отыскать пропавшую лошадь, потому что вообразил себя

лошадью и представил, куда бы сам пошел. Я попробовал сделать то же самое, но у меня ничего не получилось. Как ни пытался, не мог вообразить себя шимпанзе.

Потом мои мысли перескочили на Майора Моута. Интересно, чего он так перепугался? Может, он знает что-то, что приводит его в ужас? Он ведь лилипут, а одного лилипута уже убили на нашей территории десять дней назад. И Майор Моут испугался. А мы, черт возьми, ушли и оставили его одного. Хороши помощники! Он валялся без сознания в открытом настежь фургоне, пока мы прочесывали лес и завтракали. Но Кэри, видимо, убедился, что с ним все нормально, когда вернулся к себе, иначе мы бы уже услышали об этом. Мысли вертелись по кругу, а потом я подумал о Рите и о том, как скоро она вернется из Индианаполиса. Может, сегодня!

Вскоре я заснул.

Наши поиски оказались напрасной тратой времени, поскольку Сьюзи обнаружил один из посетителей. Он нашел ее на площадке в разгар работы цирка. Тело Сьюзи плавало в воде, она была мертва.

Она плавала в бассейне, где Хило Питерсон, Непобедимый Неустрашимый Неукротимый Ныряльщик (по словам дяди Эма, это хороший пример удачной аллитерации), раз за вечер бесплатно выполняет свой трюк.

Посетитель заметил Сьюзи с колеса обозрения; вернее, он заметил, как в бассейне в конце аллеи что-то дрейфует. С такого расстояния он не мог разглядеть, что именно. Но сойдя с колеса, он двинулся к бассейну, поднялся по пандусу к краю бассейна и заглянул в воду. Вот так и обнаружили Сьюзи.

Новость об этом мгновенно облетела цирк и дошла до нас с дядей Эмом, когда мы работали в киоске возле входа. Мы сразу закрыли киоск и отправились к бассейну.

К этому времени Сьюзи уже вытащили из воды и завернули в кусок парусины, чтобы унести подальше от бассейна. Кто-то сообщил об этом Хоуги, и он находился там. Вокруг бассейна собралась такая толпа, что мы даже не стали пытаться протолкнуться сквозь нее. Дядя Эм сказал, что будет лучше, если мы вернемся в киоск и займемся своими делами.

Но когда во время ужина народ схлынул, мы снова закрылись и пошли к бассейну. Из него как раз спускали воду. Руководил процессом Мори. Он выглядел очень недовольным.

— Изображает примадонну! — пробурчал он. — Говорит, что не станет нырять в воду, в которой весь день плавала дохлая обезьяна. Приходится по новой наполнять для него бассейн.

Дядя Эм усмехнулся:

— А ты бы стал, Мори?

— Мне и так хватает ума не прыгать с вышки в бассейн глубиной четыре фута. Если бы я был настолько тупым, чтобы это делать, вряд ли бы меня беспокоило, что вода слегка отдает обезьяной.

Я поднялся по пандусу и заглянул в бассейн. Легко можно было понять, как это случилось. Высота самого бассейна была шесть с половиной футов, значит, даже при высоком росте человек не смог бы увидеть поверхность воды. Вот почему никто не обнаружил Сьюзи до тех пор, пока посетитель не увидел ее с колеса обозрения. В бассейне было заявлено четыре фута воды, на самом деле ее там было больше дюймов на шесть, таким образом вода доходила до отметки в два фута ниже края бассейна.

Я представил картину случившегося. Сьюзи сбежала после часа ночи, и в этом конце аллеи было темно. Видимо, она захотела пить и, почуяв воду, забралась вверх по пандусу. Наклонилась через край, чтобы попить, но, будучи больной и ослабшей, не удержалась и упала в воду.

Когда я спустился по пандусу, Мори сказал:

— Кстати, Эд, там в офисе для тебя письмо.

— Пойди заberi, парень, — попросил дядя Эм. — Встретимся у Хоуги.

Глава седьмая

Я забрал письмо. В конверте оказалась короткая записка, написанная Ритой на бумаге отеля и отправленная из Индианаполиса.

Дорогой Эд!

Папе не стало лучше, ему хуже. Не знаю, когда вернусь. Но ты жди меня, Эдди. Ты понимаешь, о чем я.

Рита

Я побрел к фургону Хоуги, но внутрь заходить не стал, просто позвал дядю Эма. Когда он вышел, я показал ему письмо:

— Хочу ей позвонить, дядя Эм. Может...

Он положил руку мне на плечо:

— Хорошо, парень. Дать тебе денег на случай, если решишь ехать?

Я покачал головой:

— У меня осталось почти все, что ты дал мне в прошлый раз, я ведь тогда не стал задерживаться. Более восьмидесяти баксов. Достаточно... если вздумаю ехать.

— Мардж хочет, чтобы мы с ними пообедали, — сказал он. — Говорит, у них много чего наготовлено, и она уже накрыла стол. Может, сначала поешь, а потом позвонишь?

— Нет, ты иди, обедай с ними. А я... сначала позвоню, чтобы уже не думать об этом. Потом где-нибудь поем. Как Хоуги себя чувствует?

— Неплохо. Наверное, даже лучше, что вся эта история с обезьяной закончилась. Ладно, увидимся позднее. Или как?

Я заверил, что не поеду в Индианаполис, не предупредив его заранее, тем более что мне все равно придется зайти в палатку, чтобы взять вещи.

Я поехал в город на автобусе и позвонил в отель Риты из телефонной будки. Ее не было. Я пообедал и снова позвонил. На сей раз она подошла к телефону.

— Слушай, Рита, — произнес я, — не возражаешь, если я приеду? Может, чем-нибудь помогу?

Я не знал, чем мог бы помочь в такой ситуации, и когда предложил свою помощь, тут же подумал, что это глупо.

— Прошу тебя, Эдди, не надо. Я ведь объяснила, почему. Ты ничем не сможешь.

— Как он? — спросил я. — Есть какие-нибудь изменения с тех пор, как ты написала?

— Пока... ничего не ясно. Доктор говорит, что у отца сейчас кризис. Либо через день-два ему станет лучше, либо нет. И... я вернусь в цирк. Но ты не приезжай, жди меня.

— Ладно. Но мне очень жаль, что я не могу ничего сделать.

— Ты уже делаешь, Эдди. Ты меня ждешь. Я вернусь. Честное слово.

— Хорошо.

— Я терпеть не могу цирк, но вернусь, потому что там ты. И... у меня насчет нас с тобой есть кое-какая идея...

— У меня тоже, — промолвил я.

— Я не о том, дурачок. Ну, о том тоже. Я имела в виду кое-что, что принесет нам деньги. Честно заработанные деньги.

— Видимо, существуют честные способы заработать деньги, — заметил я. — В чем заключается твоя идея?

— Я тебе потом скажу. Не сейчас. Ты меня любишь, Эдди?

— Немного.

— Значит, я тоже тебя немного люблю. И черт бы тебя побрал, держись подальше от Эстель, а не то я ей глаза выцарапаю!

— Да я к ней даже десятифутовым шестом не притронусь.

— Не говори глупостей, Эдди. Ладно, пока.

— Пока, Рита.

Я почувствовал такое воодушевление, что решил наплевать на автобусы и поехал обратно в цирк на такси.

Когда ближе к ночи мы закрыли киоск, дядя Эм не пошел, как обычно, в шатер азартных игр. Мы вместе вернулись в нашу палатку и уселись каждый на свою койку. Я не знал, чем заняться. Почитать книгу? Мне было слишком хорошо, чтобы читать. Музыка, конечно, не помешала бы, но играть самому не хотелось, а опять слушать пластинки у Ли Кэри было неловко — в последнее время слишком уж часто я его беспокоил.

— Как тромбон, парень? — спросил дядя Эм. — Давненько ты не играл.

— Скоро снова начну практиковаться, — ответил я. — Может, завтра.

— А сегодня чем думаешь заняться?

— Наверное, ничем.

— Спать охота?

— Нет.

— Парень, ты совсем помешался на этой блондиночке? По уши втрескался? С концами? — усмехнулся дядя Эм.

— Наверное, — вздохнул я.

— А она тоже сходит по тебе с ума?

— Да, если только ее не мои деньги интересуют.

— Скоро она возвращается?

Я рассказал ему, о чем мы говорили с Ритой по телефону.

— Видимо, вы запали друг на друга, — заметил дядя Эм.

— Это плохо?

— Парень, это твоя жизнь. Я не собираюсь лезть к тебе с советами. По крайней мере, в серьезных вопросах. Я вообще не люблю навязываться.

— Вне зависимости от того, что я решу?

— Эд, если ты пожелаешь заняться грабежом, я куплю тебе отмычку. Это твоя жизнь. Но как насчет сегодня? Есть какие-нибудь предпочтения?

— Да.

— Тогда приоденься. Давай поедem в город. Я так давно не бывал на представлениях среди публики в клубе. Хочу посмотреть, такие ли они банальные, какими были раньше. Ты со мной?

— Разумеется! — воскликнул я.

— Черт подери, парень, что тебя гложет? — спросил дядя Эм.

Мы сидели то ли в придорожной закусочной, то ли в ночном клубе за пределами Форт-Уэйна. Не знаю точно, как назвать это заведение. Место было неплохое. В воздухе плотным облаком висел дым, а оркестр играл так громко, что нам приходилось орать, а напрягаться не хотелось.

— Ничего! — крикнул я через стол. — Со мной все в порядке.

— Да уж вижу, — с усмешкой сказал дядя Эм. — Вход в этот разбойничий притон стоит три бакса, а ты развлекаешься не больше чем на три цента. Нас обдирают.

Я посмотрел на маленький танцпол, потом перевел взгляд на дядю Эма.

— Танцевать будем? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Но через минуту, после этого номера, начнется шоу в толпе. Готовься. Хватит всхлипывать в бутылку. Это хорошее пиво.

— Пиво хорошее, — согласился я, — но я не люблю пиво. Знаешь, на что оно похоже по вкусу?

Дядя Эм сказал, что ему это неинтересно, но я все равно объяснил. Он ответил, что мне надо вымыть этим рот, и я сделал еще глоток, чтобы порадовать его.

Началось шоу, и оно оказалось примерно таким, каким я и представлял. Разодетый в пух и прах ведущий в роскошном костюме травил неприличные анекдоты, которые посетители встречали громкими аплодисментами. Бог знает, почему. Анекдоты не отличались остроумием и были совсем не смешными. Еще в шоу выступали певец в жанре блюз, фокусник, не такой ловкий, как Ли Кэри, но более велеречивый, чечеточник и стриптизерша.

Я сделал вид, будто мне нравится, чтобы дядя Эм наконец перестал обо мне беспокоиться. Когда шоу закончилось и снова начались танцы, дядя Эм попросил счет. Вышло девять с половиной баксов: мы съели по клубному сэндвичу, он выпил две бутылки пива, а я одну.

Дядя Эм заметил мой взгляд, и его глаза заблестели:

— А ты думал, цирк — это обдираловка? Парень, у нас клиент получает то, за что платит. Это мы такие простаки, нам бы поучиться у подобных заведений.

Он заплатил по счету, мы вышли и сели в стоявшее у входа такси.

— Тут где-нибудь играют в рулетку? — обратился дядя к водителю.

— Ну... — Тот сдвинул кепку на затылок и, обернувшись, изучающе посмотрел на нас.

— Мы из цирка шапито, — пояснил дядя.

— А-а. Могу отвезти вас в клуб «Шестьдесят».

— Расслабься, парень, — сказал мне дядя Эм. — Это в другом конце города. Любое место, куда тебя везет таксист, находится на другом конце города. Даже если он знает точку через квартал отсюда, он все равно повезет нас в клуб «Шестьдесят».

— Ну да, — кивнул я, думал о заведении, из которого мы только что вышли. — Откуда, черт возьми, у людей столько денег, чтобы так ими швыряться?

Дядя Эм пожал плечами:

— Подрабатывают стиркой на дому. Но что такое деньги? Иногда бывает так, что купюра достоинством в один доллар кажется больше, чем ковер размером девять на двенадцать. Но если у тебя есть деньги и будет еще больше, зачем их хранить?

— На старость.

— Если будешь много тратить, старость и вовсе не наступит. Как тебе стриптизерша?

— Ничего, — ответил я. Я не стал говорить, что каждый раз, когда я смотрел на нее, думал о Рите.

Дядя усмехнулся:

— Что-то не слышу энтузиазма. Скажи-ка, о чем ты хочешь поговорить?

В его голосе явственно звучала насмешка, но в то же время и тревожные нотки. Мне стало неловко. Почему я веду себя как зануда? Только потому, что Рита еще не вернулась? Черт возьми, да разве мне не повезло в тысячу раз больше, чем я смел надеяться? Ведь когда-нибудь она вернется.

— Наверное, это глупо, — признал я, пытаюсь быстро предложить тему для беседы. — Интересно, как дела у копа Вайсса? Он забросил расследование?

— Он еще объявится. Мы его увидим. Готов поспорить, мы увидим его не далее как завтра.

— Почему завтра?

— Сюзи.

— Чего? — удивился я. — Какое отношение утонувшая обезьяна имеет к убийству?

— Может, и никакого. Но ты не думай, что полицейские из Форт-Уэйна не присматривают за площадкой, и не считай, будто они не держат связь с парнями из Эвансвилла, то бишь с копом Вайссом. Он занят тем, что копается в версиях по поводу мертвого лилипута — как его имя?

— Лон Стаффолд.

— Верно. Эх, парень, мне бы твою память на мелочи. Ну, я на что хочешь поспорю, что Вайсс пока не ухватился ни за что, что могло бы привести его в цирк, иначе он бы давно вернулся — с каллиопой и шестью автоматами. Слушай, а ты держишь ухо остро?

— Ты о чем?

— Как просил Вайсс. Тебе есть что ему рассказать?

— Нет.

Дядя повернулся и посмотрел на меня:

— Ни к чему говорить об этом с таким отвращением. Что с тобой?

— Просто мне это не нравится. Лучше бы он ко мне не приставал. Слишком уж это напоминает стукачество.

Дядя Эм молчал, пока мы ехали пару кварталов. Свет и тень скользили друг за другом по салону автомобиля.

Потом он сказал:

— Парень, ты неправильно все понял. Может, это я виноват. Мы, циркачи, не любим копов, но речь идет о закрытии киосков и прочих мелочах. Мы не обязаны любить убийства. Мне-то они точно не нравятся.

Конечно, он был прав. Но я, видимо, пребывал в столь угрюмом настроении, что не мог не начать спорить:

— Тогда почему бы тебе самому не раскрыть преступление?

— Не собираюсь выполнять работу Вайсса за него. Но сообщить Вайссу то, что я знаю, — мое дело. Если бы я знал, кто пырнул лилипута ножом, я бы ему сказал. Если бы я знал хоть какие-то полезные факты, которые могли бы ему помочь, я бы обязательно ему рассказал. Это не игра в полицейских — и не стукачество. Не так ли?

— Наверное, — согласился я.

Такси остановилось возле обычной, но довольно модной на первый взгляд закусочной.

У стойки было мало народу. Стало ясно, что закусочная — только прикрытие, декорации. Лысый бармен не особенно пререкался с дядей Эмом. Кивком указал на дверь в задней части закусочной, которая вела в настоящее заведение.

Там столпилось много посетителей. Все были хорошо одеты, и половина из них — женщины. Сразу было видно, что у них водятся деньги. Я подумал: вот если бы к нам в цирк такие приходили... Здесь было два колеса для рулетки, вокруг одного стояли три человека, возле второго теснилось человек двенадцать. Я увидел полукруглый стол для блек-джека, стол для игры в кости и круглый стол для покера, за которым собралось семь-восемь игроков.

— Во что хочешь сыграть, Эд? — спросил дядя Эм.

Я ответил, что пока просто поброжу тут и понаблюдаю. Дядя направился к угловому столику, где человек с повязкой на глазу продавал фишки. Когда дядя вернулся, один из карманов у него раздулся, а в руке он держал столбик фишек. Там были три синие и примерно двадцать белых.

— Вот тридцать пять баксов на игру. Синие — это пятерки, а белые — баксы. Поиграй немного. Когда все проиграешь, найди меня. Я буду за покерным столом, если удастся отхватить местечко.

Некоторое время я наблюдал за игрой в кости, но там было столько народу, что я не стал делать ставки. Сыграл несколько партий в блек-джек, поставив по одной белой фишке. В первой партии я выиграл двадцать, во второй поставил шестнадцать и опять выиграл, потом получил пару девяток, удвоил ставку и выиграл снова. Таким образом я оказался на четыре фишки впереди и поступил так, как поступают все олухи, — поставил четыре бакса. У меня на руках оказались король и десятка, и я чувствовал себя довольно уверенно, пока кто-то не взял себе туза и не перевернул вторую карту, которая оказалась дамой.

В результате у меня осталось столько же, сколько было вначале, — тридцать пять баксов. Я побрел к рулетке, где было меньше посетителей, и увидел, что дяде Эму удалось сесть за покерный стол. Это было колесо с изображением американского орла и с тройным зеро помимо одинарного и двойного. Строго для олухов. Я ставил по одной фишке то на красное, то на черное, наблюдая, как играют другие. Толстяк в смокинге играл отчаянно: у него не было белых фишек, только синие и желтые. Он ставил не на номера, а на такие комбинации, как красное или черное, четное или нечетное, маленькое или большое. Женщина, которая его сопровождала, крашенная бывшая хористка в платье с открытой спиной и таким глубоким декольте, что оно едва прикрывало ее соски, действовала по-иному. У нее были белые фишки, но она ставила исключительно на аутсайдера, так что при каждой ставке как минимум полдюжины номеров на столе оказывались покрыты белыми чипами.

Я играл безо всякой цели, то так, то эдак, и в основном ставил на красное или черное. Вскоре я начал ставить по две белые фишки, потом по три, иногда по пять. Я выигрывал почти так же часто, как проигрывал, и мне стало скучно.

Очевидно, я просто не игрок по натуре. Я должен был получать удовольствие, но мне захотелось все бросить и пойти понаблюдать за дядей Эмом. Покер интересно смотреть, если ты на чьей-то стороне. В покере всегда есть драматизм, даже если ты просто зритель. Здесь можно опираться на собственные суждения, а не на слепую удачу или нечестное колесо.

Подумав о нечестной рулетке, я задумался о нулях. Ни один из них уже давно не выпадал. Я поставил по фишке на каждый из домашних номеров, на 0, 00 и 000. Они не выпали, но я попробовал еще раз.

По крайней мере, так я быстрее избавлялся от фишек, по три за раз. В течение следующих кругов я поставил по две фишки на каждый из нулей и за два круга потерял по шесть фишек. Потом я поставил три фишки на каждый из нулей, и выпало двойное зеро. Крупье положил стопку из двадцати одной синей фишки — сто пять баксов — на три белых, которые я ставил на двойное зеро. Я подобрал их и пропустил круг, изучая свой улов. У меня было сто тринадцать баксов. Я разделил их на две части — в одной сто, в другой тринадцать, — решив, что обналичу либо сотню, либо сто тридцать пять на четном числе. Я поставил десять баксов на черное и три на нечетное число, и шарик упал на четное число на красном.

Я направился к угловому столику и обналичил двадцать синих фишек, получив за них сто баксов, которые убрал в бумажник. Затем пошел посмотреть, как дядя Эм играет в покер. Почувствовав, что я стою у него за спиной, он поднял голову и обернулся.

— Уже все продул, Эд? — спросил он. — Еще дать?

Я покачал головой.

— Выиграл сотню, — сообщил я.

— Молодчина. Понаблюдай немного. Вот ставка стола.

Он вернулся к игре. Сдавал мужчина напротив. Это был пятикарточный стад. Перед дядей Эмом лежала пара сотен долларов, но я не понимал, что это означает, потому что не знал, сколько у него было, когда он начал играть. Наверное, сотня, то есть он основательно выиграл.

Дядя Эм прикрыл уголок нижней карты ладонью левой руки, а затем поднял достаточно высоко, чтобы я мог разглядеть ее. Это был бубновый валет. Затем он получил бубнового короля. Дождался ставки на пять долларов от игрока с тузом в комбинации, после чего игрок с семеркой — а может, и с парой семерок, — увеличил ставку еще на пять долларов. Третьей картой, которую он получил, оказалась девятка бубен. У него еще мог оказаться флеш или стрит или стрит-флеш.

У игрока напротив появилась вторая десятка, и он поставил двадцать. Дядя Эм остался за столом, как и игроки с тузом и с семеркой, но игрок с семеркой не стал снова увеличить ставку против пары десятков.

Четвертой картой дяди Эма стала тройка бубен, и он увеличил ставку в пятьдесят долларов еще на пятьдесят. Два других игрока сбросили карты, так что в игре остались только дядя Эм с флешем и его соперник с парой десятков.

Игрок с парой десятков получил какую-то незначительную карту, а дядя Эм — пиковый валет. Это разрушило его флеш, но составило пару его закрытой карте. Он побил десятки, но если у игрока было еще что-то, ему пришел бы конец.

— Делаю ставку, — сказал игрок с десятками. — Сотня. Сколько сможете покрыть.

Он положил пять желтых фишек в банк. Дядя Эм со вздохом пересчитал собственные фишки.

— Восемьдесят, — произнес он. — Уравниваю. Валеты.

Игрок с парой десятков перевернул тройку, соответствующую пятой карте дяди Эма.

Дядя Эм кивнул:

— Оставьте за мной место. Нужно взять подкрепление.

Я пошел вместе с ним к угловому столику. Он купил фишек на двести долларов, и я заметил, что у него в кошельке денег вообще не осталось.

— Не волнуйся, Эд, — сказал дядя Эм. — У меня в цирке еще припрятано. Мы не обанкротимся.

— Я не волнуюсь. Но слушай, может, это я приношу неудачу? Может, мне лучше отойти и не смотреть?

Дядя покачал головой:

— В покере удача не имеет значения, Эд. Главное, это расчет — и карты.

Я посмотрел еще пару партий, в которых дядя Эм рано сбросил карты. Потом он получил комбинацию с тузами, поставил все и проиграл противнику с тремя шестерками. Он встал и кивнул парню, ждавшему места.

— Малыш, дальше за все платишь ты, — улыбнулся он мне. — Купишь мне пива?

Я сказал: «Конечно», — достал бумажник и начал отсчитывать выигранную мной сотню, чтобы отдать ему. Дядя увидел, что я делаю, и остановил меня, но после небольшого спора я убедил его взять назад те тридцать пять баксов, которые он дал мне изначально.

Мы пошли в бар перед игорным залом и выпили еще пива.

Я прикидывал, сколько же он проиграл. Во второй раз купил фишек на двести долларов, в первый — на сто. В общем, триста. Дядя Эм угадал, о чем я думаю, и усмехнулся:

— Бог дал, Бог взял, Эд. Но ты меня беспокоишь. Игрок из тебя никакой: ушел, прежде чем сломать рулетку.

— Она выглядит довольно прочной, — ответил я.

— Что ж, я, похоже, тоже не игрок, иначе бы вернулся и проиграл эти тридцать пять баксов — или же отыграл то, что уже потерял.

— Почему же не идешь?

— А надо?

— Это твоя жизнь, я не стану давать тебе советы.

Дядя Эм рассмеялся и вернулся в игорный зал. Минут через десять, широко улыбаясь, он вышел и сказал:

— Иногда не удастся сберечь ни дайма.

Я заказал еще пива.

— Теперь, — произнес я, — когда ты выбросил игру из головы, вернемся к убийству. Я все равно не понимаю, почему ты считаешь, что смерть Сьюзи приведет сюда копа Вайсса. Как?

— Он узнает об этом от полиции Форт-Уэйна. И вернется. Просто на всякий случай.

— На случай чего?

Дядя Эм вздохнул и взболтал пиво в бокале:

— Эд, я ведь рассказывал тебе, что когда-то несколько лет работал в детективном агентстве.

— Помню.

— Мы не особо занимались убийствами, так что я про них мало знаю. Но если бы что-нибудь знал, то сказал бы, что существуют два вида убийств. Первый — когда копы ловят преступника с оружием в руке или в момент убийства, или злодей сам звонит в участок и говорит: «Я только что убил жену». Это один вид. А есть и второй.

— Какой?

— За это с тебя еще пиво.

Я сделал заказ.

— Второй вид встречается довольно редко, но случается. О таких убийствах обычно читаешь в романах. Наш случай относится как раз к этому типу. Это головоломка, которую должны разгадать копы. Единственный способ сделать это — раскопать факты, несколько миллионов незначительных на первый взгляд деталей, а затем попытаться отгадать, какие из них значительны, и выставить их так, чтобы прийти к началу.

— Хочешь сказать, к убийству?

— Да какая разница? Факты, которые они пытаются выстроить в схему, как правило, необычные. Именно это имел в виду Вайсс, когда попросил тебя держать ухо востро на случай, если произойдет что-нибудь необычное. Он ведь так выразился?

Я кивнул.

— Вайсс — неглупый человек, — продолжил дядя Эм. — И разве не странно, что шимпанзе утонула в бассейне? Много ты знаешь шимпанзе, которые утонули в бассейне?

— Нет, — признался я.

— Если точнее, то одну. Значит, это необычный случай. Что и требовалось доказать.

— Но как это связано с убийством лилипута?

Дядя Эм поставил стакан с пивом и начал возить им по столешнице, оставляя на ней маленькие мокрые круги. Наконец он промолвил:

— Как лилипут попал в цирк? Почему его убили? Кто и что от этого выиграл?

— Не знаю.

— Если не знаешь этого, как ты можешь установить связь между убийством лилипута и смертью больной шимпанзе? Но кое-что общее между двумя событиями все-таки существует. Первое — и то и другое произошло в цирке. Второе — оба события нельзя назвать обычными. Так почему бы им не иметь еще что-нибудь общее?

Я обдумал его слова.

— Вероятно, — кивнул я. — Но я все равно не понимаю, как их можно объединить.

— Нельзя, пока мы располагаем только этими сведениями. Нужны еще факты. Тогда появится схема. Но выяснять эти факты — работа Вайсса, а не наша. Что еще ты можешь рассказать Вайссу, если он захочет узнать, как тут идут дела?

Я закурил, обдумывая его вопрос.

— Ну... могу сообщить, как Майор Моут до смерти перепугался, услышав об исчезновении обезьяны, и заперся в фургоне.

— Молодец! А теперь скажи: почему это особенно интересно?

— Речь идет о лилипуте. Как и в случае с убийством.

— Мы еще сделаем из тебя детектива! Хочешь им стать?

Я всерьез задумался.

— Не знаю, — сказал я.

— Верный ответ. Но вернемся к Майору. Ты ведь видишь, что есть одно простое, очевидное объяснение, но оно может оказаться неправильным?

— Может, он просто боится обезьян, и мысль, что одна из них на свободе, жутко испугала его. Если разобраться, то для лилипута шимпанзе такая же огромная и опасная, как горилла для обычного человека.

— Молодчина! Ты действительно поможешь Вайссу, если завтра выяснишь для него, по-прежнему ли Майор так напуган теперь, когда поблизости нет живых шимпанзе.

— Ладно.

— Еще кто-нибудь испугался?

— Рита была сама не своя от страха в ночь убийства. Но это понятно. Она споткнулась о труп. На ее месте любая женщина испугалась бы.

— Это все?

— Насколько мне известно, да, — сказал я.

— А Мардж Хоугланд? Со дня убийства она явно чего-то боится. Не замечал?

— Вообще-то, она постоянно ведет себя странно. А что ты думаешь насчет Хоуги?

— Хоуги сам черт не страшен.

— Да, наверное. Но... может, Мардж боится Хоуги? В последнее время он пьет больше, чем обычно.

— Но недостаточно, чтобы утратить над собой контроль. Хоуги умеет пить. Нет, вряд ли проблема в этом. У Хоуги не тот темперамент. Я никогда не видел, чтобы он терял рассудок, хоть пьяный, хоть трезвый. Да и Мардж слишком...

— Что?

— Ее этим не напугаешь. Слишком сильно она его любит. Ради него готова хоть в преисподнюю спуститься, если он ее туда пошлет.

— А что там с Майором? Кто-нибудь знает, как он, после того как Кэри вернулся из леса?

— Мы с Кэри посадили его в такси и отправили в отель. К тому времени он уже проспался, но едва стоял на ногах.

— Ясно, — сказал я, и мне немного полегчало. — Хочешь еще пива?

Дядя кивнул, и на сей раз я выпил вместе с ним. Вскоре мы решили, что пора возвращаться, и отправились домой. Больше нам обоим ничего не хотелось.

Глава восьмая

Утром первым, кого я увидел, не считая дяди Эма, был Армин Вайсс. Пока мы одевались, кто-то крикнул:

— Как, черт возьми, стучаться в полотняную дверь? — и это был Вайсс.

Он сел на один из складных стульев. Его интересовало все, что связано со смертью шимпанзе, и мы ему рассказали. Он уже побеседовал с Хоуги и Мардж и знал в общих чертах факты, но хотел проверить их и убедиться, не сможем ли мы что-нибудь добавить. Особенно его тревожил вопрос, как обезьяне удалось выбраться из клетки, и я был горд, что догадался проверить это и теперь мог объяснить ему, каким образом это произошло.

Вайсс сказал, что никто не видел, как он входил к нам в палатку, так что неважно, на сколько он тут задержится. Пробыл он у нас довольно долго.

Рассказал, что в Цинциннати он, в общем-то, зашел в тупик. О лилипите по имени Лон Стаффорд выяснил немало, но ничего из того, что он узнал, не было связано с шапито Хобарта. Вайсс явно был не в духе и признал, что все выглядит так, будто он не узнал вообще ничего важного.

— Все упирается в проклятый цирк, — заявил Вайсс. — В любом другом случае место преступления хотя бы остается на одном месте. Ну а здесь что? Убийство происходит в Эвансвилле, а через несколько дней все чертовы декорации и все замешанные в нем люди уже находятся в Саут-Бенде, затем в Форт-Уэйне, а потом... Куда дальше едем?

— Милуоки, — ответил дядя Эм.

Вайсс презрительно усмехнулся:

— Что ж, у меня на машину скидка с учетом дальности пробега. Слушай, Эд, не считая этого дела с обезьяной — а я, честно признаюсь, не понимаю, какое это имеет значение, — ты не заметил ничего странного?

Я рассказал ему, как повел себя Майор Моут в ночь, когда мы искали Сьюзи.

— Это может что-нибудь да значить, — произнес Вайсс. — Хотя он, как ты говоришь, мог просто испугаться вырвавшейся на свободу шимпанзе. Но когда я с ним общался в ночь убийства лилипута, мне тоже показалось, будто он немного напуган. И если тебе интересно, я проверил прошлое Майора Моута вплоть до его прадедов, поскольку он, как и жертва убийства, лилипут. Так вот, Моут никогда не работал в цирке вместе с Лоном Стаффордом.

Он сдвинул шляпу на затылок и воскликнул:

— Ну и дельце! Все равно что гоняться за черной кошкой в темном переулке, не зная при этом, там ли вообще эта кошка.

Он отказался от выпивки, но потом передумал и выпил стаканчик.

— Я на время задержусь в городе, — сказал Вайсс. — Завтра до полудня буду в отеле «Ардмор». Будь я проклят, если знаю, зачем. Мне тут делать нечего.

Он выпил еще — дядя Эм называл это прощальным кубком — и наконец ушел.

...Наш разговор с Вайссом состоялся в среду утром, а потом наступила ночь со среды на четверг — тринадцатая ночь после убийства лилипута.

Я никогда ее не забуду. Этой ночью произошло третье убийство, которое ужаснуло нас с дядей Эмом. И в эту ночь я увидел привидение.

В тот вечер посетители разошлись рано, и не по какой-то определенной причине, просто так сложилось. К одиннадцати народ на аллее поредел. Зазывалы взялись за последних зрителей, и Мори дал сигнал к бесплатному шоу — прыжку в бассейн в одиннадцать тридцать, — чтобы потом можно было сворачиваться.

После бесплатного шоу к нам в киоск зашли всего несколько человек, и мы закрылись до полуночи. Как обычно, дядя Эм воскликнул:

— Ну, парень?

Он надеялся, что я захочу снова поехать с ним в клуб, но я сказал, что собираюсь немного поиграть на тромбоне.

Я достал инструмент и попробовал сыграть кое-какие аранжировки Дорси, однако они оказались слишком сложными для меня и быстро отбили охоту этим заниматься. В общем, сыграл несколько гамм и арпеджио и бросил это дело. Тромбон звучал плохо, и ощущения от этого возникали неприятные. Нет смысла валять дурака, когда так себя чувствуешь.

Дядя Эм читал, лежа у себя на койке. Вскоре он отложил книгу и принялся наблюдать, как я полирую тромбон и укладываю его обратно в футляр. Дядя молчал, но я знал, о чем он думает.

— Я не утратил к нему интерес, — счел нужным объяснить я. — Просто... ну...

— Эд, все через это проходят. Некоторые выживают. Иногда мы доживаем до седин. — Дядя медленно покачал головой. — Я тебе когда-нибудь рассказывал про рыженькую, которую знал в Каире?

— Ты никогда не бывал в Египте, — возразил я. — Не вешай мне лапшу на уши.

Он посмотрел на меня с видом оскорбленного достоинства:

— Ну вот еще! Речь о Кейро в штате Иллинойс. Но я и в Египте бывал.

— Неужели?

— Да, черт возьми! В Маленьком Египте. Как-нибудь напomini, расскажу тебе эту историю. А пока что мы в Кейро на реке Миссиссипи. Это было в... дай-ка вспомнить... в год большой снежной бури. Только происходило летом, а буря была зимой.

Я перестал слушать еще до того, как он закончил свою историю.

— Давай сходим к Кэри? — предложил я.

Дядя Эм согласился и обулся.

Возле фургона Кэри мы застали Эстель, радио орало на полную катушку, слышно было аж с аллеи. Это была ночная танцевальная программа из Чикаго. Кэри и Эстель танцевали. Мы зашли в фургон, и дядя Эм убавил громкость приемника со словами:

— Ради всего святого, вы что, глухие?

— Великие Хантеры! — воскликнул Кэри. — Что хотите выпить? У нас есть виски.

Я ответил, что пока ничего не хочу, а дядя Эм согласился на виски. На столе стояла бутылка, и он отхлебнул прямо из нее.

— Эм, у меня есть наметки идеи для нового фокуса — выбрасывать игральные карты из колоды Свенгали, — сообщил Ли. — Мне нужно, чтобы ты помог мне разработать речевку.

Он сунул правую руку в карман, но схватился за воздух левой, и в ней оказалась колода карт. Они с дядей Эмом сели за стол друг против друга, и Ли начал объяснять, как планирует объединить «мексиканский переворот» Монте с чередованием карт из колоды Свенгали, не обращая на нас с Эстель никакого внимания, как будто нас там вообще нет.

Музыка по радио была неплохая. Выступал небольшой оркестр с выдающимся контрабасом. Я немного прибавил громкость, хотя не так сильно, как было раньше, и протянул руки к Эстель. Она покачала головой:

— Не будем танцевать, Эдди.

Я не стал настаивать, поскольку и сам не очень-то хотел. Я сел, и Эстель устроилась у меня на коленях.

«Ну вот, опять, — подумал я. — Хотя за нами присматривают, если можно так сказать о Ли и дяде Эме». При этой мысли я не смог сдержать улыбки.

— Дядя Эм, — произнес я. — Ты должен защищать меня.

Эстель засмеялась. Дядя Эм посмотрел на меня через плечо и промолвил:

— Бог защитит работающего паренька, — и снова повернулся к Ли.

— Дай-ка мне бутылку, Эдди, — попросила Эстель.

Она выпила, я тоже выпил и поставил бутылку на пол. На мой взгляд, виски был так себе: не слишком приятный на вкус и обжигал горло.

— По-моему, у меня немного кружится голова, Эдди, — сказала Эстель.

— Так и должно быть. Но ты лучше оставь этого белого мула в покое, а не то мне придется нести тебя домой на руках.

— Отнесешь меня, Эдди? Сейчас?

— Нет.

— Ты та-акой романтичный, Эдди. Потому-то ты мне и нравишься. И еще потому, что ты красавчик.

— Еще одно подобное замечаньице, и окажешься на полу.
— С тобой, Эдди?
— Ах ты, маленькая... — начал я, но не смог подобрать нужного слова, чтобы закончить свою мысль. Ни одно из тех слов, что я знал, не подходило Эстель. — Только об одном и думаешь.
— Ты тоже, вот только я бы предпочла, чтобы ты думал о другом. Скажи-ка, виски хороший?
— Довольно паршивый, — ответил я. — Не пей слишком много.
— Мне кажется, у меня чересчур быстро стучит сердце. Послушай. — Эстель приложила мою руку туда, где, как ей казалось, у нее находится сердце.

Я отнял руку. Во рту у меня пересохло, пришлось сглотнуть, прежде чем я смог заговорить.

— Прекрати, Эстель! Прошу тебя, я не деревянный, но, черт возьми, я...

— Ответь мне на один вопрос, Эдди. Честно.

— Что?

Она выпрямилась и повернула голову, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Ты действительно влюблен — в смысле, по-настоящему — в эту... в Риту?

— Наверное, — ответил я. — То есть... Господи, да, влюблен!

Она насмешливо вздохнула, а потом, как ни странно, улыбнулась:

— Ладно, Эдди, ты победил. Я перестану тебя дразнить. Останемся друзьями?

— Приятелями, — произнес я.

— Хорошо, Эдди. С этой минуты. Но сначала поцелуй меня. Всего разок. Как следует.

Рита произнесла почти те же слова, когда я впервые поцеловал ее, две недели назад, в ночь, когда возил кататься на машине Хоуги, чтобы вывести ее из истерического состояния, в которое она впала, споткнувшись о мертвого лилипута. Тогда Рита не делала никаких намеков, но перед тем как ехать обратно, попросила меня поцеловать ее разок и как следует.

Эстель наклонилась ко мне, и я обнял ее. Закрыв глаза, и наши губы встретились, но в эту минуту я вспоминал свой первый поцелуй с Ритой. Потом подумал: почему бы и нет? — и представил, что снова целую Риту. Эстель отстранилась. Она выпрямилась и посмотрела на меня. Ее глаза как будто затуманились, а затем она улыбнулась:

— Ну не здорово ли? Боже мой, Эдди! Что ж, я ведь сама просила, не так ли? Я не шучу, Эдди. Отныне я больше не буду тебя дразнить. Ты принадлежишь Рите, и я не стану к тебе приставать. Будем просто друзьями. Скажи, тебя волнует, что я сижу у тебя на коленях?

Я солгал, заявив, что не волнует. Она потянулась за бутылкой, взяла ее и промолвила:

— Сначала выпей ты, Эдди.

Я выпил и протянул ей бутылку. Пока Эстель пила, я взглянул поверх ее плеча в открытое окно.

Возможно, я поднял голову, почувствовав странный запах. Точно не помню, что изначально привлекло мое внимание: этот запах или ощущение, что кто-то смотрит на меня через окно. Это была обезьяна, шимпанзе. И это была либо Сьюзи, либо ее двойник.

Морда застыла в нескольких дюймах от окна. До нее не доставал свет лампочки, горевшей на потолке фургона, но даже в темноте я четко разглядел ее. Это была похожая на лицо ирландца из комической оперы морда шимпанзе, которую невозможно с чем-то спутать. Вот только мне было не до смеха. Я до смерти перепугался. Я чувствовал запах земли, запах свежевырытой могилы. И я видел, что комья свежей земли, еще не совсем засохшей, повисли на шерсти на голове и морде шимпанзе.

Этот запах мне не померещился. Что бы я ни увидел, запах выдумать невозможно. Мы сидели на сквозняке, из окна задувал ветерок, и на мгновение запах земли перекрыл запах виски и аромат духов Эстель.

А потом морда исчезла, перед окном ничего не было. Запах тоже исчез.

Эстель протягивала мне бутылку со словами:

— Выпивка действительно паршивая, Эдди. Но прежде чем я поставлю ее на место, не хочешь еще глоточек... Что случилось, Эдди? Тебя тошнит?

Она вдруг встала и уставилась на меня, а внезапная перемена в ее голосе привлекла ко мне внимание Ли Кэри. Дядя Эм тоже обернулся.

— Черт подери, что с тобой, парень? — сказал он. — Ты белый, как...

Именно в этот момент мне почему-то не хотелось рассказывать о том, что я видел. Да и сам я уже начал сомневаться в реальности происходящего. Может, на меня так действует алкоголь? Нет, белая горячка не возникает после двух порций виски. Но...

Я покачал головой, делая вид, будто пытаюсь прийти в себя. Было ясно, что, по мнению окружающих, со мной что-то не так, и я сказал:

— Со мной все порядке. Просто мне... вдруг стало нехорошо. Надо выйти подышать.

Я встал и направился к двери фургона. Эстель собиралась последовать за мной, потому что я слышал, как дядя Эм остановил ее и произнес нечто вроде: «Оставь его в покое, если его вырвет, компания ему не нужна». Когда дверь закрылась, я услышал, как Эстель просит Ли побыстрее сварить кофе. И тут я подумал, что хоть и испугался тогда в фургоне, это были еще цветочки. Теперь, оказавшись в одиночестве в темноте, я точно знал, зачем вышел на улицу, но знал также, что если стану об этом размышлять, мне станет еще хуже, поэтому я обогнул фургон и приблизился к окну, сквозь которое видел шимпанзе.

Никакой обезьяны там не было, ни живой, ни мертвой. Света здесь было достаточно. Но у стены фургона почти под самым окном стоял деревянный ящик, взобравшись на который шимпанзе могла бы заглянуть в окно.

Мне стало немного легче. Не знаю, что я рассчитывал тут обнаружить, но вид ящика слегка успокоил меня и частично рассеял мой страх. Я шагнул к ящику и передвинул его. Он был пустой, и под ним тоже ничего не было.

Я отошел шагов на двенадцать, туда, откуда можно было заглянуть под сам фургон. Открытое пространство освещалось огнями, которые горели на аллее всю ночь и сверкали между шатрами. Я наклонился, вглядываясь в темноту под фургоном. Там тоже было пусто.

Я медленно двинулся назад к фургону, думая о том, что хорошо бы зажечь спичку или вернуться и взять фонарик, чтобы поискать следы, но земля под ногами казалась слишком твердой. На такой следы не остаются.

Несколько минут я сидел на ящике, пытаюсь успокоиться. Попытки понять, что же я такое видел, только привели меня в смятение. Кроме Сьюзи, в цирке не было других шимпанзе, в этом можно было не сомневаться. Не вызывало также сомнений, что Сьюзи мертва. По-настоящему мертва. Один из рабочих сказал мне, что Хоуги похоронил обезьяну в лесу с западной стороны площадки, в том самом лесу, где вчера утром мы ее искали.

Возможно ли, что Сьюзи на самом деле не погибла? Я отказывался в это верить. Меня там не было, но много людей видели, как ее тело вылавливали из бассейна с водой. Ведь не стал же бы Хоуги хоронить ее...

Это казалось настолько невероятным, настолько чертовски глупым, что я начал сомневаться, уж не видел ли я то, чего в действительности не было. Кто-нибудь из танцевального шоу или один из цветных рабочих просто заглянул в окно, а мое подсознание само дорисовало детали, которых не существовало. Но как я ни старался убедить себя в этом, никак не мог поверить в подобную возможность.

Я поднялся с ящика, еще раз обогнул фургон и зашел внутрь. Эстель стояла возле плитки, на которой кипел кофейник с ситечком.

— Тебе лучше, Эд? — спросил Кэри.

— Да, — кивнул я. — Во всяком случае, больше не тошнит. Не нужно кофе, Эстель.

— Либо ты его выпьешь, либо я насильно волью тебе его в глотку, Эдди. Через минуту будет готов.

— Физиономия у тебя все еще бледная, парень. Кофе тебе не повредит, — заметил дядя Эм.

Я сел за стол и почувствовал себя последним слабаком, поняв, о чем думают другие: мол, выпил ничтожную дозу, и его сразу начало тошнить.

Кэри направился в кухню, чтобы дать Эстель чашку, а дядя Эм, обойдя стол, загородил меня, чтобы им не было его слышно.

— Что случилось, Эд? — тихо спросил он. — Дело ведь не в виски?

Я покачал головой. Ли шел обратно к нам, и я сказал:

— Я тебе потом объясню.

Кэри взял бутылку виски, которая была полна примерно на треть, и промолвил:

— Мы тут посоветовались, Эд. Вердикт таков: выпивка, конечно, паршивая, но все же это виски. Сколько ты выпил?

— Всего пару стаканов, — ответил я. — Дело не в этом. Не знаю... может, я что-то не то съел.

Он покачал головой и поставил бутылку на место:

— Может, это острое несварение желудка, Эм. Ты бы сводил его к врачу.

— Со мной все в норме, — сказал я.

— Все будет хорошо, Ли, — произнес дядя Эм и подмигнул мне.

Эстель принесла кофе, густой, словно грязь, и очень горячий. Пришлось его выпить. Теперь я хотел виски. От кофе меня немного затрясло. Но я не мог выпить виски, поскольку Кэри и Эстель считали его причиной моего плохого самочувствия.

Дядя Эм и Кэри снова вернулись к обсуждению нового аттракциона, а я потягивал кофе, пока не допил его. Эстель попыталась всучить мне вторую чашку, но я отказался, объяснив, что на свежем воздухе мне станет лучше и потому я пойду прогуляюсь.

— Я с тобой, — заявила она.

Я не возражал. Мы вышли на тускло освещенную аллею и побрели по ней.

— Хочешь выпить? — спросил я. — В закулочной через квартал отсюда, где мы были в прошлый раз?

— Конечно, Эдди, но... тебе не следует больше пить.

— Дело не в виски, Эстель. Со мной все в порядке, честное слово.

— Ну... если ты уверен...

Мы направились в сторону закулочной, которая еще была открыта. Сев за стол, заказали виски. Эстель быстро опрокинула первый стакан, а второй стала потягивать.

— Эдди, что произошло между тобой и Скитсом Гири? — спросила она.

— Ничего особенного.

— Я бы на твоём месте вела себя с ним осторожнее. Уж не знаю, что ты ему сделал, но он затаил злобу. А такой парень, как Скитс, обычно дает ей выход. Ждет месяц или целый сезон, пока ты не забудешь об этом, а потом...

— Он трус. По нему сразу видно...

— Конечно, Эдди. Скитс не сделает ничего, на чем его можно поймать или что наверняка можно связать с ним. Однако...

— В общем, если на меня упадет шест или я провалюсь в люк, буду знать, что виноват Скитс, найду его и основательно ему врежу.

— Ты недооцениваешь Скитса. У него есть деньги: сайд-шоу в этом сезоне было удачным. Он здорово подзаработал на том убийстве в Эвансвилле в течение недели, отметив место крестом и положив рядом нож. И он не разбрасывается деньгами, как большинство циркачей. Скитс... богатый, во всяком случае, по сравнению с остальными. Он может заплатить за все, что пожелает сделать.

Я потянулся к ней через стол и, похлопав ее по руке, сказал:

— Спасибо, Эстель. Я буду осторожен.

Она высвободила свою руку из-под моей и промолвила:

— Никаких приставаний, Эдди. Мы теперь друзья, помнишь?

Я рассмеялся:

— Верно. Никаких приставаний.

— И платим по-голландски. Следующий раунд покупаю я. Если ты считаешь, что тебе можно...

— Со мной все в порядке. Не беспокойся.

Я уже жалел, что позволил им думать, будто мне стало плохо от виски. Теперь придется каждый раз доказывать обратное. В общем, я разрешил Эстель сделать заказ. Выпивка казалась мягкой и безвредной после той жути, что мы пили в фургоне Кэри.

— Эдди!

— Да?

— Слушай, раз мы теперь друзья: я соврала насчет Риты.

— То есть?

— Она вовсе не стерва. Рита — отличная девчонка, Эдди. Она не так долго проработала в стрип-шоу, но достаточно, чтобы мы это поняли. И никто во всем цирке не дошел с ней до первой базы, кроме тебя.

— А тот парень... банкир?

— Не уверена, Эдди. — Эстель говорила серьезно. — Вроде... она должна была встретиться с банкиром, но, по-моему, по делам. В любом случае...

— После закрытия? В два часа ночи?

— Да, звучит глупо, но... по-моему, так и было.

— Ага.

Эстель наклонилась вперед и предложила:

— Послушай, Эдди. Не надо себя так вести. Рита — хорошая девчонка. Допустим, они встречались не по делу. Но это не означает, что она с ним путалась. Например, они познакомились в банке, когда Рита открывала счет, или обналичивала чек, или еще что-нибудь, и он спрашивает, не согласится ли она с ним выпить, когда цирк закроется. Это ведь не значит, что она собирается прыгать к нему в постель, правда?

— Нет.

— Не всех циркачек просто охмурить, Эд. Большинство — да, но только если они сами хотят. Рита не так легко доступна, чтобы сдать себя какому-то банкиру из маленького городишки.

Я широко улыбнулся:

— Только банкиру из большого города?

Мне показалось, что Эстель сейчас рассердится, однако она рассмеялась.

— Почему бы и нет? — воскликнула она и внезапно посерьезнела. — Ты ведь и сам знаешь, Эдди: этой девчонке не место в цирке. Рита может добиться огромного успеха, если пожелает, и для этого ей всего-то надо подразнить больших шишек. Она достаточно умна, чтобы не спать с ними, если ей не хочется. Только вот Рита оказалась недостаточно умна для того, чтобы не влюбиться в тебя.

— Ей нужно голову обследовать!

Я перехватил взгляд бармена, давая понять, что мы хотим еще выпить. Виски только начинал действовать. Это было приятное ощущение, правильное. Бармен поставил перед нами напитки и сообщил, что больше заказывать нельзя, поскольку закусочная скоро закрывается. Мы выпили, я купил полпинты хорошего бурбона, чтобы взять с собой, и мы двинулись обратно на площадку цирка.

В закусочной мне удалось забыть о том, что я видел в окно, но с возвращением на территорию цирка вернулись и воспоминания. Миновав главные ворота, я остановился. Я должен был кое-что сделать и теперь точно знал, что именно. И еще я понимал, что не хочу дожидаться рассвета.

— В чем дело, Эдди? — спросила Эстель.

— Где и когда Хоуги похоронил Сьюзи?

— А что?

— Просто интересно.

— Вчера после полудня. Я видела, как Хоуги и Папаша Дженни шли в лес. Хоуги нес обезьяну, а Папаша — лопату. Это было сразу после того, как ее обнаружили. Что случилось, Эдди?

— Ты уверена, что Хоуги нес обезьяну?

— Эдди, ты с ума сошел?

— Слегка. Это была обезьяна?

— Она была завернута в парусину, но... Кто еще это мог быть?

— Почему именно обезьяна? Ты ведь ее не видела.

— Я видела, как ее тело выловили из бассейна. Мы тогда выступали на рекламной платформе. Наше шоу проходит совсем рядом с бассейном. От нас весь народ сбежал, когда обнаружили Сьюзи. Все столпились вокруг бассейна, и Чарли пришлось перестать зазывать к нам посетителей.

— Ты подходила к бассейну?

— Нет, нам с платформы было лучше видно. Прямо поверх голов. В любом случае на мне был только легкий халатик из искусственного шелка и трусики-танга. В таком виде я бы не полезла в толпу деревенщин. Началась бы заварушка, и я оказалась бы прямо в ее гуще. Я не настолько глупа.

— Значит, ты видела, как Сьюзи вытащили из бассейна?

— Эдди, ты спятил? Я видела, как из бассейна вытащили дохлую обезьяну. Если это была не Сьюзи, то кто же? Здесь нет никакой другой шимпанзе.

Я стоял на месте, размышляя. Внезапно все это показалось такой чудовищной белибердой, что я испугался. Эстель положила руки мне на плечи и встряхнула меня.

— Эдди, ты расскажешь мне, в чем дело, или... ты все-таки пьян?

— Я не пьян, — заверил я. — Ох, черт подери, проще уж рассказать! — Я сообщил ей, что видел через открытое окно фургона.

Дослушав до конца, Эстель какое-то время молча смотрела на меня, а затем произнесла:

— Эдди, мне страшно.

— Мне тоже. Ты готова ехать к себе в отель? Вызвать тебе такси?

— Что ты собираешься делать? Ты ведь не...

Я кивнул:

— Собираюсь. Я должен знать.

— Тогда я с тобой.

Я начал возражать, но потом согласился. Не очень-то мне хотелось ночью тащиться в лес одному и откапывать труп — пусть даже труп обезьяны.

Глава девятая

Эстель ждала перед нашим киоском, пока я ходил за фонарем и маленькой лопатой с короткой ручкой, которой мы обычно копали канавы после дождя. Чтобы никто не увидел лопату, я надел дождевик и спрятал ее под ним. Как только мы пошли через аллею, Эстель сказала:

— Эдди, пока тебя не было, я вот о чем подумала: вдруг Хоуги купил еще одну шимпанзе? Он ведь мог.

— Он не настолько сумасшедший.

— Почему бы и нет? Но ведь купил же Хоуги одну шимпанзе, почему бы не приобрести новую, если первая погибла? А если он знал, где можно сразу же купить замену... Ты говорил с ним или с Мардж после вчерашней ночи?

— Нет. Но, черт возьми, это глупо.

— Нам все равно идти мимо их фургона, так что если у них горит свет... Эдди, свет горит. Они не спят.

— Это один шанс на миллион. Только не будем оба заходить, а то придется там сидеть. Я подожду, а ты загляни на секундочку. Сделай вид, будто ищешь Ли, например.

Я остался ждать в тени шатра, в котором проходило стрип-шоу. Эстель вернулась через пять минут.

— Нет, Эдди, я ошиблась, — сообщила она. — Мне даже спрашивать не пришлось. Хоуги убрал решетку, даже клетки не осталось.

— Ясно, — кивнул я. — Ты уверена, что хочешь пойти со мной?

— Да, Эдди. Но... почему бы тебе не обсудить это с Хоуги? Его сейчас нет дома, Мардж говорит, он в шатре для азартных игр, и ты мог бы вызвать Хоуги на минутку. Спроси его, уверен ли он, что это была Сьюзи?

— Нет, я не стану спрашивать Хоуги. Я никого не собираюсь спрашивать и никому не поверю на слово. Хочу сам во всем убедиться, хочу знать наверняка.

— Хорошо, Эдди. Идем.

Мы сделали крюк вокруг фургона Хоуги, чтобы нас не заметила Мардж, пересекли открытое поле и очутились в лесу. Я был здесь вчера утром, и при свете дня лес выглядел небольшим. Но ночью в темноте он казался огромным. Я вспомнил, что здесь была тропа, и Сьюзи, наверное, похоронили где-то рядом с ней. Посветив фонариком, мы разыскали начало тропы и двинулась по ней.

Эстель явно боялась. Она так вцепилась в мою руку, что мне стало больно. Я шарил лучом фонарика, рассматривая извивавшуюся впереди тропу и пространство по обе ее стороны, в поисках холмика или недавно вскопанной земли.

В первый раз мы пропустили могилу и нашли ее только на обратном пути, шагах в двенадцати от тропы. Это был небольшой холмик размером четыре фута на два, где все еще виднелись следы лопаты, которой утрамбовали землю. Все было сделано аккуратно, словно тут потрудились специально обученные люди. Могила напоминала детскую.

Эстель, судя по всему, подумала о том же. Она сильнее стиснула мою руку.

— Эдди, — прошептала она, — похоже на могилу.

— Так и есть, — сказал я. — Но это просто могила обезьяны. По крайней мере мне так кажется. Я проверю.

— Эдди, нет! Прошу тебя, не надо!

— Сначала я провожу тебя назад, — предложил я. — Я могу...

— Нет, если уж ты должен это делать, я останусь. Посвечу тебе фонариком.

— Молодчина! — похвалил я.

Я передал Эстель фонарь, и она, чуть приподняв его, отошла немного назад, а я начал орудовать лопатой. Земля была достаточно рыхлой, и копать было легко. На глубине двух футов я наткнулся лопатой на парусину и аккуратно очистил ее от земли. Потом забрал у Эстель фонарик.

— Отвернись, — велел я, забирая у Эстель фонарик. — Зрелище не из приятных.

Я посветил ей, чтобы она могла отойти обратно на тропу. Эстель не стала отворачиваться, но с такого расстояния все равно не могла заглянуть в могилу, так что это не имело значения. Мне и самому не хотелось туда заглядывать, но я намеревался выяснить, что скрывается под парусиной, а беглого взгляда на клочок шерсти для этого недостаточно.

Я развернул парусину. Затем вернул ее на место и выпрямился.

— Эдди... — прошептала Эстель.

— Это Сьюзи, — ответил я.

Эстель приблизилась, и я передал ей фонарик, чтобы она подержала его, пока я засыплю могилку и утрамбу землю лопатой.

На обратном пути мы молчали, пока не добрались до конца леса, откуда были видны площадка, шатры и киоски, вырисовывавшиеся на фоне освещенной аллеи, колесо обозрения и вышка для прыжков в воду на фоне озаренного бледным светом луны неба, подсвеченные окна фургонов и большие грузовые машины.

Эстель схватила меня за руку:

— Давай немного подождем, Эдди! Наверняка я белая, как простыня, — как ты, когда увидел то, что показалось в окне фургона. И меня всю трясет. Те полпинты, что ты купил в закусочной, у тебя с собой?

— Боже мой! — воскликнул я. — Совсем про них забыл! Мне бы не помешал глоток, когда я играл в гуля. Да и сейчас не помешает.

На секунду я повернул фонарик в сторону Эстель. Она не преувеличивала. Ее лицо и впрямь было белым как мел и она вся дрожала. В лесу Эстель, наверное, испугалась больше, чем я, но все-таки кое-как держала себя в руках.

Теперь, когда мы вышли из леса, завершив наше жутковатое дело, и увидели ярмарочные огни, Эстель не выдержала. Прежде чем идти обратно, ей нужно было время, чтобы успокоиться.

— Конечно, — кивнул я. — Выпьем и передохнем минутку.

Я снял плащ и расстелил его на траве, чтобы мы могли сесть, затем убрал фонарик в карман и достал бутылку. Я открыл ее и передал Эстель. Она выпила и вернула бутылку мне. Это был хороший сорт, пить его было гораздо легче и приятнее, чем виски Кэри. Я почувствовал, как в горле и в груди разливается тепло.

— Не будь свиньей, Эдди, — сказала Эстель. — Оставь мне немного. Мне холодно.

Она слегка дрожала, и я обнял ее, передавая ей бутылку. Эстель прижалась ко мне и промолвила:

— Ты хороший и теплый, Эдди. Но помни: никаких приставаний.

— Никаких!

Мне было приятно сидеть там, в тишине и темноте, смотреть на ярмарочные огни и ни о чем не волноваться. Только в голове крутилась одна мысль: «Боже мой, как жаль, что со мной сейчас не Рита». Я начал считать, сколько дней я уже жду, но не успел закончить, когда Эстель вернула мне бутылку. Мы допили ее не торопясь, потому что спешить было некуда. Эстель вздохнула:

— Мне уже лучше, Эдди. Чувствую себя прекрасно.

— Хочешь пойти домой?

— А ты?

— Нет.

— Я тоже.

В темноте лицо Эстель напоминало белое пятно. Оно было совсем близко от моего. Ее тело казалось таким теплым рядом с моим. Я подумал: «К черту “без приставаний”!» — и поцеловал ее. Поцелуй получился долгим. Потом она прошептала:

— Эдди, почему бы тебе не представить, что я Рита?

Я как раз об этом и думал, но возразил:

— Это было бы несправедливо по отношению к тебе, Эстель.

— Почему, Эдди? Это ведь ничего не значит, правда? Ну просто... для развлечения.

Об этом я тоже только что думал.

Когда я проснулся утром, дядя Эм сидел на краю койки и натягивал носки. На лице у него застыло сосредоточенное, настороженное выражение, ничего общего с тем сонным видом,

который обычно бывает у только что проснувшихся людей. Я резко сел. Он бросил на меня взгляд и сказал:

— Что-то не так, Эд. Чувствуешь? Прислушайся.

Я открыл рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но быстро закрыл его и прислушался. Может, от дядиных слов у меня разыгралось воображение, но что-то действительно показалось мне другим. Я не мог понять, что именно.

В воздухе тоже ощущалась какая-то перемена, чувство подавляемого волнения с небольшой примесью страха, как в тот момент, когда после молнии ожидаешь раскат грома. Или это напоминало то чувство, какое возникает, когда кто-то собирается тебе что-то сказать и ты видишь по его лицу, что это плохие новости, но пока не знаешь, в чем дело, и ждешь, когда он заговорит.

С тех пор я часто размышлял, почувствовал ли бы я что-нибудь, если бы дядя Эм своим вопросом, своим поведением и поспешностью, с которой он одевался, не навел меня на эти мысли.

Очередное убийство — такова была моя первая внятная мысль. А вслед за ней: кто? Но гадать не было никакого смысла. Я вскочил с койки и начал одеваться еще быстрее, чем дядя Эм. Обогнать я его не сумел, слишком большая у него была фора. Но мы оделись одновременно, вместе вышли из палатки и направились на аллею.

На площадке было темно от копов. Так мне сначала показалось. Приглядевшись, я сообразил, что их там не больше двенадцати, а пересчитав, обнаружил всего шестерых. Они разбились на три группы по двое, и двигались в нашу сторону, по нашей стороне аллеи. Все они говорили с циркачами. Некоторые держали в руках открытые блокноты.

Я выбрался на аллею и осмотрелся. В основном толпа собралась возле танцевального шоу. Там были мужчины и девушки-мулатки из танцевального шоу и несколько белых циркачей. Где-то среди них плакала женщина.

Я направился в ту сторону, и тут меня кто-то окликнул:

— Эй, подожди-ка!

Я остановился и оглянулся. Это был один из копов. Он шагал в мою сторону.

— Мы уже записали твое имя? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Что случилось?

К нам подошел дядя Эм, а также второй коп из этой пары. Циркач, с которым они беседовали, двинулся по аллее в направлении входа. Первый коп держал в руках блокнот и карандаш.

— Имя?

— Эд Хантер. А в чем дело?

— Ты из цирка?

Я кивнул:

— В чем дело-то? Что произошло?

Он молча принялся записывать мое имя в блокнот. Затем поднял голову и спросил:

— Из какого ты шоу?

Дядя Эм, который уже стоял рядом со мной, толкнул меня локтем, давая понять, что мне лучше помалкивать.

— Он работает со мной, офицер, — объяснил он. — Мой племянник. Мы держим призовой аттракцион. И готовы отвечать на любые ваши вопросы, но нам, ясное дело, до смерти любопытно узнать, что произошло. Мы только что проснулись. Если между вопросами вы сообщите нам, в чем дело, это сэкономит время и вам, и нам. К тому же вы сделаете нам одолжение. Не нужно подробностей, хватит одной фразы. Кроме того, сможем более внятно ответить на ваши вопросы.

Коп улыбнулся и сказал:

— Вчера ночью убили мальчишку-негритенка по имени Букер Т. Брент. Так, а тебя как зовут?

Дядя Эм назвал свое имя, и коп записал его.

— Ладно, расспросим вас обоих вместе, — произнес он. — Кто-нибудь из вас покидал территорию цирка прошлой ночью после полуночи?

Дядя Эм покачал головой. Я тоже собирался ответить «нет», но потом передумал и произнес:

— Я находился в квартале отсюда, в закускойной по дороге к городу.

— «Фелтнерс»?

Я сказал, что не обратил внимания на ее название, но расположена она в квартале к северу от входа в цирк.

— В какое время? — спросил полицейский.

— Точно не помню, но после двенадцати часов. Примерно между двенадцатью и часом. Мы пробыли там полчаса, а затем вернулись на площадку.

Он заинтересовался, кто был со мной, и я сообщил ему.

— Ты знаешь мальчишку, которого убили?

Я покачал головой, но дядя Эм сказал:

— Просто ты не знал его настоящего имени. Это Джигабу.

— Господи! — вырвалось у меня.

«Черт подери, — подумал я, — почему именно Джигабу?» Он так здорово отбивал чечетку и был классным парнем. Казалось невероятным, что Джигабу нет в живых.

— Да, это было его сценическое имя: Джигабу, — подтвердил коп. — Когда ты в последний раз видел его?

Я задумался.

— Вечером. Я проголодался и зашел на несколько минут в столовку за гамбургером. Танцевальное шоу давало рекламу, и он как раз танцевал на сцене, когда я проходил мимо.

— После закрытия цирка ты его не видел?

— Нет.

Дядя Эм сказал то же самое: в последний раз он видел мальчишку на рекламной сцене, только пораньше, когда сам ходил в столовку, пока я подменял его в киоске.

— Хорошо, — произнес коп. — Это ваш киоск?

Дядя Эм кивнул.

— С вами или на вас еще кто-нибудь работает?

— Нет, нас только двое.

— Вы всегда ночуете на площадке?

— Да. За киоском стоит палатка, в которой мы живем.

— Ладно.

Оба копа направились дальше по аллее и по дороге поймали шедшего к нам Папашу Дженни. Блокнот снова открылся.

Я ринулся к группе перед танцевальной сценой, но дядя Эм остановил меня:

— Подожди, Эд! Там родители мальчишки. Оставь их в покое. Им сейчас не нужна толпа.

— Но ведь мы хотим узнать...

— Конечно, Эд, мы хотим узнать. Но не от них. Мы ничего не можем для них сделать, так что держись от родителей парня подальше.

— А как же мы узнаем?..

— Давай не будем гоняться за слухами по всему цирку, а получим информацию из первоисточника. Вайсс все еще в городе. Вчера он заходил к нам, сообщил, что будет в отеле «Ардмор» до полудня. Сейчас уже поздновато, но все это случилось явно до его отъезда, так что он точно в Форт-Уэйне.

— Думаешь, это как-то связано с лилипутом?

— Да откуда же мне, черт возьми, знать, если не известно, где и когда убили мальчишку? Давай-ка воспользуемся телефоном. В закуской, куда ты ходил с Эстель, есть телефон?

— Да.

Мы отправились в закускую. Дядя Эм заказал пиво, а я предпочел колу. Пока бармен готовил заказ, дядя Эм пошел к телефонной будке. Через несколько минут он вернулся.

— Вайсс в участке, — сообщил дядя. — Он все еще зарегистрирован в «Ардморе», но в отеле его нет. Я звонил в участок, он там. Я сказал ему...

— Что он делает в участке? Я думал, он приедет в цирк.

— Видимо, работает там, может, они кого-нибудь допрашивают. Я сказал ему, что у нас есть для него кое-какая информация, но не хочется ехать в участок. Вайсс предложил встретиться с нами в отеле в три часа.

Я посмотрел на часы над барной стойкой: час дня.

— А почему так не скоро? — удивился я.

Дядя Эм покосился на бармена и, хотя тот не обращал на нас внимания, тихо произнес:

— Эд, мы не станем от него ничего скрывать. Я хочу, чтобы ты рассказал ему то, что сообщил мне прошлой ночью. О том, что ты видел через окно фургона.

— Или что мне привиделось.

— Сначала мы пообщаемся с Этель. Послушай, вы оба в этом замешаны, и будет плохо, если ты расскажешь одну историю о том, чем вы, детишки, занимались вчера ночью, а она — другую. Если полиция сначала поговорит с Этель и она поклянется, что вы с ней не выходили за пределы площадки, ей же будет хуже.

Я отхлебнул колы.

— Ладно, — кивнул я. — Могу рассказать им, что увидел в окне, но зачем признаваться, что мы ходили в лес откапывать обезьяну? Я уже объяснил копам, что мы только ходили в закусочную на полчаса. Они занесли это в протокол.

— Да, объяснил. Ну, если начнут давить, дашь задний ход, скажешь, что не подумал о том, что пойти в лес — значит покинуть площадку, ведь он близко, практически та же территория.

— Конечно, но почему...

— Не будь дураком, Эд. Как только ты им расскажешь, что видел Сьюзи или другую похожую на нее обезьяну, думаешь, им в голову не придут те же мысли, что и тебе? Они разыщут могилу и тоже откопают Сьюзи. А на месте увидят, что могилу уже кто-то раскапывал после похорон, да еще найдут твою лопату там, где ты ее, черт возьми, бросил...

— Господи, разве я не принес ее обратно?

— Вчера ты вернулся без лопаты.

— Я оставил ее не у могилы Сьюзи. Я... На обратном пути мы с Этель ненадолго остановились на выходе из леса. Думаю, там я ее и оставил.

— Видимо, голова была занята чем-то иным, — заметил дядя Эм. — А сейчас главный вопрос: ты знаешь, где остановилась Этель? Где ее можно найти?

— В «Ардморе», как и Вайсс. Вчера я вызывал Этель такси с площадки, чтобы отправить ее в центр города.

— Так чего ты ждешь? Иди позвони ей, пока она не ушла из отеля, и назначь нам свидание в каком-нибудь кафе. Только не в «Ардморе». Не хотелось бы до разговора с ней наткнуться на Вайсса. В городе есть ресторан, называется «Максис». Скажи ей, что мы с ней там встретимся в два часа.

Я направился к телефонной будке и позвонил Этель.

— Привет, Эдди. — У нее был сонный голос. — Я только что проснулась.

— Значит, ты не слышала о том, что случилось?

— О чем?

Я рассказал ей все, что знал, и предупредил, что мы с дядей Эмом хотим поговорить с ней, чтобы согласовать наши показания, прежде чем полиция снова примется за нас. И я добавил ей, что мы встретимся в два часа дня в «Максис».

— Эдди, ты звонишь из частной телефонной будки?

— Да.

— Насчет прошлой ночи. Конечно, что это ничего не значит... Мы так договорились, стало быть, пусть так и будет. Я... действительно не собиралась вкладывать в это какой-то смысл. Я говорила серьезно: не хочу портить ваши с Ритой отношения.

— Спасибо, детка, — промолвил я. — Ты лучше всех.

— Ты никому ничего не рассказывал? Например, дяде?

— Нет, Этель, но не удивлюсь, если он и так обо всем догадался. Его трудно провести. Дядя Эм может раскусить меня, как колоду крапленых карт.

Она тихо засмеялась:

— Хорошо, Эдди. В любом случае ничего не было. Верно?

— Верно, — подтвердил я. У меня как будто гора с плеч свалилась. — Ну, пока. До встречи в «Максис».

Я вернулся к барной стойке и сообщил дяде Эму, что встреча назначена.

— Тогда пошли, — произнес он. — У нас еще есть время, чтобы забежать обратно в цирк.

— Зачем?

— Хочу, чтобы ты забрал лопату. Если бы ты оставил ее возле могилы, было бы еще ничего, поскольку тебе все равно придется об этом рассказать. Но ты же не хочешь объяснять копам, как тебя угораздило забыть лопату на выходе из леса?

— Нет.

Мы вышли из закуской, и по дороге на площадку дядя Эм сказал:

— Пока ты этим занимаешься, я переговорю с несколькими парнями из сайд-шоу. Мы ведь не выяснили, чего так перепугался Майор, когда мы отправились искать обезьяну, помнишь? Собирались узнать, боится ли он шимпанзе или дело в другом.

— Мы рассказали об этом Вайссу. Может, он уже все выяснил.

— Вайсс мог попытаться выяснить, но ему трудно узнать всю правду, разве что Майор сам захотел ему рассказать. А я в этом не уверен.

На аллее нас остановили двое полицейских. Мы объяснили им, что нас уже допросили. Указали на копов, с которыми беседовали утром, и те разрешили нам пройти через кордон. Тогда мы разошлись и договорились встретиться у Ли.

Я срезал часть пути по аллее с южной стороны ближе к лесу и нашел лопату. На обратном пути сделал крюк, обогнув ворота с внешней стороны, чтобы у всех на виду не идти по аллее с лопатой в руках, и убрал ее в нашу палатку. Затем переоделся в приличный костюм и сменил обувь, поскольку мы собирались обедать в городе. Утром я так торопился, что взял одежду, в которой был накануне. Это была рабочая одежда, да к тому же вся в грязи — ведь в ней я раскапывал могилу Сьюзи.

Меня ждали дядя Эм и Ли Кэри. Завидев меня, дядя Эм присвистнул:

— Надо же, до чего хорошо одет этот молодой человек!

— Как будто сошел со страницы «Эсквайра», — сказал Ли.

— Мне вернуться и надеть рабочую одежду? — поинтересовался я.

— Некогда, — ответил дядя. — Ли едет в город, может нас подвезти. До начала шоу времени у нас будет предостаточно.

Он стоял спиной к Ли и подмигнул мне. Я не стал спрашивать, о каком шоу идет речь, поскольку не собирался сообщать Ли, для чего мы на самом деле едем в город.

Глава десятая

Мы сели в машину Кэри. Дядя Эм устроился посередине, а я сбоку. Я впервые ехал с Ли и по пути в город обратил внимание на то, что он водит автомобиль столь же ловко, как управляется с картами и монетами. Ли ехал быстро, но аккуратно, и мог проскочить на своей маленькой машине через просветы в потоке транспорта, сквозь которые, на первый взгляд, не протиснулась бы и детская машинка.

Когда мы приближались к городу, дядя Эм спросил:

— Ли, ты, случайно, не знаешь, в каком отеле остановился Майор?

Тот покачал головой, дядя Эм повернулся ко мне и пояснил:

— Майор опять перепугался до смерти. Ли говорит, сегодня он приехал в цирк рано, вскоре после полудня, а потом развернулся, поймал такси и бежал поджав хвост.

— Услышав об убийстве Джигабу?

— Ага. Если это действительно было убийство. Копы не... Ли, высади нас здесь. У меня перед шоу в городе еще кое-какие дела.

Мы вылезли из машины, зашли в универмаг и, пройдя его насквозь, выбрались через противоположные двери в переулок.

— «Максис» в одном квартале отсюда, — сообщил дядя Эм.

— Почему ты хотел избавиться от Ли? — спросил я.

— По многим причинам, парень. Никогда не афишируй свои дела. Если циркачи узнают, что мы встречаемся с Вайссом, некоторые из них перестанут с нами общаться. А если бы я сказал Ли, что мы собираемся завтракать с Этель, он бы наверняка выразил желание составить нам компанию. Если уж мы намерены согласовать ваши с ней рассказы о прошлой ночи... скажем так, ему незачем это слышать.

— Ясно, — кивнул я. — Ты выяснил, что случилось с Джигабу? Как его убили?

— Ли кое-что упоминал об этом, а больше я ни с кем не говорил. Вот «Максис». Подожди, если Этель уже здесь, я не хочу рассказывать дважды, ну а если ее еще нет, то пока будем ждать...

Этель сидела за столиком недалеко от двери и следила за входом. Увидев нас, помахала рукой. Как только мы сели к ней за столик, Этель начала было что-то спрашивать, но дядя Эм прервал ее. К нам приближалась официантка. Мы сделали заказ, и, дождавшись, когда она отойдет, дядя Эм произнес:

— Вот, детки, что я узнал от Ли: Джигабу обнаружили до рассвета, часа в четыре утра. Не на территории цирка, а на дороге. Все выглядело так, словно его сбила машина. Джигабу отвезли в морг как обычную жертву несчастного случая и опознали только к полудню. Родители забеспокоились и...

— Его не было всю ночь? — перебил я. — И они заметили его отсутствие только к полудню?

— Они ночуют где ни попадя. Мальчишка обычно спал в четвертом грузовике вместе с матерью, но она решила, что на сей раз он прилег где-то в другом месте, и не волновалась. Потом она пошла к Мори и сообщила, что Джигабу пропал. Мори решил, что парнишка, возможно, сбежал — он уже проделывал такое в начале сезона, — а отсутствие его нарушает работу танцевального шоу. Мори попросил рабочих и перевозчиков помочь обыскать обычные места и порасспрашивать людей, а когда парнишку не нашли и выяснилось, что никто его не видел, Мори стал звонить по телефону.

— Но ведь должна же быть какая-то причина, — сказал я, — почему полиция считает это убийством? Если бы Джигабу просто сбила машина, на площадку не заявлялась бы рота копов.

Дядя Эм кивнул:

— Разумеется, Эд. Но я знаю не больше, чем рассказал вам. Итак, Этель...

— Да, Эм?

Дядя сообщил Этель, что мы встречаемся с Вайссом — пришлось объяснить, кто такой Вайсс и что он делает в Форт-Уэйне, — и что я собираюсь рассказать Вайссу правду о том, что раскапывал могилу Сьюзи, а также зачем я это делал.

— Если не хочешь быть в этом замешанной, — добавил он, — мы можем сказать, что Эд копал один, а тебе вызвал такси.

Эстель переводила взгляд с меня на Эма и обратно.

— Нет причин скрывать, что я находилась с тобой и светила тебе фонариком. Они ведь ни в чем не могут нас обвинить?

Дядя Эм покачал головой.

— Скорее всего, есть закон, согласно которому нельзя вскрывать могилу человека без официального разрешения. Но на могилу животного он не распространяется.

— Ясно, — кивнула Эстель и посмотрела на меня. — Но ты не станешь ему говорить...

— После того как мы снова закопали могилу, я посадил тебя в такси, — произнес я. — Тебя немного трясло от страха, помнишь?

— Да. Значит, скажем, что я была с тобой.

Официантка принесла нам заказ, и пока мы ели, почти не разговаривали. Потом Эстель сказала, что возвращается на площадку, мы посадили ее в автобус и отправились в отель «Ардмор».

Клерк за стойкой регистрации сообщил, что Вайсс не заходил, но позвонил и просил передать, чтобы мы ждали у него в номере. Клерк дал нам ключ, мы поднялись на лифте и расположились в номере. Дядя Эм сел на кровать, а я шагнул к окну и уставился в него, хотя ничего, кроме широкого вентиляционного отверстия, там видно не было. Мы молчали. Вскоре я услышал, как у меня за спиной открывается дверь. Обернувшись, я увидел Вайсса. У него был усталый вид, и, судя по всему, ему было жарко.

— Привет, — промолвил он.

Вайсс снял шляпу и пиджак и расстегнул жилет. Затем сел за стол и взял телефон. Он заказал обслуживание в номер и попросил пятую часть «Сигрема» и пару лишних стаканов.

Мне показалось это странным: ведь Вайсс только что шел мимо, почему бы самому не взять бутылку? Видимо, прочитав мои мысли, он, положив трубку, повернулся ко мне и объяснил:

— Так дешевле. Если он включен в отельный счет (а я прошу отель не перечислять заказы по пунктам), то за него платит департамент.

Вайсс улыбнулся и, откинувшись на стуле, прислонился к столу:

— У вас есть что-нибудь новое, Эм?

— Может быть, — ответил дядя Эм. — А может, и нет. С парнем вчера забавная история приключилась. Он сам вам расскажет.

Я начал с того, как мы с дядей Эмом пошли к Ли, — и что там была Эстель, — и как я посмотрел в окно, и описал, что я там увидел, или, по крайней мере, что мне почудилось. Я осторожно подбирал слова, стараясь не сгущать краски, но и не слишком упрощать.

Пару раз Вайсс перебил меня вопросами, но в основном слушал молча, давая мне возможность рассказывать все по-своему. Когда я объяснил, как мне пришла в голову идея проверить, действительно ли Сьюзи лежит в могиле, то есть там, где ей положено быть, он поинтересовался:

— Почему? Ты думал, она оттуда выбралась?

— Не знаю, о чем именно я думал. Просто увидел шимпанзе, а Сьюзи была единственной шимпанзе на всю округу. Я хотел убедиться, что это не Сьюзи. Ведь о том, что она мертва, я слышал только от других людей...

Вайсс усмехнулся:

— От нескольких тысяч других людей. Хорошо, значит, вы с этой Эстель — говоришь, ее фамилия Бек? — отправились в лес и раскопали могилу. И что?

— Сьюзи оказалась там. Я снова засыпал могилу, и на этом все закончилось.

Вайсс провел рукой по редующим волосам.

— Насколько я понял, обезьяну хоронили завернутой в парусину. Ты разворачивал парусину, чтобы убедиться, что под ней?

Я ожидал, что он задаст этот вопрос, поэтому улыбнулся.

— Думаете, она сама раскопала могилу и оставила в парусине нечто другое?

Полицейский засопел.

— Да, — кивнул я, — я разворачивал парусину. Это была Сьюзи. Если уж быть совсем точным, я не знаю наверняка, была ли это Сьюзи. Но там лежала шимпанзе, и она была мертва.

— Самка?

— Я с ней в интимные связи не вступал.

— На каком уровне от земли находится окно фургона? Чтобы заглянуть в него, человеку надо на что-нибудь встать?

— Человеку — нет. А вот шимпанзе пришлось бы на что-нибудь встать, но там было кое-что, на что она могла бы забраться. — Я рассказал ему про ящик, который обнаружил возле фургона.

— Этот ящик все еще там, — произнес дядя Эм. — Я проверил. И спросил о нем Ли. Тот сказал, что ящик стоял там до вчерашнего дня. Так что его положили не для того, чтобы помочь шимпанзе заглянуть в окно.

— Пустой ящик?

— Да. В начале недели в нем привезли вещи из магазина для фокусников, где закупается Ли. Двадцать grossов старой одежды, которую Ли передает сайд-шоу, и всякие вещи для него самого.

— Например, обезьяний костюм?

Дядя Эм пожал плечами:

— Я не спрашивал.

— Вы ошибаетесь, — возразил я. — Это была не иллюзия — в смысле, не костюм. Это была...

Вайсс поднял руку, и я замолчал. Я не слышал звука шагов в коридоре, но раздался стук в дверь. Вайсс крикнул:

— Войдите! — И коридорный принес виски и стаканы.

Когда он ушел, Вайсс предложил нам выпивку. Я попросил его налить мне поменьше. Он подал мне стакан и сказал:

— Эд, ты что-то говорил про иллюзии.

— Это была не иллюзия, готов поспорить. Может, это был — хотя я уверен, что нет, — обман зрения: иногда бегло взглянешь на что-то и думаешь, что знаешь, что это, пока не посмотришь второй раз.

Вайсс кивнул:

— Со мной случалось подобное. Увидишь дома в коридоре человека, а потом взглянешь еще раз, а это, оказывается, пальто на вешалке, а поверх него шляпа. На долю секунды разум и воображение подсказывают недостающие детали.

— Это было не то же самое. Прежде всего, я... ну, наверное, я смотрел на нее секунду или даже две. Конечно, я сидел от окна на расстоянии примерно фута, а на улице было темно. Единственным источником света было тусклое освещение из фургона. Возможно, в окно заглядывал человек, но вряд ли.

— Может, это был кто-то из цветных? У вас в цирке их полно. Игра света...

— Не исключено, — заметил дядя Эм. — Парень не склонен к выдумкам. В общем, вот вся история, делайте с ней, что хотите.

Вайсс снова провел рукой по волосам:

— Спасибо. Если что и требовалось, чтобы окончательно свести меня с ума, так это ваша история. Но все равно благодарю. Еще виски?

Дядя Эм согласился, а я покачал головой. Вайсс налил себе полный стакан и поставил его на стол, даже не пригубив. Затем сел на стул и сказал:

— Можно посмотреть на данное дело в ином ракурсе. Майор Моут, чье настоящее имя, если это имеет какое-то значение, — Джозеф Дэнтон.

— Я как раз собирался вам рассказать, кэп! — воскликнул дядя Эм. — Он опять чего-то боится. Явился сегодня в цирк около полудня и...

— Я знаю, — перебил Вайсс. — Я имел в виду другую ночь. Он ведь перепугался тогда в фургоне Ли Кэри так же, как Эд прошлой ночью. Может, обезьяна заглянула в то же окно?

Я посмотрел на дядю Эма. Тот раскрыл рот от удивления.

— Сьюзи к тому времени уже, скорее всего, утонула, — заметил я. — Неизвестно, как долго она была мертва, и...

— Прошлой ночью Сьюзи точно была мертва, — заявил Вайсс. — Так почему Майор не мог увидеть то же самое, что и ты?

Прежде чем ответить, я попытался восстановить в памяти события той ночи.

— Нет, — наконец произнес я. — Вряд ли он что-то видел. Дело в том, что в дверях появилась Мардж и сообщила об исчезновении Сьюзи. В тот момент я как раз смотрел на Майора, с ним все было в порядке. Он просто сидел на краю койки и казался каким-то мрачным. Пока Мардж рассказывала нам, что Сьюзи сбежала, и просила помочь организовать поиски, мы все, естественно, смотрели на нее, и Майор тоже. Потом, когда через минуту Мардж собралась уходить, я опять взглянул на Майора и увидел, что он прямо в ужасе. Он перепугался только после того, как услышал слова Мардж.

— Что ж, — вздохнул Вайсс, — хорошая у меня была версия. — Он взял со стола виски и залпом осушил его.

— Теперь ваша очередь, — сказал дядя Эм. — О том, чего мы не знаем о смерти Джигабу, можно написать целую книгу приличного объема.

Вайсс усмехнулся:

— Принесите мне эту книгу, Эм, и я на ней распишусь. Что именно вам известно?

Дядя Эм рассказал.

— Это почти все, — кивнул Вайсс. — Его нашли на Дейн-роуд, за чертой города. Это примерно в миле от цирка. Но дорога не идет мимо цирка. Рано утром — если точно, в четыре десять — Джигабу заметил автомобилист. Мальчишка лежал на обочине. Водитель остановился, увидел, что мальчишка мертв, поэтому не стал пытаться поскорее доставить его в больницу или еще куда. Он оставил там машину, чтобы никто не переехал труп, и отправился искать место, откуда можно было позвонить. Дозвонился в офис шерифа, оттуда на место происшествия выслали полицейских и машину. Была в этом деле одна странность: на мальчишке не было никакой одежды. Он лежал в чем мать родила.

Дядя Эм тихо выругался.

— Как лилипут, которого убили в цирке, — заметил я, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

— В принципе, за исключением этой странности, все выглядело как обычный несчастный случай. Причина смерти — травма черепа. На теле были и другие синяки и ушибы. На дороге кровь. Все указывает на то, что мальчишка просто шел по обочине и его сбил автомобиль. Вот только зачем кому бы то ни было — пусть даже семилетнему мальчишке — идти вдоль дороги совершенно голым? В общем, его отвезли в морг, и там предположили, что, может, мальчишка жил где-то неподалеку, страдал лунатизмом и бродил во сне. Цирк от той дороги далековато, поэтому никто не увидел никакой связи между ним и сбитым парнем. Служащие конторы шерифа составили рапорт в полицию, в котором говорилось, что если кто станет интересоваться мальчиком-негритенком, то он у них. Если они и упомянули отсутствие одежды, в полиции это проглядели, или об этом вообще не сообщили куда следует. Городской-то полиции известно о деле Лона Стаффолда, и они приглядывали за цирком. Очередной голый труп — и они помчались бы в цирк, без вопросов. Но никто не связал два дела до тех пор, пока из цирка, от Мори, не поступил звонок. Он спрашивал, не находили ли где негритенка. Вот и вся история.

— Это то, что произошло до начала расследования, — произнес дядя Эм. — А дальше?

— Ничего. В цирке не было никого — а полиция поговорила со всеми, — кто бы видел мальчишку после полуночи. Точнее, после одиннадцати сорока пяти, когда закончилось его шоу. Никто в цирке не волновался о нем и не пытался искать его до утра, так что мы не знаем, находился ли он на площадке до четырех утра или же ушел — либо его увели — в полночь. Конечно, коронер осмотрел тело, чтобы составить свидетельство о смерти. Это было уже около пяти утра. Говорит, мальчишка к тому времени был мертв уже час или два. Соответственно, время смерти — между тремя и четырьмя утра. В это время на дороге мало транспорта. Он мог лежать там с трех утра — в течение часа и десяти минут до того, как его обнаружили. Но вряд ли. Скорее всего, его убили там — или бросили там — около четырех утра, а минут через десять его нашли.

— А одежда? — спросил я.

— Это единственная интересная деталь, которую удалось установить в ходе расследования, Эд. Его одежда, то есть комбинезон, осталась в четвертом грузовике, где он обычно спал, прямо в цирке. Как будто...

— А что с костюмом для шоу и обувью для чечетки?

— Джигабу переоделся в шатре, где проходит танцевальное шоу, и надел комбинезон. Тогда-то его и видели в последний раз — и сразу несколько человек, все, кто принимал участие в шоу. А потом... ну, его комбинезон все еще в грузовике. Все указывает на то, что мальчишка вернулся туда и лег спать. А потом снова встал и ушел, раздетый, или кто-то или что-то вытащило его из постели, если можно назвать постелью свернутые одеяла.

— Что вы имеете в виду?

— Например, шимпанзе могла унести ребенка, разве нет? И ты ведь видел ее на площадке вчера ночью?

Дядя Эм откашлялся и сказал:

— Не стоит вам больше пить, Вайсс. Вы говорите так, словно это двойной сеанс фильмов ужасов. У меня от вас мурашки по коже. Давайте выпьем-ка по последней, раз это за счет налогоплательщиков.

Вайсс налил всем по стаканчику. Я подошел со стаканом к окну и уставился в сторону вентиляционного отверстия. Дядя Эм встал с кровати. Я слышал, как он вышагивает между кроватью и дверью.

— По поводу Майора, — произнес он. — Вы знаете, в каком отеле он остановился?

— Ни в каком, — ответил Вайсс. — Майор удрал. Если уж Сьюзи его напугала, то то, что произошло с Джигабу, ввергло Майора в настоящий ужас. Мы выяснили, что он приехал в отель на такси, велел водителю подождать, пока соберет вещи, и выписался из отеля. Клерк говорит, он едва дышал. Наспех покидал вещи в машину и отправился на вокзал. Но лилипута легко отследить. Мы выяснили, что он направился в Сент-Луис, и послали сообщение, чтобы его там задержали.

— Майор не мог убить Джигабу, — сказал я. — Он не смог бы отнести его так далеко. И он не водит машину.

— Не водит или не умеет?

— У него нет автомобиля. И он не смог бы водить обычную машину. В смысле, Майор не достанет ногами до педалей и ничего не увидит, если не встанет на сиденье хотя бы на колени.

— Ну, мы его задержим не по поводу смерти мальчишки. Хотим узнать, чего он так боится. — Вайсс мрачно уставился в потолок. — Хотя вряд ли это что-нибудь означает. В этом чертовом деле ничто не имеет значения.

— Жаль, что убийца не оставил вам своего имени, — усмехнулся дядя Эм.

Я отошел от окна и сел на кровать. У меня как будто что-то застряло между зубами, и я стал рыться в карманах в поисках зубочистки. Зубочистку я не нашел, но в нижнем правом кармане пальцы нащупали какой-то маленький гладкий предмет. Заинтересовавшись, что это может быть, я вытащил вещь — это оказался крошечный красный кубик, его дал мне Ли, одна из пары игровых костей, вторая из которой потерялась. Я принялся бросать кубик на покрывало, чтобы посмотреть, не шулерский ли он.

— Где ты это взял, парень? — спросил дядя Эм.

Я объяснил, и он снова начал вышагивать по номеру.

— Вайсс, — сказал дядя, — если предположить, что смерть Сьюзи укладывается в шаблон, тогда во всех трех убийствах есть две общие детали.

Полицейский нахмурился:

— Ну, одна из них — это то, что все жертвы были раздеты. Хотя вряд ли можно было ожидать, что шимпанзе что-либо наденет. А вторая?

Дядя указал на меня:

— Посмотрите, во что играет парень. Это вам подскажет.

— И что с того? — удивился Вайсс. — Это кости.

— Это кость. Один кубик из пары — это кость. Маленькая кость. Стаффолд — Сьюзи — Джигабу. Лилипут, обезьяна, ребенок. Они все были одного роста, разве что с разницей в один дюйм.

— Будь я проклят! — воскликнул Вайсс.

Я снова бросил маленькую кость. Теперь я был уверен, что она не шулерская. Я закрыл глаза. В голове крутилась какая-то смутная, едва уловимая мысль, на которой, как мне казалось, важно

было сосредоточиться, но никак не удавалось. Я напрягся, стараясь ухватить эту мысль, но она ускользнула от меня.

— Пойдем, Эд, — произнес дядя Эм. — Нам пора.

Глава одиннадцатая

Ночью танцевальное шоу закрылось. Остальные аттракционы работали по расписанию, но мало что делали. Всех циркачей охватило волнение. Я недоумевал, почему зрители не валят толпами, как было в Эвансвилле после первого убийства. Тогда в цирке возникло столпотворение. Я спросил об этом дядю Эма.

— Черт возьми, парень, — сказал он. — Да вряд ли люди знают, что произошло убийство. Смерть Джигабу выглядела как несчастный случай — по крайней мере, изначально. Вероятно, именно так эту историю передали в газеты.

— Я бы хотел купить газету и почитать.

— Давай. И можешь не возвращаться. Наверное, я вообще закрою киоск. Черт с ним.

Я пошел в ближайшую аптеку и купил вечернюю газету. Заказал солодовое молоко и, пока клерк готовил его, искал заметку о гибели Джигабу.

На первой полосе ничего не было. Я обнаружил ее на второй странице, размером примерно четыре дюйма газетной колонки. Об убийстве или о том, что мальчишку обнаружили голым, там не упоминалось. Не говорилось даже о том, что это был Джигабу, вундеркинд из цирка шапито. Он фигурировал только как Букер Т. Brent, 7, чернокожий, из цирка Дж. С. Хобарта. Общие сведения, никаких деталей.

Вернувшись на площадку, я сказал дяде Эму, что он оказался прав, и спросил, почему копы не сообщили обо всем в газету. Дядя пожал плечами:

— Просто осторожничают, Эд. Полицейские любят осторожничать, даже когда сами не знают, зачем это делают. И чем дольше им удается держать что-либо в секрете, тем больше они растут в собственных глазах. Это дает им почувствовать себя умными.

— Если ты умнее копов, то кто убил Джигабу?

— Не знаю, Эд.

— Я думаю, мы можем это выяснить. Ты ведь работал сыщиком.

— Эд, я работал в частном детективном агентстве, вот и все. Отслеживал тех, кто скрывался от налоговой, наводил справки, кое за кем следил. И это было давным-давно.

— Значит, теперь ты стал умнее. Seriously, почему бы и нет?

Дядя Эм нахмурился:

— Мне казалось, Эд, что еще пару дней назад ты выражал недовольство по поводу просьбы Вайсса держать ухо востро и сообщать ему обо всех замеченных тобой странностях.

— Я ошибался. Ты сам мне так сказал. Наверное, мы оба ошибались с самого начала, когда ты заявил мне, что это не наше дело, а я с тобой согласился. Только твоя ситуация хуже, потому что ты мог бы что-то с этим сделать.

— Кто я, по-твоему, черт подери, парень? Какой-нибудь Шерлок Холмс или Фило Вэнс?

Похоже, я его рассердил. Такое происходило чуть ли не впервые с тех пор, как я стал жить с ним. У дяди Эма самый легкий характер из всех, кого я знаю. Его трудно вывести из себя. Я сидел за прилавком и молчал. Это, видимо, еще сильнее его разозлило.

— Черт возьми, Эд, — сказал он, — полиции платят за работу над убийствами. Зачем мне совать шею в петлю, выполняя за них работу? Даже если бы я мог.

— Но ведь ты можешь, — промолвил я, не глядя на него. — Допустим, нас не касалось убийство незнакомого лилипута. Но если бы тогда мы занялись этим делом, возможно, сегодня танцевальное шоу работало бы. Оно бы работало, а на рекламной сцене танцевал бы Джигабу.

— Черт бы тебя побрал, Эд...

Перед киоском остановился посетитель, какой-то парень с набриолиненными волосами и бутоньеркой в петле.

— Какой приз получаешь, если собьешь все... — начал он.

— Идите к черту, — сквозь зубы процедил дядя Эм. — У нас закрыто.

Посетитель возмущенно посмотрел на него, будто собирался нарваться на драку, но дядя Эм ответил не менее гневным взглядом, в котором явно читался вызов — мол, давай, попробуй, и парень убрался восвояси.

— Он тебя испугался, — усмехнулся я. — Во всем виновата твоя черная шляпа и то, как ты ее носишь. Она придает тебе зловещий вид.

Я не смотрел на него. Наверное, сказав это, я и сам немного испугался. Сидя на низком прилавке киоска, я пытался жонглировать тремя бейсбольными мячами, но у меня ничего не получалось. Один из них я уронил. Он отскочил от моей ноги и укатился к возвышению, на котором стояли бутылки из-под молока. Я не стал его подбирать.

Возможно, на этом мы с дядей Эмом и расстанемся, подумал я, чувствуя себя ужасно. Внутри словно образовалась пустота.

— Ты сердишься, потому что знаешь, что я прав, — произнес я. — У тебя есть мозги. Куда больше, чем у этих копов-деревенщин. Даже больше, чем у Армина Вайсса. И ты в гуще событий, а не заглядываешь снаружи, как это делают они. Может, ты бы и не выяснил, кто пришел лилипута и Сюзи. — Я по-прежнему не смотрел на него. — Но можно же было хотя бы попытаться, вместо того чтобы играть в рамми в Джи-топ. Ко мне это тоже относится. Мы должны были попробовать, даже если это не наше дело. И если бы мы этим занялись, вероятно, Джигабу не погиб бы вчера ночью. Разве ты не понимаешь?

Мы оба долго молчали, может, минуту или чуть меньше, но казалось, будто прошел год. А потом перед киоском остановился еще один посетитель. Я услышал, как он начал что-то говорить, но дядя Эм перебил его:

— Прошу прощения, мы закрываемся.

В голосе его больше не звучало раздражения. Он говорил нормально, даже без преувеличенного спокойствия, которое всегда чувствуется, когда пытаешься подавить злость. Голос был естественным, а это означало, что дядя уже принял решение. Я имею в виду, он мог сказать: «Хорошо, парень, если подобные мысли не дают тебе покоя, нам лучше разойтись». Или...

Или мог сказать то, что сказал, когда отошел посетитель:

— Ладно, Эд. С чего начнем?

Итак, все в порядке. Я встал, подобрал мяч, который откатился назад, и вернулся с ним на место. Посмотрев на дядю, я увидел, что он широко улыбается.

— Насчет шляпы, парень, — сказал дядя Эм. — Как я выгляжу более зловеще: вот так или если опустить поля? Вот так?

Он опустил поля, но с этой улыбочкой на физиономии все равно выглядел так же зловеще, как Порки Пиг. Я постарался, чтобы на лице у меня не отразились эти мысли, но, судя по всему, получилось у меня плохо. Когда мне снова удалось вернуть разговор в серьезное русло, я сказал:

— Дядя Эм, я не имел в виду, что нам нужно закрыть лавочку и все свое время посвятить расследованию. Но давай использовать глаза и мозги. Что касается того, с чего нам начинать, я надеялся, тебе придет в голову какая-нибудь идея. Оставим эту тему до закрытия цирка, а потом обсудим и посмотрим, не появится ли у нас какая-нибудь версия.

— Конечно, Эд. Но сегодня мне все равно не хочется работать. Давай сворачиваться. Не так уж много мы потеряем.

— Ладно.

Только я протянул руку, чтобы опустить полотно, как вдруг кто-то произнес:

— Привет, Эд!

Я поднял голову. Это был Армин Вайсс.

— Заходите, — предложил дядя Эм.

Вайсс вошел, и я опустил полотно так, что мы все трое оказались за ним. Вайсс присел на прилавок спиной к полотну и спросил:

— Зачем вы закрываетесь?

— Мы не страдаем чрезмерными амбициями, — ответил дядя Эм. — Просто не тянет работать.

Вайсс вздохнул:

— Хороша жизнь в цирке.

— Что нового? — поинтересовался я.

— Ничего особенного. Парни в Сент-Луисе задержали вашего Майора Моута, когда он сошел с поезда, но лилипут отказывается возвращаться в цирк.

— Неужели?

— Добровольно — ни в какую. Выпрямился во весь свой небольшой рост и нанял адвоката. Придется получать ордер на выдачу, если хотим вернуть его. Мне будет проще поехать туда и пообщаться с ним. Хотя, так или иначе, пользы от этого никакой.

— Он согласен?

— Да, ответит на любые наши вопросы. Парни из Сент-Луиса поднесли его к телефону — или поднесли ему телефон, — и он говорил. Твердил, что вернется в цирк или вообще в этот штат только через свой труп. Телефонная компания заработала немало денег, учитывая, сколько раз он по-разному повторил эту мысль.

— А почему Майор Моут сбежал? Об этом он рассказал?

— Мол, испугался, что следующим прикончат его. Кстати, утверждал, что панически боится обезьян.

— Что еще он сказал? — спросил я. — Почему он боится, что его прикончат?

— Жутко испугался, когда в цирке обнаружили мертвого лилипута. Не то чтобы он решил, будто кто-то специально взялся истреблять лилипутов, однако... Ну, Майор Моут там у вас единственный лилипут, и когда объявился еще один — с ножом в спине, сильно забеспокоился, что он следующий. Более внятно объяснить причины своих страхов он не смог. По-прежнему клянется, что не знал Лона Стаффорда, убитого лилипута, никогда его не видел и ничего о нем не слышал. Потом Сьюзи вырвалась на свободу, и он испугался по другой причине. Панически боится обезьян, и его малый рост здесь ни при чем. Ведь некоторые боятся кошек или змей. Говорит, он потому и работает в шапито, а не в настоящем цирке: во всех больших цирках держат обезьян. Якобы едва не уволился, когда Хоуги купил Сьюзи, но решил доработать до конца сезона.

— Но когда Сьюзи нашли мертвой, — сказал я, — это ведь решило его проблему, тогда почему он сбежал сегодня? Я-то видел — или думал, что видел, — прошлой ночью другую шимпанзе, но Майор Моут не мог об этом узнать. Об этом никто не знает, кроме... вас, дяди Эма, Эстель и меня. А вы не спрашивали, видел ли он что-нибудь прошлой ночью?

— Разумеется. Нет, лилипут клянется, что прошлой ночью ничего не произошло. Он поехал в город сразу после закрытия сайд-шоу. И я ему верю — по крайней мере, верю, что вчера ночью он не видел ничего такого, что заметил ты, иначе он бы вообще сегодня не приехал на площадку. А мы знаем, что лилипут приезжал.

— А потом бежал из города.

— Ага, когда узнал, что Джигабу убили. Он даже не спросил, как или почему. Просто раньше нас додумался до той мысли, которая пришла вам с дядей в голову сегодня днем. Три смерти в цирке в течение двух недель, и все жертвы одного роста. Его роста. Он просто не захотел оставаться, чтобы выяснить, все ли на этом закончилось или будут еще жертвы.

— У него есть какие-нибудь идеи?

— Еще бы! — воскликнул Вайсс. — Он полагает, что убийца — маньяк, одержимый выбором жертв по росту, какой-то псих, который преследует цирк и вместе с ним переезжает из города в город.

— Призрак цирка.

— Может, в чем-то он и прав, — заметил дядя Эм. — Одна деталь свидетельствует в пользу данной версии: то, что первый лилипут был не из цирка. Может, посторонний привел собственного лилипута. Ведь лилипут и сам был посторонним... Нет, черт возьми, это тоже бессмысленно.

— Да тут все бессмысленно, — вздохнул Вайсс. — Что ж, я, пожалуй, пойду. Мне еще с другими надо поговорить. Не знаю, зачем или о чем, но надо же как-то на жизнь зарабатывать.

— Вы едете в Сент-Луис? — спросил я.

— Вероятно. Не знаю, что я мог бы вытянуть из лилипута при личной встрече, ведь все уже было сказано по телефону. Разве что у меня появятся к нему новые вопросы. Только вот если у него в Сент-Луисе есть адвокат, копы не могут его долго удерживать, а если я все-таки захочу с ним пообщаться, придется ехать за ним во Флориду.

— Во Флориду? Если он направляется во Флориду, разве Сент-Луис ему по пути? — удивился дядя Эм.

— Ему безразлично. Он просто сел в первый поезд из Форт-Уэйна. Он бы поехал во Флориду хоть через Канаду, лишь бы отсюда выбраться. Говорит, кошелек у него полон и он больше не будет работать в этом году. Судя по всему, цирк Дж. С. Хобарта ему разонравился.

— Может, он и прав, — заметил я.

— Я его понимаю. Кстати, дознание по делу этого паренька, Брента, начнется завтра утром в десять часов, в центре. Вам не нужно приходить, вы не свидетели. Черт возьми, там и свидетелей-то не будет, разве что его родители для опознания, парень, который нашел мальчишку на обочине дороги, и врач-коронер, оформлявший свидетельство о смерти.

— Вы хотите, чтобы мы пришли? — спросил я.

— Нет. Как отсюда выбраться?

— Приподнимите боковую стенку.

— Похороны мальчишки Брента завтра днем, в три часа. Морг Уайли, негритянское крыло на восточной стороне. Гроб закрытый. Что ж, мне пора к Мори. До встречи.

Вайсс нагнулся и выскользнул из-под боковой стены.

— Ну, Эд? — сказал дядя Эм.

— Выбор за тобой, — промолвил я.

— Пошли к Кэри! Между выступлениями он, как обычно, будет мотаться туда-сюда. Можно и в палатке поговорить или даже здесь, но... наверное, у меня нервишки шалют, как у Майора, но такое ощущение, будто нас снаружи кто-то подслушивал. Лучше отгородиться стеной, а не тряпкой, пусть даже стеной фургона.

Когда мы шли по аллее, я вдруг остановился.

— Цветы, — произнес он. — Эд, нужно купить цветы для Джигабу. Сколько сейчас времени?

— Восемь. А завтра нельзя?

— Лучше сегодня. Если поздно ляжем, можем поздно встать. В городе еще работают цветочные лавки. Возьмешь такси, съездишь?

— Конечно, — кивнул я. — Когда вернусь, где тебя искать? У Ли?

— Да. Вот тебе двадцатка. Купи что-нибудь хорошее от нас обоих. Напиши только имена — Эд и Эм.

— Какие цветы взять?

— Какие угодно, только чтобы... Купи яркие. Он любил яркие цвета. Красные розы или что-нибудь еще красное, как тот красный костюмчик, в котором он танцевал. Пошли. Провожу тебя до такси.

Мы направились в сторону главных ворот, а не к фургону Кэри. Хорошо, что дядя вспомнил про цветы. Сам бы я не додумался до этого даже завтра. Когда мы добрались до ворот, напротив затормозило такси.

Я поехал на нем в центр города и попросил водителя найти мне цветочную лавку, которая еще открыта. Заказал красные розы на сумму двадцать пять долларов, потому что раз там будут оба наших имени, я хотел оплатить часть заказа. Затем в холле отеля я разменял деньги на мелочь у стойки и вошел в телефонную будку. Я позвонил в отель, в котором жила в Индианаполисе Рита, и мне повезло: она была у себя и взяла трубку.

— Как приятно слышать твой голос, Рита, — произнес я. — Мы так давно с тобой не разговаривали... Как отец?

После секундного молчания она ответила:

— Он вчера умер, Эд. Сегодня днем состоялись похороны.

— Мне... очень жаль, Рита. Почему ты не позвонила? Я бы приехал.

— Я думала об этом, но решила, что не стоит, Эд. Ты бы ничего не смог сделать... в конце концов, ты его не знал и вообще никогда с ним не виделся.

— Когда ты возвращаешься?

— Завтра вечером, Эдди. Кажется, поезд прибывает около семи часов. Хочешь меня встретить?

— Почему не сегодня вечером, Рита? Зачем ждать до завтра?

— У меня тут кое-какие дела. Надо оплатить счета... и тому подобное. Перед отъездом хочу со всем разобраться.

— Тебе нужны деньги?

— Нет! Оказывается, у отца была страховка, о которой он молчал. Я знала, что у мамы был полис, причем на крупную сумму, но думала, что после ее смерти он все потратил. Наверное, отец бы и потратил, если бы смог, но она так все оформила, что он не мог получить эти деньги. А перед смертью она сделала это оплаченным страхованием и указала меня в качестве выгодоприобретателя, в случае если она умрет раньше.

— Это хорошо.

Если бы Рите нужны были деньги, я бы отдал ей все свое состояние, даже продал бы тромбон и занял бы у дяди Эма, но все же я был рад, что не придется этого делать.

— Эдди, приятно будет снова тебя увидеть. Жаль, что ты сейчас не здесь или я не там.

— Я мог бы... — начал я, но вовремя остановился. Я хотел сказать, что могу поехать сегодня в Индианаполис и вернуться с ней завтра вечером, и готов был правую руку отдать за то, чтобы так и сделать. Но после того как я вынудил дядю Эма расследовать убийства, я не мог взять и бросить его сегодня. Поэтому я сдержался и промолвил: — Мне тоже очень жаль, Рита.

— Но... ты не приезжай, Эдди. Если ты об этом подумал. Будет неправильно, если мы... будем вместе сразу после смерти моего отца. Даже когда я вернусь, сразу нельзя... Понимаешь, Эдди?

— Конечно.

— Ждать не очень долго, может, неделю. После того, как я снова вернусь.

— Снова?

— Завтра вечером я приеду только забрать вещи, которые оставила в цирке, повидаться с тобой и поговорить с Мори. А потом, если все будет в порядке, мне нужно съездить в Чикаго.

— В Чикаго?

— Ты мне напоминаешь эхо, Эдди. Послушай, я не могу рассказывать по телефону, но, поверь, для нас с тобой все сложится просто прекрасно. Ты с ума сойдешь.

— Ты меня уже с ума свела, — заметил я. — Так или иначе.

— Придешь на вокзал? Поезд прибывает около семи, я не помню...

— Я выясню. Обязательно приду.

— Хорошо, Эдди. Любишь меня немножечко?

— Немножечко.

— Тогда пока.

— Пока, Рита.

В эту минуту менее всего я думал о расследовании убийства, слишком хорошо мне было. Совсем не хотелось идти к Ли и искать там дядю Эма. Конечно, я мечтал поехать в Индианаполис, но раз уж это невозможно, я бы предпочел вернуться к нам в палатку и поиграть на тромбоне. Настроение для этого было самое подходящее. Я чувствовал, что именно сейчас сумею что-нибудь сотворить, а тромбон что-нибудь сотворит со мной.

Но я, разумеется, пошел к Ли, где застал дядю Эма и Хоуги.

Судя по виду дяди Эма, он пока не приложил особых усилий для расследования убийств. Они с Хоуги играли в рамми. На столе стояла бутылка, но оба выглядели достаточно трезвыми и поглощенными игрой. Я взглянул на таблицу счета и увидел, что Хоуги немного впереди. Я сообщил дяде Эму, что позаботился о цветах, а Хоуги сказал:

— Эд, жаль, я не знал, куда ты поехал. Ты бы мог и от моего имени послать цветы. Что ж, все равно завтра утром я, наверное, буду в городе.

— На дознании? — уточнил я.

— А ты едешь, Эм?

— Нет. — Дядя открыл карты. — Четыре очка.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул Хоуги. Он открыл собственные карты и принялся считать.

Я включил радио и нашел хорошую музыку. Убавив громкость, чтобы никому не мешать, я откинулся в кресле и стал слушать. Сквозь звуки музыки я слышал, как Хоуги снова стукнул по столу и на сей раз вышел из игры. Дядя Эм подсчитал финальный счет и заплатил шесть долларов и двадцать центов. Новую партию они начинать не стали. Дядя Эм закурил.

— Хоуги, — произнес он, — мы пытались выяснить, кто тут убивает. Что ты об этом думаешь?

— Ну... Я не знал лилипута, так что меня не очень волнует, кто его убил. Но если мальчишку действительно прикончили, а не просто сбила машина, то того, кто это сделал, надо поджарить. Я бы не хотел помогать копам, однако...

— Его убили, Хоуги. Это не несчастный случай.

Тот наклонился вперед:

— Ходят такие слухи, но почему? В смысле, раз его нашли на обочине дороги, с чего вы взяли, что его не сбила машина?

— Одежда. Мальчишка был голый, как и лилипут. Вот что их связывает. А... как насчет Сьюзи?

— Сьюзи? — удивился Хоуги. — Что ты имеешь в виду, Эм?

— Кажется, что она случайно выбралась и утонула. Но кое-что может связать ее с этим делом. Лон Стаффолд, Сьюзи и Джигабу были одного роста. Они погибли насильственной смертью в течение двух недель. Так что даже если гибель Сьюзи выглядит как несчастный случай, это странное совпадение, не правда ли?

Хоуги сделал глоток из бутылки, которую держал в руке с тех пор, как Эм подал ее ему. Затем поставил бутылку на стол.

— Это безумие, Эм! — воскликнул он. — Зачем кому-то убивать... Черт возьми, чистой воды безумие. К чему ты клонишь? Что это сделал маньяк-убийца?

— Я так не думаю. Послушай, Хоуги, когда ты осматривал клетку, из которой сбежала Сьюзи, и помогал вытаскивать ее тело из бассейна, тебе, конечно, и в голову не могло прийти, что это не несчастный случай. Но теперь подумай, что это хотя бы возможно. Ты заметил что-нибудь, что указывало бы на то, что это... не несчастный случай?

Хоуги медленно покачал головой, а потом ответил:

— Я кое-что припоминаю. Тогда не обратил внимания, но...

Я потянулся через стол и выключил радио.

— Я заметил это, когда помогал вытаскивать Сьюзи из бассейна, — продолжил Хоуги. — Я держал ее за передние лапы, мокрая шерсть прилипла к коже и в одном месте как бы раздвинулась. Я увидел пару маленьких красных отметин, похожих на следы от укусов.

— Ты ей ничего не колот? — спросил дядя Эм.

— Нет. Давал только таблетки. Помню, я тогда на мгновение задумался, делал ли обезьяне кто-нибудь укол, но это показалось таким бредом, что я решил, будто она укололась о какую-нибудь щепку на решетках клетки. Черт возьми, Эм, я и сейчас так считаю. Это глупо! Зачем кому-то убивать Сьюзи?

— А какого черта кто-то захотел убить Джигабу? — усмехнулся я. — Одно не глупее другого.

Дядя Эм кивнул, потом посмотрел на меня и сказал:

— Расскажи ему, Эд.

Я сообщил Хоуги о прошлой ночи, о том, что я видел в окно. Нет, челюсть у него не отвисла, но рот слегка приоткрылся. Он обернулся и посмотрел в окно, расположенное у него за спиной, словно ожидал увидеть там нечто, что заглядывало бы в фургон.

Но там ничего не было.

Глава двенадцатая

Ли Кэри пришел в четверть одиннадцатого. Он сделал быстрый глоток виски из бутылки, сел, взял со стола колоду карт и принялся их тасовать.

— До меня дошли слухи, Эм, — сказал он, — будто бы Мори собирается продавать цирк.

— Черт возьми! — воскликнул дядя Эм. — Это точно?

— Сам знаешь, как рождаются такие слухи.

— А может, и правда, Эм, — заметил Хоуги. — Мори давно поговаривал о том, чтобы отойти от дел.

— Мори принадлежит весь цирк? — спросил я.

Хоуги покачал головой:

— Часть все еще принадлежит старику Хобарту. Он оставил ее за собой, когда ушел на покой. Но у Мори контрольный пакет. Зачем ты выключил радио, Эд? Там была хорошая музыка.

Я снова включил радио. Пока разогревались лампы, я смотрел, как Ли перекачивает карты из одной руки в другую. Потом снова нашел хорошую музыку, но сделал потише, чтобы она звучала фоном, поскольку не хотелось пропустить разговор, если он продолжится.

Выходило, что его может и не быть. Дядя Эм шагнул к двери и выглянул наружу. Затем открыл фанерную дверь и выбросил в темноту окурочок.

— Холодно, — промолвил он.

Это известие никого особенно не взволновало, и дядя, отойдя от двери, сел на койку. Прикрыв глаза, он откинулся к стене фургона. Я попытался угадать, чем он в данный момент занят: слушает музыку, думает или спит. Могло быть что угодно.

«Только напрасно потеряли вечер», — подумал я. Выяснили один маленький факт, если это, конечно, действительно факт, а не разыгранное воображение Хоуги: у Сьюзи на лапе были следы от укусов. Однако если собрать вместе детали и сложить их, вероятно, получишь ответ. Но я смотрел на дядю Эма и думал, что мы, черт возьми, могли выяснить это за пять минут. Достаточно было просто спросить Хоуги. Не нужно было закрывать киоск и тратить на выяснения целый вечер.

Ли и Хоуги разговаривали. К сожалению, я их не слушал, поэтому упустил смысл беседы.

— Да ты с ума сошел! — вдруг воскликнул Ли.

Я посмотрел на него. Он тасовал карты и перекидывал их из одной руки в другую, словно они были соединены невидимой нитью. Хоуги рассмеялся:

— Давай! Я не шучу. Я тебя одолею.

Ли Кэри бросил на меня взгляд и сказал:

— Эд, парень спятил. Говорит, я могу сдать ему колд-хэнд, и он знает, как с этим выиграть.

Я выключил радио и наклонился ближе.

— Давай, — повторил Хоуги, — я не шучу.

Он вынул из кармана бумажник и бросил его на стол перед собой. Сделав еще глоток из бутылки, открыл бумажник и положил на середину стола купюру достоинством в доллар.

— Дро-покер, — объявил он. — Начальная ставка — бакс. Валеты открывают. Лимит — пять баксов, а потом «сожги» верхнюю карту.

Ли положил колоду на стол:

— Черт возьми, Хоуги, как ты можешь выиграть, если я сдам нам колд-хэнд? Я не хочу грабить тебя.

Хоуги усмехнулся:

— Я сам предлагаю. И это окончательно.

Ли пожал плечами. Его лицо утратило всякое выражение, когда он опять взял колоду. Он тасовал, и его пальцы напоминали мне пальцы скрипача, касающиеся струн. Я попытался уследить за его движениями: по-моему, он тасовал честно, хотя карты двигались так быстро, что почти расплывались. Ли придвинул колоду к Хоуги.

— Снимай, — произнес он.

Хоуги снял часть колоды. Ли взял нижнюю половину и положил наверх. Я ждал хода, благодаря которому они оказались бы в правильном порядке, но не увидел его. Рука Ли скрыла этот ход, когда он двигал колоду обратно к себе.

Хоуги раздал каждому по пять карт. Ли вынул из кармана пачку купюр и положил доллар на середину стола рядом с купюрой Хоуги. Тот взял свои карты.

— Не возражаешь, если я посмотрю, Хоуги? — спросил я.

Он покачал головой. Я подвинул стул и уселся у него за спиной. Хоуги держал карты так, чтобы я их видел: у него были тузы и восьмерки — две пары — и трефовый валет.

— Я начну, — сказал он и поставил пять долларов.

Ли достал десятку из своей пачки. Похоже, он собирался увеличить ставку, но передумал. Какое-то время он смотрел на Хоуги, затем положил десятку на стол и взял пятерку Хоуги в качестве сдачи.

Хоуги наклонился ко мне и громко прошептал:

— Видимо, мы его уже напугали, Эд. — Потом обратился к Ли: — Три карты.

Он сбросил валета и пару восьмерок, оставив только два туза.

Ли взял колоду. Пока он сдавал Хоуги три карты, я ожидал услышать щелчок, который указал бы на то, что он жульничает, но ничего не услышал. Я оглянулся через плечо. Дядя Эм неподвижно сидел с закрытыми глазами. Я решил, что он задремал, иначе непременно наблюдал бы за этой сценой. Когда я повернулся, Ли брал собственные карты. Он сбросил одну карту и взял верхнюю из колоды. Хоуги разложил свои карты веером, чтобы я мог рассмотреть их. Теперь, помимо двух тузов, у него была семерка и пара троек. Не лучше, чем те карты, с которыми он начинал игру. Даже хуже.

— Стоит ли делать ставку, Эд? — спросил Хоуги.

Я не ответил, да он и не ждал от меня ответа. Хоуги положил карты мастью вниз перед собой и взял бумажник, из которого вытащил все купюры. Там было много двадцаток, десятков и несколько купюр достоинством в доллар. Он пересчитал их, сложив стопкой на столе. Вышло сто восемьдесят четыре доллара. На мгновение Хоуги заколебался или притворился, что колеблется, а потом подвинул все это на середину стола и произнес:

— Делаю ставку. Сто восемьдесят четыре.

Ли Кэри посмотрел на свои карты, затем на Хоуги. Его лицо ничего не выражало, но глаза были озадаченными, настороженными.

— Хоуги, что у тебя на уме? — воскликнул он. — Так деньгами бросаешься. Мне они не нужны. Черт подери, я же тебе сказал, это колд-хэнд.

— Значит, уравнивать не будешь? — спросил Хоуги.

— Я этого не говорил. Послушай, я дал тебе тузы и восьмерки, а себе стрит из четырех карт. Может, ты думаешь, что если избавишься от восьмерок, то сумеешь вытянуть тузы и обойти мою руку-дро? Ошибаешься.

— Я и сам могу сдавать вторые карты. Выкатить руку я не могу, но вторые карты сдавать умею. Я знаю, что ты жульничает.

— В таком случае, твоя ставка — настоящее безумие.

— Уравниваешь?

Ли посмотрел на деньги на столе, потом на собственную комбинацию и на Хоуги. Судя по всему, нужного ответа он не получил ни от кого из них. Он знал первые двенадцать карт после шафла, он бы не смог положить их глубже. Так что он понимал, какую карту Хоуги взял первой, но не знал две другие. Шансы были невелики, но у Хоуги мог бы быть фул-хаус. Те две неизвестные карты вообще могли оказаться тузами, и тогда у Хоуги было бы каре.

Но шансы были практически нулевые. На самом деле его беспокоил сам Хоуги — то, что он предложил и даже настаивал, чтобы они в это сыграли. Это наверняка какой-то трюк: никогда не играй на чужом поле. Но это, черт возьми, тоже глупо. Хоуги играет на чужом поле, ведь это Ли сдавал карты.

Ли взял свою пачку банкнот, разгладил их и принялся считать. Он дошел до ста долларов, прибавил еще десятку, затем снова начал колебаться и посмотрел на Хоуги. Было почти видно, как крутятся шестеренки у него в голове. Хоуги не дурак. Наверняка у него есть некий план. Никто,

кроме фокусника, не знает, сколько планов и трюков существует, — и только он понимает, что не знает их все.

Ли взглянул на наручные часы и выругался. Ему пора было возвращаться в сайд-шоу. Он опять начал считать, дошел до ста пятидесяти и остановился.

— К черту, — пробормотал он. — Я не могу понять, какой у тебя план, но просто так с деньгами расставаться не собираюсь, если вдруг он у тебя все же есть.

— Не уравниваешь?

— Нет. — Ли встал.

Хоуги спокойно кивнул.

— Открывающие карты, — произнес он и бросил на стол тузы. Он взял бумажник и убрал туда деньги — свои и шесть долларов, которые положил Ли, анте и первую ставку.

Затем взял три карты, которых Ли не видел, и положил их в колоду.

— Не возражаешь, если я посмотрю? — спросил Ли.

— Ты не платил, Ли, — заметил Хоуги. Он взял колоду, где наверху лежали его три карты, и быстро перетасовал ее. Затем широко улыбнулся. — Но я могу тебе сказать. У меня было две пары. Тузы и тройки.

Ли посмотрел на меня, но я не стал кивать или качать головой. Я понял, что он не платил за то, чтобы увидеть карты, а Хоуги не хотел, чтобы он знал наверняка, иначе он бы ему показал, вместо того чтобы рассказывать.

Ли нахмурился и двинулся к выходу. В дверях он остановился и, обернувшись, сказал:

— Хорошо, значит, если ты говоришь правду, то ты блефовал. Но все, что ты выиграл, — это анте и открывающая ставка. Что тебе дали шесть баксов?

— Шесть баксов, — ответил Хоуги.

— Но ты мог проиграть почти две сотни.

— Но не проиграл же?

— Нет, однако... Черт, мне пора. У Скитса припадок случится. — И ушел.

Дядя Эм сидел на краю койки.

— Не хочешь сыграть со мной партию на тех же условиях, Хоуги? — предложил он.

Хоуги рассмеялся.

— С тобой? Я что, выжил из ума, Эм? Ты не стал бы уравнивать. Ты бы поднял ставку, и я бы начал думать, что действительно обошел твою руку-дро и что у тебя ничего нет, и мне бы пришлось уравнивать.

Он встал и потянулся.

— Пойду-ка проверю, не вернулась ли Мардж. Она собиралась притвориться клиенткой на колесе у Уолтера. Сейчас там наверняка толпа собралась.

Он вышел, наклонившись, чтобы пройти в дверь, и крикнул снаружи:

— Ты тут останешься, Эм? Я могу привести Мардж, перекинемся в картишки.

— У нас дела, Хоуги, — ответил дядя Эм. — Через минуту уйдем.

— Какие у нас дела? — поинтересовался я.

— Ну... для начала еще выпить. Хочешь?

— Пожалуй.

Мы выпили, и я спросил:

— Что бы Хоуги стал делать, если бы Ли уравнивал при той комбинации, которая у него была?

— Он бы потерял деньги. Но Ли ведь не стал уравнивать?

— Нет. И все же, что мы теперь будем делать?

— Парень, у тебя мозги в одну сторону повернуты. — Дядя Эм нахмурился. — Послушай, Эд, если бы у меня были ответы на все вопросы, я бы знал, что делать. Однако... будь у меня ответы на все вопросы, мне бы вообще ничего не пришлось делать.

— Но какие-то ответы у тебя есть?

— Да, Эд.

— Расскажешь?

— Нет.

— Ну, спасибо.

Он ухмыльнулся:

— Хочешь чем-нибудь заняться? Ладно, пойдём прокатимся.

— На чем?

— На колесе обозрения.

Я не понял, шутит дядя Эм или нет, но когда он вышел из фургона, я последовал за ним. Пройдя немного по аллее, мы свернули направо. Он не шутил. Мы добрались до колеса обозрения, поговорили с одним из парней и сели в кабинку. Люди сходили с колеса и садились на него, и нам потребовалось несколько минут, чтобы достичь самой высокой точки.

Я посмотрел вниз на темную поверхность воды в бассейне, где во вторник днем посетитель, выглянув из одной кабинки, заметил тело Сьюзи. Сейчас там ничего не было.

Интересно, уж не поэтому ли дядя Эм захотел покататься на колесе обозрения? Посмотреть на воду? Однако он даже не бросил туда взгляд. Кабинка снова поехала вниз. На сей раз парни закончили менять пассажиров, колесо закрутилось по кругу, и мы вместе с ним. Вскоре наша кабинка снова начала опускаться, дядя Эм дал знак операторам, и на следующем круге они остановили колесо и дали нам возможность сойти.

Я все еще не считал, что подобное времяпрепровождение заменит мне Индианаполис.

— Что дальше? — спросил я. — Покатаемся на карусели или купим сахарной ваты?

— Как насчет паровозика?

— Сгораю от нетерпения, — усмехнулся я. — Слушай, дядя Эм, если тебе хочется вести себя эксцентрично, в этом нет ничего страшного, но не слишком ли ты усердствуешь?

Он рассмеялся и направился в противоположную сторону от конечной остановки паровозика. Я решил, что мое замечание заставило его передумать, и последовал за ним, гадая, каким безумием мы займемся теперь. Мы миновали главные ворота и покинули территорию цирка. Там стояло такси, из которого выходили пассажиры. Дядя Эм сел в машину и произнес:

— На вокзал. — И вот тогда я понял, что он имел в виду не цирковой паровозик, а настоящий.

Я поставил ногу на подножку и замер.

— А куда мы едем?

— Ты же слышал, что я сказал водителю, — ответил дядя Эм.

— А потом?

— В Цинциннати.

— Я не могу, дядя Эм. Я говорил с Ритой по телефону. Завтра вечером она вернется сюда, всего на несколько часов. Я пообещал встретить ее около семи часов. Я не могу нарушить...

— Ничего страшного. Заткнись и сядь в машину.

Пока мы ехали на вокзал, я рассказал дяде о смерти отца Риты, упомянул о страховке и о том, что у нее возникли кое-какие планы, но не стал говорить, что она хочет, чтобы я занялся этим делом с ней. Нет смысла это обсуждать, пока не узнаю, что Рита имела в виду. Потом я поинтересовался, для чего мы едем в Цинциннати.

— Парень, нам надо с чего-то начать. А с этого начал Лон Стаффорд. Это событие — точка отсчета. Он уехал из Цинциннати за пять дней до того, как объявился в цирке в Эвансвилле.

— Вайсс уже был в Цинциннати, — напомнил я. — Мы сможем добиться большего, чем он?

— Есть только один способ это выяснить.

На вокзале мы узнали, что нам повезло: через несколько минут отходил поезд в Лиму, штат Огайо, откуда мы как раз успели бы пересестись на экспресс железной дороги «Балтимор и Огайо», который курсировал между Детройтом и Цинциннати. Он останавливался только в Дэйтоне и Гамильтоне, так что мы бы прибыли в Цинциннати в два пятнадцать ночи.

Дядя Эм утверждал, что нам повезло с этой пересадкой. Лично я не понимал, чем прибытие в два пятнадцать лучше, чем прибытие на несколько часов позднее. Все равно среди ночи мы ничего не сможем предпринять. Разве что выспаться перед тем, как приступить к делу, ради которого приехали.

В поезде мы почти не разговаривали. Очевидно, дяде Эму хотелось поразмышлять, и на любой мой вопрос он давал только короткие ответы. В конце концов я оставил попытки завести беседу и тоже решил проанализировать ситуацию. Но у меня ничего не получалось. Лилипуты, обезьяны и дети вращались по кругу у меня в голове, и это ни к чему не привело. Чем дольше я думал об этом, тем сильнее все запутывалось. Вскоре я отбросил всякие мысли и попробовал заснуть, но и это у меня не получилось.

Когда мы прибыли на железнодорожный вокзал Цинциннати, дядя Эм направился к телефонам. Звонить он никому не стал, только отыскал в одной из телефонных книг адрес. Мы взяли такси и назвали шоферу адрес на Уайн-стрит.

— Уайн-стрит... — сказал я. — Видимо, там жил лилипут. Вайсс ведь говорил про меблированные комнаты на Уайн-стрит?

— Да, у миссис Червински.

— Половина третьего ночи, — заметил я. — Прекрасное время для визита.

— Ага.

Дядя Эм смотрел в окно. Такси свернуло за угол.

— Эд, — произнес он, — эта Уайн-стрит в районе Овер-Рейн. Так его называли в старые времена до Первой мировой войны и до сухого закона. Повсюду были немецкие пивные сады, а маленькие немецкие бэнды и оркестрики играли немецкую музыку. Абсолютный *Gemütlichkeit*⁵. Рейном называли старый канал — на его месте теперь аллея с деревьями. Здесь ничего не осталось, а ведь это место было как смесь «Польки пивной бочки» и вальса Штрауса. Говорят, в некоторых заведениях висели объявления типа «Тут шпрехен инглиш», но я, вообще-то, ни разу не видел...

Такси затормозило напротив дома в старинном стиле, фасад которого от старости сделался серым. В окне висело объявление: «Свободных мест нет». Дядя Эм расплатился с шофером. Мы подошли к двери, и дядя Эм нажал кнопку звонка. Ни в одном из передних окон не горел свет. Такси умчалось обратно в ночь, и какое-то время больше ничего не происходило. Потом прямо у нас над головами на втором этаже открылось окно. Оттуда высунулась женщина и посмотрела на нас. У нее были рыжие волосы, ярко-рыжие. Когда на них упал свет уличного фонаря, находящегося на углу, они стали похожи на сигнал «стоп». Лицо ее оставалось в тени, поэтому я не мог разглядеть его.

— Вам чего? — крикнула женщина.

Что-то в ее интонации подтвердило мою мысль, что половина третьего ночи — не лучшее время для визитов. Дядя Эм отошел на несколько шагов от двери, чтобы ему на лицо падал свет, и поднял голову.

— Привет, Фло! — воскликнул он. — Ты одета?

— Черт возьми, я тебя вроде знаю, но... — тихо проговорила женщина. Потом ее голос вдруг зазвучал громко и пронзительно: — Бог мой, Эм Хантер! Я сейчас спущусь, Эм.

Я посмотрел на дядю и спросил:

— Это миссис Червински? Какого черта ты мне не сказал, что вы знакомы?

— Ты не спрашивал.

— Чушь! — возмутился я. — Ты и Вайссу не сообщил!

Дядя усмехнулся:

— Он тоже не интересовался. Мы с Фло работали вместе менталистами в одном цирке много лет назад. Она занималась хиромантией и френологией, а я был в сайд-шоу: пялился в шар безумия.

— Что это такое?

— Гадание с помощью хрустального шара, Эд. Черт, я думал, ты уже всю цирковую лексику выучил.

— Дай мне время. Слушай... ты ведь не знал лилипута?

— Нет, Эд. Вайсс меня уже спрашивал. Нет, я не знал Лона Стаффолда. — Его лицо стало серьезным. — Парень, никогда не думай, что люди добровольно делятся информацией, если она у них есть. Как, например... взять хотя бы следы от укусов, которые Хоуги видел на лапе Сьюзи. Он нам ничего не говорил до тех пор, пока мы не спросили, видел ли он что-либо необычное.

В коридоре на первом этаже вспыхнул свет, озарив желтым сиянием прямоугольную стеклянную вставку на двери и закрытую занавеску за ней. Послышался звук приближающихся шагов, и дверь открылась.

⁵ Уют (нем.).

— Эм, заходи и дай мне на тебя посмотреть! Боже мой, где же ты был все эти годы?

По-моему, она хотела обнять его, но дядя Эм вытолкнул меня вперед как щит.

— Ты ни капельки не изменилась, Фло, — промолвил он. — Разве что набрала фунтов пять. Но тебе идет.

— Врешь!

Но Фло произнесла это с такой широченной улыбкой, что та могла бы перекрыть целую улицу. Мне показалось, будто она набрала куда больше, особенно в области бедер и груди. Веса Фло, наверное, фунтов сто шестьдесят — сто семьдесят при росте пять футов три дюйма. Но, как ни странно, у нее было красивое лицо. Она наложила макияж — несколько торопливо и явно переборщила, — однако было видно, что у нее очень приятные черты лица, озорные глаза и гладкая, как у младенца, кожа. Зубы тоже были красивые и, судя по всему, до сих пор свои. Если Фло когда-то весила меньше ста тридцати — а когда-то наверняка так и было, — она была настоящей красавицей. Не знаю, способствовал ли этому ярко-рыжий цвет ее волос или же мешал. Может, тогда они не были такими рыжими.

Дядя Эм снова встал у меня за спиной, когда она закрыла дверь.

— Фло, — сказал он, — это Эд, мой племянник. Хантер, как и я. Сынок Уолли. Помнишь моего брата? — И прежде чем она открыла рот, продолжил: — Уолли умер год назад. Эд теперь со мной. Мы держим призовой аттракцион в цирке Хобарта.

— Хобарта? Слушай, а это не тот шапито, где Лон... — Она замолчала.

Дядя Эм кивнул:

— Как раз об этом я хочу поговорить с тобой, Фло.

— Конечно, Эм. Послушай, а чего мы тут стоим? Пойдемте ко мне в комнату. Идите вперед. Я по этой лестнице медленно хожу.

— Сначала дама, Фло. Иди, у нас впереди вся ночь.

— Чтобы я тебе позволила шагнуть у меня за спиной по лестнице? Вот еще! Поднимайся, пока я тебе пинка не дала.

Дядя Эм рассмеялся, и мы поднялись первыми. Фло провела нас в комнату в конце коридора на втором этаже. Это была красиво обставленная комната, хоть и в несколько кричащих цветах, и очень аккуратная. Не считая смятого постельного белья и откинутого покрывала, все выглядело так, словно здесь только что сделали уборку.

Фло жестом пригласила нас садиться и рухнула в кресло-качалку, которое заскрипело под ее весом.

— Ты надолго, Эм? У меня сейчас мест нет, но я могу вынудить пару этих макак съехаться вместе, чтобы вам было где переночевать, а завтра... ну, вот парень этажом выше уже две недели не платит за комнату. К тому же он козел. Я выкину его барахло и...

Дядя Эм поднял руку, чтобы остановить ее:

— Нет, Фло. Мы ненадолго. Хобарт сейчас в Форт-Уэйне, нам нужно туда вернуться. Мы забежали, только чтобы поговорить с тобой. О Лоне.

— Конечно, Эм. — Отдышавшись, Фло встала с кресла-качалки. Она плотнее закуталась в свой синий стеганый банный халат и пошла в отгороженную ширмой, расписанной яркими попугаями, кухню. — Ты выпьешь, мне даже спрашивать не нужно. Черт подери! — Судя по звуку, Фло захлопнула дверцу холодильника. — Я и забыла. Выпивки-то нету. — Обойдя вокруг ширмы, она двинулась к двери. — Так, минуточку. Сейчас добуду. У кого-нибудь из жильцов найдется бутылка...

— Угомонись, Фло. Сядь.

— Вот еще! Мы обязательно выпьем, иначе я и разговаривать не буду. Какой прок от положения квартирной хозяйки, если не можешь разбудить жильцов, чтобы попросить выпивку?

Фло закрыла дверь, и через несколько минут мы услышали, как она стучит в другую дверь, дальше по коридору.

Дядя Эм широко улыбнулся:

— Фло — та еще штучка.

— Она меня пугает, — признался я, — но при этом она мне нравится. Давно ты с ней знаком?

— Два сезона. Потом Фло вышла замуж за инспектора манежа в большом цирке, Теда Червински. Я слышал, он скончался через несколько лет. Кто-то говорил мне, что Фло отошла от

дел и владеет меблированными комнатами. Но я не знал, где именно, пока Вайсс нам не сказал. — Он медленно покачал головой. — Какая же она тогда была красotka!

— Насколько близко ты ее знал?

— Парень, ты иногда задаешь бестактные вопросы.

— Сам же говорил, что люди добровольно не поделятся информацией, если она у них имеется.

Дядя рассмеялся, но отвечать ему не пришлось, потому что в этот момент дверь открылась и вошла миссис Червински с большой бутылкой прозрачной жидкости.

— Джин, — сообщила она. — Не помню, любишь ты его или нет, но если нет, то иди к черту. Все равно выпьешь. Открывай, Эм. Стаканы вон там.

Она передала дяде бутылку и снова села, посмотрев на меня.

— Эм, у тебя симпатичный племянник, — произнесла Фло. — Симпатичнее, чем ты, наверное, был в его возрасте. Наверное, все циркачки по нему сохнут?

Дядя Эм ответил из-за ширмы:

— Он от них отбивается бейсбольной битой.

— А говорить он умеет?

— Конечно, — промолвил я. — Что вы хотите, чтобы я сказал?

Фло вздохнула:

— Прямо как ты раньше, Эм. Только он повыше ростом. — Она потянулась ко мне. — Дай взглянуть на твою руку, Эд.

Я протянул ей руку, Фло посмотрела на тыльную сторону ладони, потом перевернула, слегка опустила ее, чтобы свет от настольной лампы падал на ладонь, и заявила:

— Тебе нравится музыка, Эд. Она задевает что-то у тебя в душе, проникает внутрь тебя. Но... не думаю, что ты станешь музыкантом. У тебя нет этого дара.

Дядя Эм вынес из-за ширмы поднос с тремя стаканами и бутылкой и сказал:

— Прекрати, Фло.

— Мой поставь сюда на стол, Эм, — велела она и снова посмотрела на мою ладонь. — Ты проживешь долгую жизнь, Эд, но в ней будет немало бед. Сколько тебе лет — двадцать, двадцать один?

— Почти двадцать.

— Значит, беда случится скоро. По-моему, ты действуешь безрассудно. Это имеет какое-то отношение к смерти, но...

— Перестань, Фло! — резким тоном сказал дядя Эм. — Черт возьми, ты же должна все понимать.

Я смотрел на женщину. Ее лицо было серьезным, очень серьезным. Однако мою руку она опустила.

— Не верит он во все это, Фло, — объяснил дядя Эм. — А если кто-то не верит, это плохо, потому что коли предскажешь ему что-нибудь хорошее, он это проигнорирует, а вот дурное будет его тревожить вопреки тому, что он не верит. Тебе это так же хорошо известно, как и мне.

— Да, Эм, — кивнула Фло, — прости. Эд, я тебя просто подкалывала.

Она наклонилась вперед и потянулась за стаканом джина. У нее слегка дрожали руки, и она пролила немного выпивки на ковер.

Дядя Эм взял стакан и сел на диван. Постепенно он расслабился и улыбнулся.

— Годы были к тебе милосердны, Фло, — заметил он. — Черт подери, ты все еще красotka.

— С тобой они были милосерднее, Эм. У тебя все еще есть то самое. Но, черт возьми, давай прекратим обмениваться комплиментами и выпьем. — Фло подняла стакан. — За... за...

— За Лона, — сказал дядя Эм. — Я его не знал, но все равно давай за него выпьем. Нам нужно поговорить о нем.

— Хорошо, Эм. За Лона. Он был тот еще гаденыш, но... мне он все-таки немного нравился.

Они выпили. Я тоже сделал глоток. У джина был резкий и обжигающий вкус.

Глава тринадцатая

Вскоре дядя Эм и Фло углубились в воспоминания. Они еще выпили, но мне джин не нравился, так что я отказался от добавки. Потом я снова услышал имя Лона, перестал думать о Рите и прислушался.

— Да, — сказала Фло, — с ним было нелегко поладить, как часто бывает с лилипутами. По крайней мере, так было с теми, кого я знала. Но если преодолеть преграды, которыми Лон себя окружил, он был не так уж плох. Правда, никогда не рассказывал о себе. То небольшое, что мне о нем известно, я буквально собрала по крохам и сложила вместе. Ты понимаешь, о чем я.

— Как долго он тут жил? — спросил дядя Эм.

— Четыре года... в ноябре было бы пять. Ему тогда было под тридцать. Что-то у него в шоу-бизнесе не сложилось. Лон оставил его и клялся, что больше в цирк не вернется. Он ненавидел быть уродом. Господи, как он это ненавидел! Если кому хотелось с ним поладить, так надо было забыть о том, что он лилипут, никогда об этом не говорить и вообще не упоминать ничего связанного с ростом.

— Чем Лон занимался до того, как приехал сюда? — спросил дядя Эм. — Вайсс сообщил, он ушел из цирка лет шесть-семь назад. Ты говоришь, Лон провел здесь менее пяти лет. Что происходило между этими событиями?

— Он жил в Толедо. Ничего конкретного не говорил, но я думаю, что у него и там был газетный киоск. В любом случае Лон был знаком с этим бизнесом. Когда он здесь начал торговать газетами, для него в этом деле не было ничего нового.

— У него хорошо шли дела? Деньги в кошельке водились?

— Вот уж нет! Едва сводил концы с концами, постоянно бедствовал. Постоянно ныл, что денег нет. Жил в кредит в течение недели или двух, потом постепенно доплачивал. Пару раз я даже одалживала ему деньги. Пять долларов или около того.

— Лон явно не нищенствовал, когда уезжал отсюда. Вайсс сообщил, что он заплатил за две недели вперед, чтобы ты оставила за ним комнату.

Фло кивнула:

— Верно. Потому что Лон продал газетный киоск за пару сотен баксов.

— Да, Вайсс говорил. Я забыл. Значит, он рассчитывал вернуться в Цинциннати, но не продавать газеты. Он что-нибудь говорил о том, чем планирует заняться?

— Нет, Эм. Лон всегда держал язык за зубами, этот сукин сын. Но... по всяким мелочам, которые он говорил и делал, можно было понять, что он рассчитывал разбогатеть. Может, не настолько, чтобы совсем уйти на покой, однако достаточно, чтобы как следует отдохнуть и какое-то время не работать.

— Это было две недели и пять дней назад, Фло. Его убили ровно две недели назад, думаю, что примерно в это время. Когда Лон уехал отсюда, Хобарт еще только собирался в Эвансвилл. Думаешь, он поехал туда?

— Не знаю, Эм. По-моему, копы прочесали все железнодорожные и автобусные станции, пытаясь выяснить, куда он купил билет. Казалось бы, лилипута там бы запомнили. Но до сих пор неизвестно, куда он направлялся. Думаешь, Лон поехал в Эвансвилл, в цирк Хобарта?

Дядя Эм пожал плечами:

— Как он мог там быть — и в Эвансвиле, и в цирке? Черт возьми, лилипут не может спрятаться, слишком уж бросается в глаза. На него сразу все обращают внимание. Наверняка он находился где-то еще, пока вдруг не обнаружили его труп. Слушай, Фло, ты не знаешь, сколько у него было костюмов?

— Три. Вайсс сказал, его нашли голым. Это правда, Эм?

— Да.

— Ну, когда Лон уезжал отсюда, он точно был одет. Правда, два других костюма оставил здесь. Путешествовал налегке: взял только портфель с кое-какими вещами. Туалетные принадлежности, может, пару лишних рубашек, носки и так далее.

— Если он рассчитывал уехать на две недели, то взял бы с собой больше вещей, чем помещается в портфель, — заметил я.

— Господи, он все-таки умеет говорить! — воскликнула мисс Червински.

— И умные вещи, — подтвердил дядя Эм. — Парень прав. Разве портфель не маловат для двухнедельного путешествия?

— У лилипутов небольшие вещи, Эм. В портфель можно много чего засунуть. Если он рассчитывал, что ему хватит костюма и обуви, которые были на нем... Кроме того, Лон не собирался уезжать на целых две недели. Он говорил, что вернется через несколько дней, но на случай, если задержится, заплатил за две недели. Я бы все равно не сдала комнату, но раз у него были деньги, я взяла.

— Он когда-нибудь упоминал цирк Хобарта?

— Нет.

— А кого-нибудь, кто работал у Хобарта? Вайсс там со всеми пообщался, но никто не признался, что знал Лона. Сначала, до того как установили личность убитого, коп всем показал фотографию... А тебе он ее показывал?

— Конечно. Это точно был Лон.

— Вайсс называл его имя?

— Черт подери, Эм, разумеется! Налей-ка мне еще. Сколько бы шоу ни давал цирк Хобарта, при том, что в стране сотни циркачей, хотя бы десяток из них повстречал бы Лона где-нибудь. Но зачем им лезть на рожон только ради того, чтобы сообщить копам, что они когда-то участвовали в том же шоу, что и Лон?

— Естественно. Поэтому и спрашиваю тебя, Фло, не упоминал ли Лон кого-нибудь из цирка Хобарта?

— Нет, Эм. Я же сказала, он никогда не говорил о прошлом. И, насколько я знаю, не получал писем, значит, у него не было никаких связей.

— Господи, чем же он занимался, когда не торговал газетами?

— Лон много читал, почти каждый вечер ходил в кино. И каждую неделю приносил домой стопку книг из публичной библиотеки. Да, когда Лон не работал, то либо ходил в кино, либо сидел у себя в комнате с книгой, а может, писал стихи.

— Что? Стихи?

— Да, стихи. Он был умнее многих лилипутов, Эм. Образованный, по-моему. Много чего знал, может, просто потому, что постоянно читал. Он был умный, Эм. Не будь он уродом, мог бы многого в жизни добиться. Но куда лилипуту податься, если не в шоу-бизнес?

— Насчет стихов, Фло. Он их тебе когда-нибудь показывал? Хорошие стихи?

— Сам он не показывал, но я кое-что видела. Пару раз, уходя на работу, Лон забывал убрать их со стола, и я читала, когда прибиралась у него в комнате.

— Хорошие стихи?

— Да мне-то откуда знать, Эм? Я не разбираюсь в поэзии. Забавные вещицы, но не потому, что от них хочется смеяться. Кое-что я не поняла, а кое-что было... ну, не то чтобы грустное, а скорее...

— Горькое? — предположил я.

— Верно, Эд. Вот слово, которое я искала. Горькое. И много чего про смерть и все такое. Рифмы нет. Хочешь почитать, Эм?

— Они здесь? Разве полиция не забрала его вещи?

— Нет, они все в сундуке со сломанным замком на чердаке. Когда сюда приходил этот коп из Индианы, он и несколько других полицейских просмотрели все вещи Лона, но сказали, что там нет ничего важного. Вроде бы они больше ни для кого не представляют ценности. Мне велели поддержать их у себя, на случай, если кто-нибудь захочет их забрать. Но никто не захочет.

— Фло, мы можем посмотреть содержимое этого сундука?

— Да, Эм. На чердаке есть лампа. Будь я проклята, если стану подниматься на два этажа вместе с вами, но дам тебе ключ от чердака, и ты сам все найдешь. Дверь прямо напротив лестницы, которая ведет на третий этаж. Сундук маленький, со сломанным замком, стоит прямо у входа.

— Спасибо, Фло. Послушай, это может занять у нас некоторое время, так что ты иди спать. Когда будем уходить, я подсуну ключ от чердака тебе под дверь.

— Но, Эм... мы ведь еще увидимся?

— Завтра я опять забегу. Мы будем в городе до полудня. Кстати, у тебя есть «Билборд»? Старые издания?

— Есть несколько экземпляров. За два-три месяца. А что?

— Лон не читал «Билборд»?

— Нет, Эм, я же говорю, он злился на шоу-бизнес. И друзей у него там не было, чтобы ими интересоваться.

— Что ж... думаю, мне все же следует взглянуть на них, Фло. Оставить их там потом?

— Или возьми с собой, если хочешь. Я уже все прочитала, кроме того, что за эту неделю.

Фло встала с кресла, подошла к шкафу и открыла его. Там лежала стопка номеров «Билборда», штук двенадцать. Она взяла их и положила на стол.

— Вот они, Эм. А вот ключ. Но ты пока не уходи, я еще могу долго разговаривать, да и джин остался. Давай налью?

Я попытался спрятать от нее стакан, но Фло все равно успела его наполнить.

— Не будь неженкой, Эд, — усмехнулась она. — Всего-то второй стакан. Давай, для храбрости. Слушай, Эм, ты помнишь тот ветродуй в Бриджпорте?

И они опять углубились в воспоминания. Но на сей раз ненадолго. Минут через пятнадцать дядя Эм замолчал. Я подхватил стопку журналов, он взял ключ, и мы ушли.

Сундук стоял там, где Фло и говорила. Первое, что мы увидели, когда открыли его, была одежда. Наверху лежали два крошечных костюма. Один был относительно новым и аккуратно отглаженным, второй — рабочий — поношенным и потрепанным. Дядя Эм отыскал газеты и расстелил их на полу возле сундука.

— Я буду вынимать вещи, Эд, — сказал он, — а ты раскладывай их тут по порядку. Тогда мы сможем уложить вещи обратно в том же порядке.

— Хорошо. Но что мы ищем?

— Не знаю, парень. Но, возможно, пойдем, если найдем это. Что-то, что не бросается в глаза. Вайсс уже все осмотрел до нас. Скорее всего, мы ничего не обнаружим. Но, надеюсь, просмотр вещей Лона хоть как-то прояснит картину. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да, — кивнул я.

Я начинал понимать его затею. Из разговора с миссис Червински мы не узнали о связи Лона Стаффорда с цирком Хобарта и ничего нового об убийстве. Однако стали видеть в лилипите человека, а не неизвестную величину. Я имею в виду, что он перестал быть просто фотографией. Фотографией мертвого высохшего лица на фоне истоптанной травы. Он был мужчиной, с мыслями, запертыми в крошечном теле, которое не позволяло ему стать человеком, как все, и он из-за этого жутко злился. Свою злость выражал тем, что избегал людей, «прятался» в фильмах и книгах.

Я подумал, что хотел бы с ним познакомиться. Будь Лон еще жив, я бы хотел попробовать преодолеть барьеры, про которые говорила Фло, и постараться подружиться с ним. Он мог бы оказаться интересным человеком. Если бы удалось преодолеть всю эту горечь, мог бы быть очень умным.

Но теперь было слишком поздно думать об этом. Все, что теперь от него осталось, — содержимое небольшого сундука и маленькое мертвое тело, похороненное на кладбище для бедняков и бродяг возле Эвансвилла.

Дядя Эм взял один из костюмов лилипута и принялся изучать карманы. Я последовал его примеру. Мне достался поношенный костюм. В карманах ничего не было, кроме сломанной зубочистки в нагрудном кармане пиджака. Я также прощупал подкладку. А перед тем, как отложить костюм, посмотрел на ярлык.

— Она была права насчет Толедо, — заметил я. — На этом костюме ярлык портного из Толедо.

Дядя Эм кивнул:

— А на этом — Цинциннати. Лон Стаффорд купил его после того, как приехал сюда.

Мы аккуратно положили костюмы на газету. Не знаю, зачем. Он их больше никогда не наденет. Через год миссис Червински, наверное, отправит все это на свалку. Под костюмами лежали маленькие рубашки и детские носки — по крайней мере, это он мог купить не на заказ. А также два пальто и дождевик. Под ними — нижнее белье, детское, шестого размера.

Постепенно мы добрались до дна сундука. С одной стороны стояла старая пишущая машинка — одна из старомодных складных «Корон» всего с тремя рядами клавиш. Она занимала половину сундука. С другой стороны — стопка листов и невскрытая пачка высокосортной бумаги размером восемь с половиной на одиннадцать дюймов. Я вытащил пишущую машинку и поставил возле сундука. Футляра к ней не было, но она, судя по всему, находилась в рабочем состоянии. Дядя Эм осматривал невскрытую пачку бумаги, изучая, как она запечатана. Видимо, он решил, что ее все-таки не вскрывали, и отложил бумагу в сторону.

— Здесь нет никаких книг, — произнес я, — кроме словаря. Разве у него не должно быть книг, если он любил читать?

— Необязательно, Эд. Некоторые много читают, но не любят приобретать книги. Особенно те, кто много ездил и полагает, что когда-нибудь снова отправится в путешествие. Книги — якорь, они держат тебя на месте, как только начнешь собирать их. Видимо, Лон так и думал и брал все книги в библиотеке.

Я хотел отложить словарь, но кое-что вспомнил и стал просматривать страницы в поисках каких-нибудь листков бумаги или записок на полях. Словарь был маленький, но мне понадобилось немало времени, чтобы тщательно пролистать его, и теперь я обрадовался, что у Лона не было большой коллекции книг, иначе у нас бы ушла вся ночь на то, чтобы их просмотреть.

Дядя Эм взял листы. Бумага была хорошего качества, размером восемь с половиной на одиннадцать дюймов, все листы лежали аккуратной стопкой. Когда он начал их пролистывать, я увидел, что на них напечатан текст — по большей части строки разной длины, как в поэзии.

— Писем нет, парень, — сообщил дядя Эм. — Судя по всему, он вообще ни с кем не переписывался. Что ж...

Он начал читать стихи, а я вернулся к словарю. Так ничего и не найдя в нем, я отложил его и стал рассматривать внутреннюю часть сундука, который теперь совсем опустел. Там не было никакого двойного дна или потайных отделений. Я сел и принялся наблюдать за дядей Эмом. Он читал, и у него на лице появилось странное выражение.

— Эд, ты не положишь остальные вещи обратно в сундук? Это можем положить наверх в последнюю очередь.

— Конечно. Это все стихи? Больше ничего нет?

— Ничего. Но... некоторые весьма хороши, Эд.

Я стал наполнять сундук.

— Насколько хороши? — спросил я.

— Я не гожусь на роль судьи, я ведь не поэт. Но я бы сказал, что хотя это и не великая поэзия, она все же чертовски хороша. Лучше, чем я ожидал.

Он протянул мне листок. Я прочитал:

Падают сухие листья отчаяния
И собираются в кучу у моих ног и корней деревьев;
Прохладный голос тревожит их, и они шепчутся
Тихими, как лютня, голосами, словно то, чего никогда не было,
Во сне под бледными лучами рассвета.

— Бессмыслица. Это просто слова, — произнес я.

— Конечно просто слова. А ты чего ожидал?

— Может, я просто их не понимаю. Что такое «голоса, как лютня» и «то, чего никогда не было»?

Дядя Эм усмехнулся:

— Не воспринимай все буквально, Эд. Откуда мне, черт подери, знать, что такое «голоса, как лютня»? Но когда-нибудь ты наткнешься на «то, чего не было», это я тебе гарантирую.

Он протянул мне еще один листок. У него, как и у первого, не было названия. Он начинался со слов: «Медленно покройте мой гроб».

На чердаке царила мертвая тишина, а по углам сгустились тени. Почему-то, когда я подумал о том, что это написал мертвый лилипут, у меня по спине пробежали мурашки. Это было глупо, ведь все когда-то умирают. Все гробы покрывают, не так ли?

Я закурил, потом уселся на газеты и стал читать:

Медленно покройте мой гроб,
Чтобы я слышал стук каждого комка земли,
Теперь, когда мои уши не услышат больше ни звука.
И я буду лежать в тишине, без снов.
И скоро прольются дожди
И превратят землю в один большой пирог из грязи,
В котором я буду лишь крошкой. Вот так.

Я вернул листок дяде Эму. Тот протянул мне третий, но я покачал головой.

— Больше не хочу это читать, — сказал я. — Слишком мрачно. Мне не нравится.

Он бросил на меня взгляд и снова стал читать. Я докурил, наблюдая за дядей Эмом, и задумался. Последний стих мне не понравился, но я решил, что так и должно быть. В нем было нечто такое, от чего я начал нервничать. Я представил, как Лон Стаффорд сидел у себя в комнате один и сочинял это, как он себя чувствовал, и вздохнул. А с тех пор, как его похоронили в Эвансвилле, действительно шел дождь. И, черт возьми, земля действительно похожа на огромный пирог из грязи, а мертвые и похороненные в ней люди — словно крошки.

Наконец дядя Эм положил стопку стихов обратно в сундук и закрыл его.

— Ну... вот и все, — промолвил он.

— Узнал что-нибудь? — спросил я.

— Об убийствах — нет. Но я понял, почему Лон писал стихи.

— Я должен спросить, почему?

— Даже если спросишь, я не сумею ответить. Это можно почувствовать, но нельзя объяснить. Как, например... вот ты бы мог объяснить, почему играешь на тромбоне?

— Наверное, нет. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Слушай, дядя Эм, я тут думал о том, что сказала миссис Червински, — что мне не быть музыкантом. Видимо, она права.

Его лицо исказилось презрительной гримасой.

— Боже мой, парень! Ты купился на гадание по руке!

— Нет, просто я думал о том же. Я не собираюсь расставаться с тромбоном, но это все-таки хобби, а не профессия. У меня нет того, что сделало бы меня по-настоящему хорошим музыкантом. Но мне вот что любопытно: с чего она вдруг решила мне погадать?

— Эд, именно поэтому я и бросил все эти менталистские штучки, хотя это легче, чем держать киоск вроде нашего, с мячиками, и платят больше. Но если долго этим заниматься, сам начинаешь в это верить. Даже если знаешь, что просто угадываешь, возникает ощущение, будто внутри тебя есть нечто таинственное, что помогает угадывать. Несколько раз угадаешь правильно, и это чувство усиливается. И скоро сам начинаешь верить во всю эту чушь.

— По поводу музыки она точно все угадала, — произнес я. — Разве что... ну, единственный, от кого она могла что-либо узнать обо мне, — это Вайсс. Он ведь с ней беседовал.

Дядя Эм покачал головой:

— Вайсс не знал, что я знаком с Фло. Он никак не мог упомянуть нас в разговоре. Черт возьми, тут несложно догадаться. Большинство парней твоего возраста занимаются музыкой, но лишь немногие становятся музыкантами. С твоей точки зрения, поскольку ты играешь, тебе это показалось чудесным попаданием. Если тебе нравится музыка — популярная или классическая, — ее предсказание все равно по адресу. Она не могла не угадать.

Он взял пачку «Билбордов» и положил себе на колени.

— Парень, вот почему менталистика так легко дается тем, кто умеет работать языком. Существует много вещей, которые можно сказать кому угодно и попасть в точку, даже до того, как тебе дадут хоть мельчайшую зацепку. Можно делать предсказания, которые так или иначе исполнятся, поскольку их можно интерпретировать по-разному, так, чтобы это соответствовало реальным событиям. Черт возьми, нам еще «Билборды» просматривать! Я тебе как-нибудь потом еще про менталистику расскажу.

Дядя Эм разделил пачку журналов и вручил мне половину:

— Давай, Эд. Берись за дело.

— Тебя интересуют объявления?

— Да, начни с них, это самый верный вариант. Особенно о найме и частные объявления. Все, что касается лилипута. Вернее... ну, мы не знаем, что именно ищем, но пойдем, когда найдем.

Я взял номер, лежавший сверху, и просмотрел объявления. Там я ничего не обнаружил. Во втором журнале в разделе услуг я нашел лилипута. Но там было указано его имя и адрес в Бирмингеме, штат Алабама, так что вряд ли это было то, что нам требовалось. Однако я отметил его, загнув уголок страницы. В третьем номере я нашел то, что требовалось. Объявление, которое мы искали. Оно было жирно обведено черным карандашом.

Это было частное объявление. Текст был следующий:

*ЛОН С. — БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ, ПИСАТЬ КОРОТЫШКЕ.
Ящик D4, "Билборд", Цинциннати 1, О. 17 авг.*

Я все еще тарасился на него, когда дядя Эм сказал:

— После объявлений посмотри колонку писем, Эд. Ему могли написать письмо на...

— Нашел! — Я протянул дяде журнал, он прочитал и посмотрел на меня.

— То, что нужно, Эд. Это ты обвел или...

— Нет, так и было. А что значит «17 авг.»?

— Это означает последний номер, в котором будет дано объявление. Это выпуск за третье августа. У меня номер за июль, и там этого объявления нет. Значит, его поместили так, чтобы успеть к третьему августа, и оно должно было публиковаться в трех номерах — за третье, десятое и семнадцатое августа. Все эти номера у тебя. Взгляни.

Я посмотрел и нашел объявление в каждом из них, но на сей раз оно не было подчеркнуто. Я показал их дяде Эму.

— Давай-ка выясним, кто это подчеркнул, Эд, — произнес он. — Фло говорила, лилипут не читал «Билборд». Может, он читал ее экземпляры тайно от нее?

— Не исключено.

— Вряд ли. Если бы Лон читал их тайно, то не стал бы обводить объявление жирным карандашом, ведь тогда сразу бы стало ясно: он это читал. Это бессмысленно. Ну, пошли.

Дядя Эм взял все журналы, положив важный для нас наверх, и зашагал к лестнице. Я свернул газеты, которые мы расстелили на полу, убрал их на место и последовал за ним. С лестницы я бросил последний взгляд на сундук. Мне показалось, он напоминал гроб ребенка. Или лилипута.

И в некотором роде так и было. Гроб не для тела, но для мыслей, какие когда-то жили в этом теле. Мысли в стопке бумаг, которые однажды выбросят или сожгут, и тогда и мысли, и тело будут мертвы навсегда. Мысли превратятся в дым печного огня, а тело, их породившее, давно уже стало одной из разлагающихся крошек в большом пироге из грязи...

Дядя Эм ждал меня около чердачной лестницы. Я выключил свет, погрузив чердак у нас за спиной во тьму, и он запер ведущую туда дверь. Интересно: прочитает ли еще кто-нибудь эти мрачные стихи на темном чердаке? Спускаясь по лестнице на второй этаж, я спросил:

— Ты ведь не станешь снова будить ее? Мы там так долго проторчали. Сейчас около четырех утра.

— Естественно, разбужу. Это, наверное, важно.

Дядя Эм постучал в дверь спальни миссис Червински. Скрипнула кровать, загорелся свет. Раздались шаркающие шаги, и дверь открылась.

— Извини, Фло, — сказал дядя Эм. — Но я должен узнать об этом сегодня. Вот об этом объявлении. — Он дал ей журнал, открытый на нужной странице, и указал на объявление.

— Ах, это! Черт возьми, я и забыла. Заходи, Эм.

— Нет, мы пойдем. Сегодня больше тебя не побеспокоим. Но что насчет объявления?

— Я увидела его в субботу, когда читала журнал. Оно адресовано Лону С., так что я, конечно, решила, что имеется в виду Лон Стаффолд. Я отметила его, а когда он вернулся вечером домой, показала ему. Но Лон сказал, что это не может быть адресовано ему, он не знает никого по имени Коротышка. Мол, это, наверное, адресовано кому-то другому.

— И больше он ничего об этом не говорил?

Фло покачала головой:

— Нет. Объявление опубликовали еще в паре следующих номеров, а потом оно больше не появлялось. Поскольку оно предназначалось не Лону, я о нем забыла, пока ты мне его сейчас не показал. Слушай, а ведь оно могло быть адресовано ему. Если так и было, Лон не хотел, чтобы я об этом знала. Но оно такое короткое, он мог бы прочитать его всего один раз и запомнить и содержание, и номер почтового ящика, а потом притворился, будто объявление адресовано не ему. Как ты думаешь, Эм?

— Попытаюсь выяснить. В любом случае огромное тебе спасибо. Вот ключ от чердака и «Билборды».

— Эм, мы еще увидимся до твоего отъезда?

— Надеюсь. Я тебе позвоню. Обещаю. Пока, Фло.

Мы двинулись на юг по Уайн-стрит в сторону центра города. Мимо нас проехало такси, потом еще одно, но дядя Эм не пытался остановить их. В небе появились первые сероватые лучи рассвета, а с севера, со стороны реки, дул прохладный ветер. Я слегка дрожал, но не из-за предрассветной прохлады. Я думал о тех двух стихотворениях, которые прочитал. Теперь они начинали мне нравиться. Я вдруг осознал, что помню их слово в слово.

— Тебе холодно, Эд? — спросил дядя Эм.

— Нет. Зато есть хочется.

— Ладно, давай поедим. Потом заселимся в гостиницу, пару часов поспим. Наша следующая остановка — дом 25 по Опера-плейс, но нам туда не надо до девяти-десяти часов утра. В смысле, сегодня.

Я кивнул. Спрашивать, что находится в доме 25 по Опера-плейс, я не стал. Адрес знает каждый циркач — это редакция «Билборда».

— Думаешь, нам сообщат, кто разместил объявление? — спросил я.

— Я знал парня, который там работал. Если он еще там, то разбудит мне нужную информацию, если таковая имеется.

— А если нет?

— Тогда придется рассказать Вайссу. Он может сделать официальный запрос через местную полицию. Но... черт возьми... боюсь, нам это ничего не даст. В смысле, если у них осталась запись о том, кто покупал это место на те конкретные даты, там будет фальшивое имя, а в качестве адреса — почтовое отделение для корреспонденции до востребования.

— Тогда зачем беспокоиться?

— У тебя есть идеи получше?

— Нет, признался я. — Только что поесть и поспать. Я умираю с голоду.

Мы нашли открытый ресторан на пересечении Шестой улицы и Уайн-стрит и поели. Потом поселились в отеле на Фаунтин-сквер, где сняли номер на двоих. Дядя Эм попросил разбудить нас в девять часов.

— Тебе нет смысла вставать в девять, Эд, — сказал он уже в комнате. — С «Билбордом» я лучше разберусь один. Разбужу тебя, когда вернусь. Так ты сможешь поспать на час-два дольше.

— Прекрасно, — промолвил я. — Но не позволяй мне спать слишком долго. Я должен вернуться в Форт-Уэйн к семи, чтобы встретить Риту.

— Не волнуйся, Эд. Вернешься.

Дядя Эм выключил свет и лег.

— После целого сезона на койке, — простонал он, — я не засну на такой мягкой постели. У меня ощущение, будто я тону.

Но когда через минуту я задал ему вопрос, он уже спал.

Глава четырнадцатая

Я услышал звонок телефона в девять часов, но, вспомнив, что мне пока не нужно вставать, снова попытался заснуть. Однако как только звонки прекратились, дядя Эм принялся трясти меня за плечо. Я открыл глаза и спросил:

— Какого черта? Ты же сказал, я могу...

И тут я заметил, что он полностью одет. Дядя улыбнулся:

— Уже полдень, парень. Тебе пора выкатываться, если хочешь быть уверен, что вовремя вернешься в Форт-Уэйн.

Я сел на край кровати и увидел у дяди в руках какой-то сверток. Он бросил его на стул, куда я вчера повесил одежду. Только вот моего костюма там не было.

— Тебе незачем торопиться, поезд в два часа, — произнес он. — Но ехать с пересадкой, и поезд придет незадолго до семи, так что я подумал, до выхода тебе нужно будет привести себя в порядок. Отельные служащие гладят твой костюм, его вернут к тому времени, как ты примешь душ.

Дядя Эм развернул сверток, и я увидел в нем новую рубашку, носки, нижнее белье и красивый галстук.

— Ты прекрасный человек, дядя Эм! — воскликнул я.

— Разумеется. Но я уже три часа на ногах, и мне бы не помешал завтрак.

Только когда я принял душ и уже надевал отглаженный костюм, который принес коридорный, я вспомнил о «Билборде» и спросил, как прошел визит туда.

— Как я и думал, Эд. Не лучше и не хуже. Имя — Джон Уилкинс, что, на мой взгляд, почти то же самое, что Джон Смит. Адрес — до востребования, почтовое отделение Луисвилла, штат Кентукки. Объявление поступило по почте, за него заплатили авансом, наличные были приложены к письму. Согласно записям, на объявление пришел ответ, и его переслали на адрес до востребования.

— Луисвилл, — промолвил я. — Это было примерно в то же время, когда мы там выступали, не так ли?

— Точно. Мы открылись в Луисвилле в понедельник пятого августа, через два дня после первого выпуска журнала, в котором было дано объявление. Да, связь с цирком Хобарта существует, Эд.

— А если ответ поступил после того, как мы покинули Луисвилл? Объявление печаталось в течение трех недель, а мы провели там только одну.

— Тот, кто дал объявление, сменил бы адрес на «Эвансвилл, до востребования», потом на «Саут-Бенд, до востребования». Но он получил ответ сразу, поскольку Фло показала объявление Лону третьего августа.

Пока мы завтракали, я спросил дядю Эма, позвонил ли он Фло Червински, как обещал. Он поблагодарил меня за напоминание и позвонил ей с телефона в холле, как только мы покончили с завтраком. Затем мы побрились в парикмахерской отеля, потому что не взяли с собой бритвы, и к двум часам отправились на вокзал.

В поезде дядя Эм долго молчал. Я прислушивался к стуку колес и думал о том, что скоро увижу Риту.

Наконец дядя Эм вынул из кармана конверт и начал что-то писать карандашом на его оборотной стороне. Он писал по одному-два слова, останавливался, прибавлял еще по одному или два слова.

— Парень, когда убили Лона? — спросил он.

— В четверг, — ответил я. — В Эвансвилле. Вчера было ровно две недели. Значит, пятнадцатого августа. А... подожди, наверное, шестнадцатого, потому что его убили после полуночи. Ну да, в пятницу, шестнадцатого.

В середине конверта у него была запись: «Убит Л. С.», и он добавил после этого: «15».

— Если это была ночь четверга, — сказал дядя Эм, — будем считать это четвергом, неважно, до или после полуночи. А Сьюзи?

— Она пропала в ночь нашего первого дня в Форт-Уэйне — в прошлый понедельник, двадцать шестого. В бассейне обезьяну нашли днем во вторник, но убили ее в ночь понедельника.

Он добавил «26» к следующей записи.

— А Джигабу — позавчера, в среду, двадцать восьмого. — Дядя сделал новую запись. — А когда ты видел Сюзи — или ее двойника — в окне фургона?

— Той же ночью, когда убили Джигабу.

— Что у нас еще есть? Лон уехал из Цинциннати... за сколько дней до того, как нашли его тело?

— Видимо, он уехал десятого, в субботу. Это был наш второй день в Луисвилле. — Я смотрел, как дядя Эм делает соответствующую запись перед «Л.С. убит», в хронологическом порядке — «Л.С. уехал из Цин. — 10-го».

— Туда можно добавить еще одну дату, самую раннюю, — произнес я. — Третье августа. Дата выхода «Билборда», в котором миссис Червински показала Лону частное объявление.

Дядя записал: «Лон видит объявл. — 3-го», — и посмотрел на слова.

— И если он ответил на объявление сразу же, — сказал он, — а я думаю, так и было, письмо дошло бы до почтового отделения Луисвилла пятого числа, в понедельник, когда в Луисвилл приехал цирк. Парень, все сходится, но неизвестно, что это означает.

— Когда было дано объявление, цирк находился во Франкфорте, штат Кентукки, — сказал я. — Это самая ранняя дата, которую мы можем связать с делом. Конец июля. Или за неделю до этого — Лексингтон, штат Кентукки.

Дядя Эм сделал еще одну запись, принялся рассматривать список. Я тоже уставился на его записи, но не увидел ничего, чего не знал бы раньше. Разве что мне стало ясно, что кто-то из цирка, из нашего цирка, опубликовал объявление в «Билборде», связался с Лоном, договорился с ним о чем-то, что привело к его отъезду из Цинциннати десятого числа, а пять дней спустя лилипут был найден мертвым в Эвансвилле — через четыре дня после того, как туда прибыл цирк. Мы так и не выяснили, чем Лон занимался в течение пяти дней до этого.

Поезд доехал до Лимы, и мы вышли из вагона, чтобы пересестись на «Пенсильванию», которая повезла бы нас обратно в Форт-Уэйн. Между поездами был перерыв, и мы с дядей заказали кофе в кафе напротив вокзала. Дядя Эм снова достал конверт и положил его на стол, чтобы нам обоим было хорошо видно.

— Эд, здесь есть принцип, — произнес он. — Должен быть. Но мы его не установили, потому что у нас нет последнего фрагмента. Есть нечто, что можно добавить к этой картине, и тогда все остальные фрагменты сложатся вместе.

Я кивнул и сделал еще глоток кофе. Краем глаза я видел вокзальные часы. Сейчас пять четырнадцать, до семи еще час и сорок шесть минут.

— Думай, парень, — сказал дядя Эм. — Что нам известно об отсутствующем фрагменте?

Отведя взгляд от часов, я ответил:

— Для начала он должен дать нам мотив. Тебе не нравится версия, что преступник — сумасшедший, и Вайссу тоже, значит, он не сумасшедший. Но если и нет, мы все равно не знаем, по какой причине он совершил преступления. Насколько нам известно, ни одно из этих преступлений не принесло никому никакой выгоды. Разве что — и мы пока не нашли ничего, что бы это подтвердило, — кто-то затаил злобу на Лона с давних времен.

— Эд, вражда как мотив мне не нравится. Люди убивают в приступе ярости, но это не тот случай, потому что данное убийство спланированное. Кто-то что-то с этого получил. Ты прав, недостающий фрагмент укажет нам на мотив. Что еще?

— Он должен объяснить эту странность с ростом жертв. Они все, черт побери, были одного роста. Вот что...

Я снова уставился на записи. Они по-прежнему ничего не означали.

— Парень, из нас двоих хорошая память у тебя. Закрой глаза и поразмышляй. Нет, подожди. Очисти разум. Потом возьми эти две зацепки, о которых ты только что говорил: выгода, деньги — и рост, рост лилипута, шимпанзе и ребенка. Думай, вспоминай.

Я закрыл глаза и попробовал. У меня ничего не получалось. Вскоре я покачал головой. Вдалеке раздался свисток поезда.

— Еще раз, Эд, — сказал дядя Эм. — Наш поезд уже совсем скоро, но ты все равно попробуй. Где недостающий фрагмент?

На сей раз я не стал закрывать глаза: смотрел из окна кафе на станцию напротив.

— Я кое о чем подумал, — сказал я. — Но не вижу, как...

— Забудь о «как». Что?

— На следующий день после убийства Лона, когда я находился в Эвансвилле, я читал газету, хотел узнать, что там пишут о прошлой ночи. Помню, там говорилось, что где-то похитили мальчика, за него требовали выкуп в размере пятидесяти тысяч. Это произошло предыдущей ночью, перед тем, как я об этом прочитал, — значит, это была ночь убийства Лона. Мальчику семь лет. Рост подходит. Такой же, как у Джигабу, Лона и Сьюзи. И... пятьдесят тысяч баксов.

— Где это случилось?

Я вспомнил. По коже у меня пошли мурашки.

— В Луисвилле.

Поезд приближался к станции, и я встал.

— Пошли, а то пропустим, — сказал я.

Я сделал несколько шагов к двери, но дядя Эм не сдвинулся с места. Я обернулся. Он все еще сидел за столиком, широко раскрыв глаза, словно увидел привидение.

— Дядя Эм! — позвал я. — Пошли.

Он медленно повернулся и произнес:

— Ты иди, парень. Я тебя догоню. Завтра.

Я не понимал, что происходит. У него на лице застыло выражение, подобное тому, которое я увидел, когда встретился с ним впервые, — когда мне пришлось сообщить ему о смерти моего отца — его брата.

Но приближался поезд, замедляя ход, и через минуту он бы уехал без меня, а я мог добраться до Форт-Уэйна вовремя только на нем. Я обещал Рите, что обязательно встречу ее.

Дядя Эм увидел нерешительность у меня на лице и проговорил:

— Убирайся отсюда, черт возьми, или пропустишь поезд. Я же сказал, увидимся завтра.

— Но...

Он взял солонку и сделал вид, будто собирается швырнуть ее в меня.

— Убирайся!

Раздался сигнал отправления поезда.

Я успел на поезд.

Рита была одета в черное. Ей это было к лицу. Кожа казалась бледнее, а волосы еще больше отливали золотом. Она была похожа на ангела, но не такого ангела, которым хочется восхищаться издали. Когда Рита смотрела на меня, сидя напротив, в ее глазах мелькали дьявольские искорки, так что мне бы такое и в голову не пришло.

Я упомянул ее отца, и она сказала:

— Не будем об этом, Эд. — Но потом добавила: — Эд, я не хочу, чтобы у тебя сложилось обо мне неверное впечатление. Скажу честно: я не любила отца. Он был... ну, он уже умер, поэтому мне неприятно так говорить, но отец был не очень хорошим человеком. Вел себя жестоко по отношению к моей матери. Нет, я не имею в виду, что он ее бил или что-то подобное. Я даже не знаю, изменял ли он ей, да мне, в общем-то, безразлично, но выпивка была для него важнее, чем она или я. Думаю, мать не бросала его только из-за меня, чтобы у меня был дом. Свой доход у нее был небольшой. Этим она оплачивала страховку и поэтому сделала так, чтобы он не мог ее обналичить. Мама платила за страховку, потому что знала, что скоро умрет. Она умерла от рака, Эд, и, наверное, понимала, что ее ждет, задолго до того, как это произошло. Она...

Я накрыл ее руку своей ладонью.

— Тебе не нужно мне все это рассказывать, Рита, — промолвил я. — Это уже не имеет значения.

— Имеет, Эдди. Я хочу, чтобы ты понял, почему мне было так тяжело, ведь мы долго были порознь и только что снова нашли друг друга. Мне было больно его потерять, поскольку раньше я его не любила. Но потом... когда уже слишком поздно, узнаешь человека поближе. Отец не был плохим человеком, Эдди. Я поняла это, когда каждый день навещала его в больнице. Он просто был слабым во всем, что касалось алкоголя. Но он был моим отцом.

— Не будем об этом, Рита.

— Отец знал, что умрет, понял это сразу после несчастного случая, когда все врачи еще думали, что он поправится. Радовался, что я приехала. Заплакал. А потом я... мне нужно было остаться там, пока все так или иначе не закончится.

— А что насчет Чикаго? Зачем ты туда едешь?

— Мы с тобой откроем свое дело, Эдди. — Рита загадочно улыбнулась.

— Что?

— У нас есть деньги. Страховка была на пять тысяч, Эдди. У меня осталось четыре: я оплатила достойные похороны и потратила кое-что на одежду. Как тебе это платье, Эдди?

— Очень красивое, — ответил я. — Но... пять тысяч баксов! Это же куча денег!

— Это капитал, Эдди. По крайней мере четыре тысячи. Если бы я просто жила на них, они бы закончились в течение года. А если бы я попыталась отложить их и продолжала работать, периодически забирая оттуда деньги, их бы тоже надолго не хватило. В общем, я знаю, куда вложить деньги, чтобы получить крупную прибыль. В шоу иллюзий.

— Во что?

— Тебе известно, что такое шоу иллюзий, Эдди. Там пять аттракционов: кабинет мечей, женщина без головы, трюк с гильотиной, девушка-паук и еще один, я не запомнила, но он более новый, чем остальные. Шатер и вывески. Мы много заработаем, Эдди.

У меня в голове мелькало столько мыслей, что я не знал, какую озвучить первой.

— Если Эм захочет, я бы не возражала, чтобы он работал с нами, — добавила Рита. — И нам понадобится еще одна девушка. Вчетвером мы управимся. Вы с Эмом — один внутри, другой снаружи, — и мы с девушкой на аттракционах. Как, по-твоему, я буду выглядеть в роли женщины без головы?

— Превосходно! Но послушай, сезон почти завершился. Поздно открывать новое шоу.

— После Милуоки и Спрингфилда цирк отправится на юг. Останется почти два месяца. Заработаем достаточно, чтобы расплатиться с долгами, а в следующем сезоне...

— Расплатиться с долгами? — перебил я. — Твоих четырех тысяч не хватит?

— На шатер и все остальное? Нет, конечно. Парень просит восемь тысяч, но я думаю, что могу сбить цену до шести. И я дам ему только три. Нам понадобится стартовый капитал и деньги на зиму. У меня будет год на то, чтобы выплатить остальное.

Я открыл рот, чтобы сказать, что у дяди Эма тоже есть деньги, которых может хватить на то, чтобы проверить сделку за наличные, но промолчал. Не хотел впутывать дядю и даже намекать, что у него есть что-то в кошельке.

— Звучит заманчиво, — сказал я, — однако...

— Что, Эдди? Разве ты не хочешь?

— Конечно, хочу, Рита, но... я бы предпочел, чтобы это были мои деньги, а не твои. Мне не нравится...

— Не говори глупостей, Эдди. Это наши деньги. Если я стану твоей, все, что у меня есть, — тоже твое. Или... если не хочешь меня в придачу, я буду платить тебе сотню в неделю за работу менеджера и зазывалы. Как тебе такое предложение?

Я рассмеялся:

— Если получу тебя в придачу, то согласен и на пятнадцать центов в неделю. Но не кидайся в это дело с головой, Рита. Вдруг ты покупаешь мусор? Позволь моему дяде взглянуть на это шоу, прежде чем начнешь вкладывать деньги. Или посоветуйся с Мори, он занимается цирковым делом уже много лет. Он тебе объяснит, во что ты ввязываешься.

— Мори уже все знает, Эдди. За пару ночей до того, как... как мы с тобой познакомились, мы с Хоуги, Мардж и Мори пошли выпить в городе после работы, и Мори начал говорить об этой сделке. Это шоу из цирка, который прогорел. Мори говорит, сам по себе цирк был паршивый, но шоу хорошее. Он хотел бы, чтобы Хоуги или кто-нибудь другой купил его и включил в программу цирка Хобарта. Ему как раз это нужно, потому что денег будет немерено. Он упомянул хозяина шоу — тот сейчас в больнице в Чикаго, поэтому и собирается продать шоу, а не присоединиться с ним самому к другому цирку.

— Рита...

— Когда я получила страховку, Эдди, — вернее, когда поняла, что получу ее, — я позвонила Мори и опять спросила его про это. Он ответил, что это отличная сделка, если у меня получится

выкупить шоу менее чем за десять тысяч. По его словам, я смогу заработать пару тысяч за остаток этого сезона.

— Значит, все в порядке, Рита, — произнес я. — Но ты не можешь подождать и посоветоваться с моим дядей? Особенно если хочешь, чтобы мы в этом участвовали. Мы нормально зарабатываем на игре в мячи. Вероятно, он не захочет рисковать.

Она улыбнулась:

— Твой дядя Эм? Не захочет рисковать? Не говори глупостей. Ладно, сначала я поговорю с ним. Я хотела еще раз увидеться с Мори и забрать кое-какие вещи, которые оставила в нашем шоу. Пойдем на площадку?

— Дяди Эма там нет. Он уехал из города по делам. Я... даже не знаю, как долго его не будет. Наверное, вернется завтра.

— Если я уеду сегодня, то не смогу с ним увидеться. Но я хочу успеть на поезд в Чикаго, который отходит в полночь.

Я посмотрел на Риту и подумал, что сумел бы отговорить ее. Вместо этого я сказал:

— Да, лучше ехать на нем, Рита. Пошли.

Как только мы сели в такси, я поцеловал ее. Казалось, мы растворились друг в друге. Я никогда ничего подобного не чувствовал. Это напоминало фейерверк. Это было по-настоящему. Я знал, что не обманывал себя на ее счет. Этого стоило ждать. Я вдруг пожалел, что так плохо ждал. Теперь я жалел о том, что произошло с Эстель. Но это не имело значения. Это ничего не значило. Отныне мы с Ритой будем вместе против целого мира.

Даже против дяди Эма, хотя я надеялся, что мы как-нибудь сможем остаться с ним. Как здорово, что Рита угадала мое желание и учла его при заключении сделки, которая позволит нам остаться вместе с дядей.

Я знал, что этот поцелуй подействовал и на нее. Рита дышала часто, когда я отодвинулся. Ее глаза были закрыты, и с небольшого расстояния, которое нас разделяло, я видел в тусклом свете, как она прекрасна, как совершенна, и я подумал: не может быть, чтобы это происходило со мной. Но ведь было именно так. И понимать, что если бы я только попросил Риту остаться, она бы не села в поезд в полночь, было прекрасно и страшно одновременно. Я был уверен, что она не уехала бы.

Но я не стал просить. У меня мелькнула мысль, что таким образом я заслужу ее прощение за интрижку с Эстель. Я должен позволить Рите уехать, я должен ждать. Хотя это казалось бессмысленным, как и многое другое.

— Все будет отлично, Эдди, — прошептала Рита.

Ее лицо то появлялось в свете фонарей, мимо которых мы проезжали, то вновь скрывалось во мраке.

— Этого следовало ждать, — промолвил я и почувствовал себя виноватым, потому что не ждал.

Вскоре до нас донеслись звуки цирка, и такси подъехало к тротуару напротив главного входа. За воротами мы остановились, глядя на аллею. Не знаю, почему мы остановились и кто из нас сделал это первым. Но мы стояли на месте, и Рита крепко держала меня за руку.

Не известно, о чем она думала. Я думал о недавней ночи, когда я видел аллею сквозь завесу молочной дымки, которая приглушала звуки и обрисовывала огни кругами. Я вспомнил об этом, потому что сейчас все выглядело почти так же — только виной тому было мое сознание, и царивший в нем туман приглушал звуки и рисовал круги. Мне снова почудилось, будто я вижу площадку цирка и слышу ее звуки впервые в жизни. Все опять казалось иным, но это было так странно, что я не мог ни объяснить, ни понять этого.

Сейчас не было тумана, приглушавшего звуки и размывавшего огни фонарей. Ночь стояла ясная, дул легкий прохладный ветерок, отчетливо доносивший привычные громкие звуки цирка.

И тем не менее все это представлялось мне странным, чужим, словно я не проработал здесь целый сезон. Меня охватило чувство, будто я тоже скоро покину это место. Казалось, я вижу цирк с точки зрения чужака, в первый и последний раз, однако при этом все понимаю, заглядываю в самую глубину сквозь полотно прямо в жизни и мысли работающих здесь людей.

— Мне здесь нравится, Эд, — сказала Рита. — Я и не знала, как мне здесь нравится, пока не уехала. За эти две недели в Индианаполисе я соскучилась по цирку. По тебе я скучала сильнее, но

и по цирку скучала. Наверное, я могла бы вернуться, даже не будь здесь тебя, даже не будь у меня денег, даже если бы мне пришлось опять выступать в стрип-шоу. В этом есть нечто, что не отпускает тебя, Эд.

Я кивнул. Я прекрасно понимал ее чувства.

— Это доказывает, что то, чему меня учили в школе, на планиметрии, не совсем правильно, — заметил я. — «Целое равно сумме частей». Это не так, если целое — цирк. Его слагаемые составляют куда больше, не знаю, как и почему, но так и есть. Наверное, так бывает и с другим.

— Что ты имеешь в виду, Эдди? С каким другим?

— С тобой и со мной, например. Разве вместе мы сумеем не больше, чем поодиночке?

Рита слегка сжала мою руку:

— Да, Эдди.

— Все, что имеет значение, является чем-то большим, чем просто суммой слагаемых, — добавил я. — Музыка. Ты когда-нибудь слушала великого скрипача, Рита, и думала о том, что он делает? Водит конским волосом по высушенным овечьим кишкам. Это...

Смех Риты прервал меня:

— Какой ты смешной, Эдди! Я никогда не встречала никого, похожего на тебя.

Я тоже засмеялся и почувствовал себя глупо после всего, что наговорил, но я продолжал размышлять об этом. Цирк, думал я, во многом напоминает скрипку. Он создан из таких же неромантических вещей, как конский волос и овечьи кишки, и Вайсс прав: он рассчитан на то, чтобы завлекать публику, обращаясь к самым низменным инстинктам: сладострастию, болезненному любопытству, жадности, — но в нем есть и волшебство. В нем есть нечто большее, чем неон и рулетка, обнаженные тела и человеческое уродство... Черт возьми, я не могу это объяснить, но это так.

Как будто я действительно видел и чувствовал все это в первый и последний раз!

Через минуту Рита пошевелилась и сказала:

— Эдди, не надо идти со мной в шатер стрип-шоу. Я хочу поговорить с девочками, это займет какое-то время и... Встретимся в фургоне Хоуги?

— Нет! — возразил я. Не знаю, почему ее слова вызвали у меня столь сильный протест. Я поспешно дал задний ход: — По-моему, там никого нет. Кажется, Хоуги уехал готовить нам следующую площадку. А Мардж, я слышал, помогает на одном из аттракционов.

— Тогда где мы встретимся?

— У Ли. Через час?

— Наверное. Да, это займет как минимум столько времени. Не заблудись, Эдди.

Я улыбнулся:

— Я бы лучше пошел с тобой.

— В палатку для переодеваний? Даже если я буду за тобой присматривать, я не смогу тебе там доверять.

Рита погладила меня по щеке и ушла. Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не затерялась в толпе. И я продолжал стоять, потому что мне было страшно двигаться. На площадке имелось одно место, куда мне точно не следовало идти, однако я понимал, что если сделаю шаг, то ноги сами понесут меня в том направлении. Но я не мог быть вечно прикован к одному месту, и я сделал этот шаг, и ноги понесли меня к фургону Хоуги.

Не знаю, чего я ожидал. Я постучал в дверь. Она была открыта, и Хоуги крикнул, чтобы я входил.

В фургоне находился Вайсс. Он сидел верхом на стуле. Вайсс выглядел усталым, судя по всему, давно не спал. Хоуги снова втиснулся в кухонный закуток. Перед ним стояла бутылка. По его лицу трудно было понять, напился он или нет, но бутылка была полной только наполовину.

Мардж сидела на постели в конце фургона. Она вся как-то съежилась, словно ей было холодно... или страшно.

— Привет, парень, — сказал Хоуги. — Выпить хочешь?

— Нет, спасибо, — ответил я.

Вайсс молча кивнул мне. В фургоне царила тишина, и я пожалел, что пришел. Но я не мог повернуться и уйти. Вскоре Вайсс спросил:

— Где твой дядя, Эд?

Если бы я сказал, что не знаю, это прозвучало бы глупо.

— В Цинциннати, — произнес я. — По делам.

Вайсс уставился на меня, и я понял, что он гадает, что за дела я имею в виду, но я посмотрел на него без всякого выражения, и он не стал уточнять. Я не сводил глаз с Вайсса, потому что не хотел глядеть на Хоуги или Мардж.

«Почему мне не хватило ума держаться отсюда подальше? — подумал я. — Черт возьми, мне хватило ума, но я им не воспользовался». Фургон напоминал похоронную контору.

Когда Хоуги стал наливать себе второй стакан, звук виски, выливающегося из бутылки в стакан, — звук, которого обычно не слышно, — показался мне преувеличенным шумовым эффектом в радиопостановке. Он выпил, и это тоже было слышно. Затем Хоуги повернулся к Мардж:

— Тебе не пора пойти помочь Питу, дорогая?

Мардж быстро поднялась с края кровати и ответила:

— Да. Я скоро вернусь. — Она поспешно вышла, как будто рада покинуть фургон.

— Садись, Эд, — предложил Хоуги.

Я шагнул к кровати, где раньше сидела Мардж, и присел на самый край, решив, что если она вернется, у меня будет оправдание, чтобы сбежать. Если у Пита уже шла игра и ему не требовался подставной клиент, Мардж явится через несколько минут. Так или иначе, мне не нужно было опасаться Хоуги. Я находился у него за спиной.

Армин Вайсс вдруг поднял голову и посмотрел на меня.

— Парень, что там со следами уколов на лапе Сьюзи? — спросил он.

— В каком смысле?

— Ты знал, что они там были?

— Конечно, — ответил я, — вчера ночью Хоуги рассказал нам.

— Они там точно были, — произнес Вайсс.

Казалось, он разочарован, и еще один фрагмент мозаики встал на место. Теперь я понял, почему Хоуги рассказал нам о следах уколов на лапе обезьяны: он знал, что полиция раскопает могилу так же, как сделал это я, и они будут обследовать труп гораздо более тщательно, чем я.

— Сегодня утром мы откопали тело шимпанзе, и коронер осмотрел его, — сообщил Вайсс. — Обезьяну накачали морфином.

— То есть она не утонула?

— Конечно, утонула. Вернее, ее утопили. В организме было слишком много морфина, сама она не добралась бы до бассейна. Кто-то накачал ее, чтобы она не сопротивлялась, потом отнес к бассейну и утопил.

— А-а, — протянул я.

Боюсь, у меня не получилось сказать это так, словно новость меня удивила. Я с самого начала догадывался, что гибель Сьюзи не являлась несчастным случаем. По-моему, я был в этом уверен еще до того, как осознал, почему это произошло.

Снова повисла тишина. Было так тихо, что я услышал, как снаружи кто-то на цыпочках приближается к фургону. Вряд ли на это еще кто-то обратил внимание. По-моему, ни Вайсс, ни Хоуги ничего не расслышали. Даже мне это было трудно, хотя у меня отличный слух.

Шаги приблизились к двери, затем на минуту затихли. Я посмотрел в окно за спиной Вайсса. Поначалу там ничего не было, а потом возникло лицо дяди Эма. Он перехватил мой взгляд и едва заметно покачал головой, поэтому я, не сказав ни слова, остался сидеть на койке Мардж.

Дядя устремил взгляд на Хоуги, потом снова посмотрел на меня. Я понял, что он хочет привлечь внимание Хоуги так, чтобы этого не заметил Вайсс.

— Хоуги, помнишь ту ночь, когда мне показалось, будто я видел, как Сьюзи заглядывает в окно? — спросил я.

— Да, Эд, — сказал он, и, как я надеялся, машинально посмотрел в окно, о котором я только что упомянул. Он встретился взглядом с дядей Эмом, и тот покачал головой, подавая сигнал.

Хоуги покосился на Вайсса и, увидев, что тот не смотрит в сторону окна, едва заметно кивнул. Я решил не развивать начатую мысль и постарался побыстрее закруглиться.

— Интересно, а может... Нет, это абсурд. Забудь.

Хоуги встал, налил себе еще выпить — полный стакан — и поднял его.

— Мардж не вернулась, значит, Питу нужна помощь. Выйду-ка я на пару минут. Скоро вернусь. Вайсс не двинулся с места. Хоуги стоял неподвижно. Затем поднял стакан и выпил так, словно виски был водой. Он поставил стакан и вышел. Вайсс снова поднял голову и спросил:

— Эд, зачем вы с Эмом ездили в Цинциннати?

— Мы виделись с миссис Червински. Просмотрели вещи Лона Стаффолда, а потом дядя Эм ходил в редакцию журнала «Билборд».

— Значит, вы нашли объявление? То самое, в «Билборде», адресованное Лону С.?

Я кивнул. Меня удивило, что Вайсс знает об этом. Но он мог выяснить это после того, как мы в последний раз говорили с ним.

Вайсс встал, оттолкнул стул, на котором сидел, и начал бродить по фургону. Вскоре остановился передо мной.

— Эд, мне известно, кто убийца, — сказал он. — Я прекрасно знаю, кто совершил преступления, но не понимаю, зачем. Я не могу завести дело, пока не буду знать это.

— Хоуги?

— Конечно, Хоуги. Но ради всего святого — лилипут, обезьяна и негритенок! Как они связаны? Я промолчал.

Глава пятнадцатая

За спиной у Вайсса открылась дверь, и он резко обернулся. Это был дядя Эм. Он вошел и закрыл за собой дверь.

— Здорово, Армин, — произнес он. — У вас громкий голос, слышно с полпути от колеса обозрения.

Дядя шагнул к стулу, который оттолкнул Вайсс, и сел на него верхом.

— У вас есть ответы на все вопросы, Эм? — тихо спросил Вайсс.

— Достаточно. Что вам сказал Эд?

— Ничего. Он тоже в курсе?

Дядя Эм бросил на меня взгляд.

— По большей части он уже обо всем догадался, не так ли, Эд?

— Наверное, — кивнул я.

— Это сделал Хоуги, — сказал Вайсс. — Почему?

Дядя Эм наклонил стул к столу, потянулся и взял бутылку виски. Там еще оставалось немного.

— Давай, Эд, — проговорил он. — Начинай. Я дополню, если ты не сумеешь что-либо объяснить.

— В ночь убийства лилипута в Луисвилле похитили ребенка. Все вращается вокруг этого. Сына богатого предпринимателя по фамилии Порли похитили прямо из постели около девяти часов вечера. Его родители были на вечеринке, и в доме находилось только двое слуг. Мальчику семь лет, значит, он был того же роста, что и Лон Стаффорд, обезьяна и Джигабу. Вот недостающий фрагмент. Имея его, можно воссоздать всю картину.

— Похититель — Хоуги?

— Да.

— Я проверил луисвиллские газеты сегодня днем, — добавил дядя Эм. — Мальчика вернули двадцать шестого числа за выкуп в размере сорока тысяч долларов. Родителям пришлось пойти на компромисс. Мальчик жив и не в самом плохом состоянии, но его, очевидно, все эти одиннадцать дней накачивали наркотиками. Сейчас он понемногу приходит в себя. Пока он под наблюдением врача, но с ним все будет в порядке.

— Двадцать шестого, — произнес Вайсс. — В прошлый понедельник. Тогда утонула Сьюзи. Боже мой, Эм, я устал! Я мог бы и сам додумать детали, но если вам они известны, сэкономьте мне время. Давайте обо всем по порядку.

Дядя Эм посмотрел на меня, и я понял, что мне следует продолжить начатый разговор.

— Должно быть, — сказал я, — Хоуги все решил по меньшей мере за месяц до похищения, в то время, когда мы выступали в Кентукки. Он решил, что рискнет, получит большую сумму и распрощается с цирком. Самое сложное в похищении — где-то спрятать мальчика, пока идут переговоры о выкупе. Если станет известно о факте похищения, нельзя выставять незнакомого ребенка напоказ, а не то кто-нибудь сообразит, что к чему. Хоуги придумал, как с этим разобраться. Но он держал похищенного мальчика прямо у себя в трейлере, у всех на виду, вот только никто об этом не догадывался. Ребенок был одурманен наркотиками и одет в костюм обезьяны. Никакой настоящей обезьяны в цирке тогда не было. Все одиннадцать дней обезьяной был мальчишка Порли, пока Хоуги договаривался с родителями о выкупе и возвращении сына. Мальчик лежал в тускло освещенном углу за широкими решетками, так что никто не мог его рассмотреть, и никому даже в голову не пришло, что в цирке находится еще один ребенок. Даже если похищение связали бы с цирком, вы бы все равно его не нашли.

Вайсс засопел. Он бросил взгляд на дверь фургона, потом снова посмотрел на меня:

— А что случилось с лилипутом?

— Лилипут — часть тщательно продуманного плана Хоуги, — объяснил я. — Хоуги не хотел, чтобы обезьяна появилась сразу после похищения ребенка. Ему надо было, чтобы все запомнили больную обезьяну до того, как он выкрал мальчишку. За пять дней до похищения — и первого убийства — больной обезьяной Хоуги был Лон Стаффорд в костюме шимпанзе. Его не накачивали

наркотиками, он просто притворялся больным. Он являлся сообщником Хоуги. Может, даже помогал совершить похищение.

— Нет, — возразил дядя Эм. — Его нашли голым, помнишь? Это значит, что он носил обезьяний костюм вплоть до самого убийства. А снял его, когда оно произошло.

— Но почему лилипут? — спросил Вайсс. — Почему Хоуги с самого начала не приобрел настоящую шимпанзе в качестве двойника до момента похищения?

Мне это тоже было непонятно, поэтому я вопросительно посмотрел на дядю Эма. Тот объяснил:

— Думаю, Хоуги понял, что настоящая обезьяна слишком сильно отличается от мальчишки Порли в костюме. Кто-нибудь мог это заметить. К тому же возник бы вопрос, что делать с настоящей обезьяной, пока ее роль будет исполнять мальчишка. Лон бы вернулся в Цинциннати, а потом снова приехал бы, чтобы попритворяться обезьяной в течение нескольких дней после возвращения мальчика, чтобы даты снова не совпали. А затем обезьяна просто исчезла бы.

Вайсс кивнул.

— Наверное, Хоуги давно знал Лона, — добавил я. — Они с лилипутом могли и раньше проворачивать какие-нибудь аферы. Поэтому он и подумал, что Лон справится с ролью двойника, и дал объявление в «Билборде», чтобы связаться с ним. Очевидно, Хоуги тогда носил прозвище Коротышка. По принципу противоположностей — как если называть толстяка Худышкой, а парня, который вообще рта не раскрывает, — Болтуном.

— И вы полагаете, он узнал, что лилипут собирается его предать? — спросил Вайсс и опять посмотрел на дверь.

Я понимал, что он ждет, когда же вернется Хоуги. Я увидел, как Вайсс потянулся к кобуре и стал вытягивать оттуда пистолет.

— Наверное, — сказал я, — когда Хоуги наконец выкрал мальчика и притащил его в цирк, лилипут потребовал половину выкупа вместо суммы, которую Хоуги предложил ему изначально, — какие-нибудь несколько тысяч баксов. А может, он до того момента не знал, зачем притворяется обезьяной, и был против похищения ребенка. Похоже, Хоуги обманул его, не сообщив, в чем заключается настоящая работа, и тот пригрозил сдать его властям, если Хоуги не вернет мальчика родителям.

— Мне кажется, твоя вторая догадка верна, — сказал дядя Эм.

— Это подводит нас к двадцать шестому августа, — продолжил я. — В тот день Хоуги обменял мальчишку Порли на сорок тысяч баксов. За это время он выяснил, где можно купить настоящую шимпанзе, и приобрел ее по пути из Луисвилла. Только он не хотел рисковать и держать обезьяну в фургоне. Хоуги накачал ее наркотиками и сразу утопил в бассейне. Заявил нам, что она пропала, и мы искали ее ночью. До этого момента все шло гладко, не считая того, что ему пришлось убить Лона. Но двадцать шестого числа он, скорее всего, уже чувствовал себя в безопасности. Мальчик вернулся домой, Хоуги получил деньги и избавился от обезьяны, а вы ничего не узнали про убийство Лона. А потом кое-что пошло не так, и ему пришлось снова убить. На сей раз — Джигабу.

— Обезьяний костюм! — воскликнул Вайсс.

— Именно, — подтвердил я. — Джигабу нашел обезьяний костюм. Когда я его увидел — Джигабу, одетый в него, заглянул в окно фургона Кэри, — костюм был грязный, весь в комьях земли, значит, его действительно закопали. Видимо, Хоуги зарыл костюм в том же лесу, где похоронил обезьяну. Джигабу скорее всего играл в том лесу и увидел, как Хоуги его закапывал. А может, заметил, что в этом месте недавно копали, и начал рыть в поисках сокровищ. В общем, он обнаружил костюм, отнес в грузовик, в котором спал, и спрятал его там. А ночью после выступления пошел к своему спальному месту, разделся и надел обезьяний костюм. Тот как раз подходил ему по размеру. Джигабу решил сыграть с кем-нибудь невинную детскую шутку. — Я слегка дрожал, вспоминая об этом. — Как выяснилось, со мной. Когда он заглянул в окно фургона, он выглядел точь-в-точь как Сьюзи. Потом Хоуги каким-то образом поймал его, и после этого он уже не выглядел, как чей-то двойник. Он выглядел, как труп.

— Двойник несуществующей обезьяны, — произнес Вайсс, — которую изображали самые разные существа: лилипут, мальчишка Порли, обезьяна, которую он утопил, негритенок... Неудивительно, что все это казалось бессмыслицей.

В его голосе слышались нотки злости. Он снова покосился на дверь и поднялся. На лбу у него выступили капельки пота.

— Какого черта он так долго? — воскликнул Вайсс. Вдруг он повернулся и окинул дядю Эма яростным взглядом. — Черт подери, Эм, вы его предупредили?

Дядя Эм не смотрел на Вайсса и не стал отвечать напрямую.

— Он не станет пытаться сбежать, — сказал он. — Парня с таким телосложением можно отследить даже в Патагонии. Полагаю, он сам обо всем позаботится. Не захочет поджариваться на электрическом стуле.

— Его следует поджарить. Черт возьми, Эм...

— Конечно, следует. Но как быть с Мардж? Может, ее не приговорят к смерти, но это еще хуже. Ей дадут пожизненное. И знать об этом, когда Хоуги будет гореть... Даже если он был сукиным сыном, Мардж его любила.

Вайсс нахмурился:

— Вы уже говорите в прошедшем времени... Вы так уверены?

Дядя Эм не ответил. Вайсс направился к двери. Когда он открыл ее, дядя Эм окликнул его, и Вайсс обернулся.

— Слушайте, мы с Эдом не имеем к этому отношения. Вы до всего сами додумались. Не упоминайте нас.

Вайсс немного помолчал, а затем сказал:

— Спасибо.

В его голосе все еще звучало раздражение, но уже не так отчетливо. Ничего, переживет.

Вайсс ушел, а мы с дядей Эмом сидели и ждали. На столе лежала колода карт, я взял и перетасовал. Я сыграл партию в солитер и начал вторую. Вскоре вернулся Вайсс. Его сопровождали двое детективов из Форт-Уэйна.

— Вам придется уйти, — произнес он. — Нам нужно обыскать фургон. У него при себе не было денег. Мы должны найти их.

Дядя Эм посмотрел на него, но не стал ни о чем спрашивать. Вайсс окинул дядю мрачным взглядом и сообщил:

— Да. В двух милях отсюда. Лобовое столкновение с бетонным береговым укреплением на скорости около восьмидесяти миль в час. Оба погибли сразу.

Дядя Эм кивнул, и мы собрались уходить. Но детективы из Форт-Уэйна решили сначала обыскать нас, чтобы убедиться, что мы не прибрали к рукам выкуп, и мы не стали спорить. Вряд ли Вайссу пришло бы в голову нас обыскивать.

Мы с дядей Эмом вернулись к себе в палатку, а минут через десять туда заглянул Вайсс и сообщил, что они обнаружили деньги.

— По крайней мере, — сказал он, — большую их часть. Тридцать четыре тысячи. Остальное найдем позднее.

Дядя Эм кивнул:

— Выпьете?

— Нет, спасибо... Слушайте, Эм, может, все и к лучшему. Для женщины, по крайней мере. Что ж... мне пора начинать бумажную волокиту. До встречи. — И он ушел.

Через несколько минут я вдруг вспомнил, что Рита ждет меня в фургоне Ли Кэри. Я сказал об этом дяде Эму и поспешил туда.

Я опоздал почти на час, но Рита находилась там. Сидела на ступеньках фургона и плакала. Тогда я понял, что мне не придется рассказывать ей новости, и очень этому обрадовался. Пора было ехать на вокзал, и нам повезло поймать такси, которое доставило нас на вокзал с запасом. Мы сидели там и почти не говорили. Рита упомянула шоу иллюзий, и я заметил:

— Это хорошая идея, но почему бы тебе не подождать? Посмотри на него, прикинь варианты, но не давай окончательного согласия, пока мы все не обдумали.

— Хорошо, Эдди, я больше ничего не буду предпринимать, пока мы с тобой не увидимся снова. В понедельник днем, в Милуоки.

— Встретить тебя?

— Я не знаю, на каком поезде поеду, Эдди. Позвоню тебе из отеля, когда сниму номер.

Поезд подъехал к станции. Мы с Ритой не стали целоваться на прощание. Я хотел, чтобы наш следующий поцелуй был чем-то большим, чем он мог быть сейчас, ведь мы оба думали о том, что недавно произошло. Но когда поезд тронулся, я почувствовал себя так, словно у меня в жизни образовалась пустота, и я принялся считать часы от полуночи в пятницу до полудня в понедельник.

Я вернулся на площадку, когда цирк закрывался. Дядя Эм был в палатке. Он не раздевался и сидел на койке, сдвинув шляпу на затылок.

— Привет, Эд, — произнес дядя и зевнул. — Все пытаюсь убедить себя, что хочу спать, но не получается.

Я чувствовал себя так же. Не знал, чем заняться, но и лечь тоже не хотел.

— Выпьешь, Эд? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил я.

Дядя Эм покачал головой:

— Тебе понравилось играть в детектива? Работенка паршивая.

— Убийство и того паршивее, — вздохнул я. — Мне очень жаль Мардж, но я бы все повторил — в смысле, свою роль в данном деле. Черт возьми, дядя Эм, может, я бы хотел стать детективом!

— Это такой образ жизни, что врагу не пожелаешь, Эд. Совсем не похоже на рассказы в журналах. Работаешь подолгу, денег получаешь мало, и девять десятых работы — сущие пустяки, так или иначе.

— Ты мне то же самое говорил о цирке до того, как я поступил сюда. А это не так, мне здесь нравится. Но я не создан для того, чтобы быть циркачом. Ну... я хочу сказать, всю жизнь.

— А как ты совместишь работу детектива с Ритой, Эд?

— Не знаю, — признался я.

Я понял, что совместить это невозможно.

— Ладно, я об этом забуду, — промолвил я. — В смысле, о работе детективом.

Дядя Эм вдруг встал и сказал:

— Я на некоторое время отлучусь. Увидимся, Эд.

Когда он ушел, я сидел на койке и размышлял. Решил, что дяде захотелось напиться, и жалел, что не могу сделать то же самое, но я, видимо, для этого не создан.

В мыслях я снова вернулся к работе детектива. Может, я как-нибудь сумел бы совместить и работу, и Риту? Или мне чего-то не хватало для подобной деятельности? Мог бы я, например, кого-нибудь выслеживать? Я никогда в жизни никого не выслеживал.

Поддавшись импульсу, я встал и покинул фургон. Почему бы не попробовать, шутки ради? Дядя Эм ушел всего минуту или две назад. Попробую выяснить, могу ли следить за ним, не теряя его из виду, чтобы он меня не заметил. В любом случае мне это поможет убить время.

На улице я увидел дядю Эмму примерно в квартале от цирка — он шагал в направлении центра города. Я перешел на противоположную сторону улицы и следовал за ним на расстоянии, не сводя с него глаз и стараясь быть незаметным. Дядя добрался до города пешком, хотя мимо нас проехали ночной автобус и несколько свободных такси.

В городе на улицах еще было довольно много людей, поэтому я немного сократил расстояние между собой и дядей. Я начинал испытывать гордость, поскольку был уверен, что он меня не заметил. А вскоре перестал гордиться собой и почувствовал себя круглым дураком, потому что дядя вдруг остановился и зашел в здание — только это была не пивная, а церковь, один из больших храмов, которые открыты круглосуточно. Я-то считал, что дядя Эм собирается напиться, а он хотел помолиться за Мардж и, вероятно, за Хоуги тоже.

Я в нерешительности остановился. Поначалу хотел войти вслед за дядей, но знал, что не следует этого делать, ведь я тайно следил за ним, и теперь мне было бы стыдно в этом признаться.

Мимо проехало свободное такси, и я добрался на нем до цирка. Мне хотелось дать себе подзатыльник, но я был по-своему рад: случившееся доказывало, что, будучи детективом, можно узнать о человеке не только плохое, но и хорошее, если есть что узнавать.

На следующий день, в субботу, мы снова открыли наш киоск, а в воскресенье посетителей была тьма, и мы работали в поте лица. В воскресенье поздно вечером мы свернули шатры и погрузили их в грузовики только после трех часов ночи. Мы с дядей Эмом слишком устали, чтобы

ехать в город ловить «Пуллман», поэтому завалились на кучу полотнищ в одном из грузовиков и проспали часть дороги до Милуоки.

Когда мы добрались до города, наступил полдень, и мы торопливо поставили палатку и киоск, чтобы у меня было время привести себя в порядок до того, как позвонит Рита. Я проверил, есть ли в фургоне администрации телефон.

Привести себя в порядок я не успел: звонок от Риты поступил, когда я обтирался губкой у нас в палатке. Дядя Эм вернулся и сообщил:

— Она только приехала и сняла номер в отеле «Висконсин» на Третьей улице. Может встретиться с тобой в коктейль-баре примерно через час.

Я оделся с рекордной скоростью.

Когда я вошел в бар, Рита уже ждала меня там. Выглядела она красивее, чем когда-либо.

— Поверить не могу! — воскликнул я. — В чем подвох?

— Ты слишком далеко, Эдди. Иди сюда.

Я покачал головой:

— Нет, совершенно точно, нет. Мы все еще на людях, и если я сяду ближе, чем сейчас... Я ждал так долго, могу подождать еще несколько минут. Нам обязательно пить?

К нам подошел официант, и мы заказали мартини. Когда его принесли, я поднял бокал.

— За нас, — произнес я.

Рита улыбнулась:

— Ты меня любишь, Эдди?

— Пока не знаю. Все жду, чтобы это выяснить. Долго нам здесь сидеть и вести себя цивилизованно?

— Я бесстыжая, Эдди. Я сняла номер на двоих.

— Сейчас я выскажусь весьма сдержанно, — промолвил я. — Это хорошо.

— Как Эм?

— Нормально. Рита, поверить не могу. В этом есть какой-то большой подвох. Ты опытная лгунья, но ты не та, кем кажешься. Ты...

Что-то в ее лице заставило меня замолчать. Это была едва заметная вспышка чего-то, похожего на страх. Рита слегка наклонилась вперед. Лицо ее стало серьезным.

— Что ты имеешь в виду, Эд?

Я вообще ничего не имел в виду. Собирался сказать, что она прекрасная международная шпионка, которая притворяется, будто любит меня, чтобы получить от меня секретные сведения по обороне Пеории, штат Иллинойс. Господи, именно это я и начал говорить.

Я смотрел на нее и не отвечал. Выражение испуга сошло с ее лица, и она улыбнулась:

— Ты шутишь, Эдди.

Я шутил поначалу. Но в глазах действительно промелькнул страх. И мысль, которую я отгонял с самого вечера пятницы, выплыла на поверхность.

— Рита, ты ведь знала про похищение ребенка? — спросил я.

Она широко раскрыла глаза, нарочито широко.

— Я не имею в виду, что ты сообщница, Рита, — добавил я. — Но ты так много времени проводила в фургоне с Мардж. Наверняка что-то видела, не могла не видеть. За те пять дней, пока лилипут изображал шимпанзе, либо он, либо Мардж могли чем-то себя выдать. И ты испугалась. Вот почему в ту ночь ты взяла с собой пистолет. А когда споткнулась о труп лилипута, наверное, сообщила, кто это такой и что его убил Хоуги.

Рита облизала губы кончиком языка и сказала:

— Эдди, я действительно кое-что подозревала. Да, я знала, что Сьюзи не настоящая обезьяна, выяснила после одного случая. Однажды я зашла в фургон, а она — то есть он — меня не заметил и заговорил с Мардж. Та до смерти боялась Хоуги. Она заставила меня пообещать, что я никому не скажу.

— Но потом, когда лилипута убили, ты знала, где он был все это время — в костюме обезьяны. И понимала, что его убил Хоуги.

— Нет, Эдди. И я обещала Мардж...

Моя рука лежала на столе. Рита накрыла ее своей ладонью. Я вздрогнул от ее прикосновения. Кожа была горячей и обожгла меня, словно огонь.

— Эдди, не будем об этом, — произнесла она. — Давай вообще об этом не будем. Но если нужно, пойдем наверх, где мы сможем побыть одни.

Разумное предложение — слишком разумное. Наверху мне не захочется говорить о смерти.

— Давай еще выпьем, Рита, — предложил я. — Я... ну, мне нужна минутка, чтобы привыкнуть к кое-какой новой мысли, вот и все.

Мне не хотелось отводить взгляд от ее лица, но я повернулся, посмотрел на официанта и дал знак, чтобы нам подали еще два бокала martini.

Я вдруг подумал: это неважно. Я могу поверить Рите. Я могу поверить, что она не читала статью про похищение ребенка и не догадалась связать одно с другим. А если она ничего не знала наверняка, то не была обязана ни с кем делиться своими подозрениями.

Я смотрел на нее и, пока смотрел, я ей верил. Потом на мгновение закрыл глаза.

— Рита, — сказал я, снова открыв их, — той ночью в Эвансвилле ты могла не знать о похищении. Но ты могла прочитать об этом в газетах на следующее утро, прежде чем мы с тобой встретились в холле отеля. И у тебя были какие-то дела в банке, пока я тебя ждал, а потом еще одна встреча с банкиром... Дай угадаю. Ты боялась, что Хоуги убьет тебя, потому что ты многое знала, о многом догадалась. Он уже совершил преступление. Поэтому ты кое-что оставила в банке — например, запечатанный конверт, который следовало открыть только в случае твоей смерти. И после этого тебе уже не нужно было бояться Хоуги.

Она снова облизнула губы и произнесла:

— Эдди, я тебя почти боюсь. Ты говоришь, как... сыщик. Если бы я тебя так сильно не любила, Эдди, я бы...

Нам подали martini. Я заплатил, но пить пока не стал. Рита сделала глоток и снова коснулась моей руки.

— Эдди, давай обо всем забудем. В субботу я забрала конверт и сожгла его. Я это сделала, потому что действительно боялась Хоуги.

Не исключено, подумал я. Может, это правда. Я хотел верить ее словам и обо всем забыть. Она была такая красивая, и я мог бы сказать: «Ладно, Рита», — и забыть обо всем, и мы бы пошли наверх в ее номер. Но я задал ей вопрос:

— Рита, какая страховая компания выплатила тебе страховку в пять тысяч долларов после смерти отца?

Она резко отдернула руку от моей.

Я должен был выяснить правду. Пока я не задал вопроса, оставался крошечный шанс, маленькая надежда на то, что это было совпадение: Вайсс нашел всего тридцать четыре тысячи долларов из сорока, которые Хоуги получил в качестве выкупа за похищенного ребенка, а моя прекрасная Рита внезапно получила пять тысяч долларов по страховке.

Теперь я понимал, что единственным случайным совпадением во всей этой истории была смерть отца Риты, позволившая ей легко объяснить наличие у нее такой большой суммы.

Рита гневно смотрела на меня с противоположного конца стола.

— Будь ты проклят, Эдди, — прошептала она.

Пока это ничего не значило. Я мог бы сказать: «Хорошо, Рита, забудем об этом. Я просто хотел узнать правду». А когда мы поднялись бы в номер, забыть стало бы легко. О, мы бы повеселились, Рита и я, когда стали бы тратить полученные шантажом деньги. Вот только эти деньги являлись частью выкупа, полученного за маленького мальчика, и косвенно привели к гибели другого мальчика — чернокожего малыша, который прекрасно танцевал.

— Ладно, Рита, забудем об этом. Я просто хотел узнать правду, — промолвил я.

Но я имел в виду совсем другое: я не смогу доказать, откуда у нее эти деньги, да и не хочу даже пытаться. Я имел в виду: давай забудем обо всем. Прощай.

Я так и не выпил второе martini.

Выйдя из бара, я двинулся прочь. Я знал, что озеро находится на востоке, поэтому направился туда. Присел на поросший травой склон в парке и уставился на воду. С озера дул прохладный ветерок. Вскоре стало темнеть, и я пошел назад. Из аптеки позвонил в цирк и попросил к телефону дядю Эма. Девушка в фургоне администрации сообщила:

— Он в городе, Эд. Сказал, что хочет повести вас с Ритой в ресторан.

Я понял, что дядя Эм мог зайти в отель и, наверное, уже ушел, но все равно заглянул туда. Дядя сидел в холле.

— Я не знал, где тебя искать, Эд, — произнес он. — На стойке мне сказали, что Рита уехала. Вы... расстались? Ты понял, что произошло?

— Ты знал? — воскликнул я. — А мне не объяснил.

Он медленно покачал головой.

— Я не знал, Эд. Я этого боялся, но не был уверен. Ты знал ее лучше, чем я, и я решил, что если она действительно шантажировала Хоуги, ты и сам догадаешься.

— Забудем об этом. Вернемся на площадку и откроем киоск? Еще только восемь вечера.

— Мы покончили с цирком, Эд.

— Как?

— Я пришел в город, чтобы сообщить тебе об этом. Слухи, что Мори продает цирк, оказались правдой. Новый владелец — Скитс Гири. — Дядя Эм усмехнулся. — Он собирался выставить нам другие условия работы. Сдается мне, мы ему не нравимся. Я послал его ко всем чертям и продал наше барахло Папаше Дженни, а чемоданы отправил на станцию. Мы свободны, как птицы, Эд.

— Скитс не имеет права менять условия в середине сезона! — возразил я. — Твой контракт еще действует.

— Я ему так и сказал, парень. Жестами. Если присмотреться, можно заметить, что у меня подбит левый глаз. Но ты бы видел Скитса! Мы все равно не смогли бы работать под его началом, Эд, ни при каких условиях. И не волнуйся, кошелек в хорошей форме. Еще несколько месяцев голодать не будем.

— Чем займемся? — поинтересовался я.

— Пока проживем в Чикаго. Как тебе такая идея?

— Нормально.

Дядя Эм положил руку мне на плечо:

— Переживешь, сынок. С тобой все будет в порядке.

— Со мной уже все в порядке, — сказал я. — Я все обдумал. Я с этим смирился. Мне хорошо.

— Слушай, Эд, значит, давай эту ночь проведем в Милуоки, а завтра отправимся в Чикаго. Мы же не хотим заявиться в Чикаго со слишком большой суммой денег в кармане? Их у нас там отберут. Так что окрасим Милуоки в светло-розовый цвет сегодня, а? — Он щелкнул пальцами. — И вот еще что, Эд. Эстель тоже собирается валить из цирка. Она ненавидит Скитса так же сильно, как и мы, к тому же он намерен сам управлять стрип-шоу. Так что пойдем, заберем ее и как следует повеселимся.

Я улыбнулся:

— Но тогда ты останешься без пары. Почему бы нам всем троим не слетать в Цинциннати, чтобы забрать для тебя Фло Червински?

Конечно, я шутил, но именно так мы и поступили.